ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2018. Том 63. № 2

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2018. Том 63. № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. П. Костюк – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Котляров – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционный совет

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр "Наука" Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр "Наука" Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Герд Генчель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
А. Е. Дайнеко – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. П. Изотко – Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Вологда, Россия
С. П. Карпов – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
И. Л. Копылов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Е. Миронович – Белостокский государственный университет, Белосток, Польша
И. В. Саверченко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2018. Том 63, № 2.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. В. Денищик*

Подписано в печать 09.04.2018. Выход в свет 27.04.2018. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 98 экз. Заказ 61.
Цена номера: индивидуальная подписка – 10,47 руб., ведомственная подписка – 25,45 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2018

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2018. Vol. 63. No. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Academic Secretary of the Department of Humanities and Arts, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board

Vladimir V. Gnilomedov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Petr G. Nikitenko – National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead editor*)

Yevgeni M. Babosov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigori A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail P. Kostiuk – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Igor V. Kotlyarov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Lokotko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr A. Lukashanets – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Dmitri I. Shirokanov – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Council

Aleksandr N. Bulyko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Book Culture Research Centre, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Gerd Hentschel – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Aleksei Ye. Daineko – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University, Minsk, Belarus
Valeri I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir P. Izotko – Minsk, Belarus
Vladimir A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Moscow State M. V. Lomonosov University, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Igor L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Evgeni Mironovicz – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Ivan V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Azimchan A. Satybaldin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrey V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS
Humanitarian Series, 2018. Vol. 63, No. 2.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. V. Dzianishchyk*

Signed to print on 09.04.2018. Published on 27.04.2018. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 98 copies. Order 61.
Number price: individual subscription – BYN 10.47, departmental subscription – BYN 25.45.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2018

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

Коваленя А. А., Левкович В. И. Гуманитарное знание в Год науки 135

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Ганчеренок И. И. Подготовка научных кадров: синергетический подход 151
Белокрылова В. А. Трансформации марксизма в контексте китайского модернизационного проекта 160
Сосновская Н. А. Теоретические основы изучения института семьи в современной социологии 168

ГІСТОРЫЯ

Тугай В. В. Немцы-антифашисты в рядах белорусских партизан (1942–1944 гг.) 178
Жилинская И. В. Культурно-литературные англо-советские связи в 30-е гг. XX в. 187
Сыцько К. В. Палявыя археаграфічныя даследаванні: методыка і асаблівасці правядзення 196

МОВАЗНАЎСТВА

Маліцкі Ю. В. Рэдуплікацыя ў сучасным беларускім дыялектным маўленні: асаблівасці моўнай рэалізацыі і семантыкі 206

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Бунеева Д. Ю. Арт-рынак як эканамічны фактар развіцця кічу 211

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Белая А. І. Мастацкая антрапалогія ў беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя: вобразы і паняцці ... 221
Мікуліч М. У. Новы напрамак у беларускім літаратуразнаўстве 228

ПРАВА

Минникес И. В. Конституционные гарантии прав собственности в зарубежных странах 234

ЭКАНОМІКА

Попкова А. С. Влияние интеграционных процессов на платежный баланс Республики Беларусь 243

РЭЦЭНЗІІ

Кодин Е. В. Рижский мир в истории Беларуси 250

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Владимир Григорьевич Гусаков (К 65-летию со дня рождения) 254

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

Kovalenya A. A., Levkovich V. I. Humanities and the Year of Science 135

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Hancharonak I. I. Preparation of Researches: Synergetic Approach 151
Belokrylova V. A. Chinese Marxism: modernization of the theory in the space of social transformations 160
Sosnovskaya N. A. Theoretical Foundations of Studying the Institute of the Family in Modern Sociology 168

HISTORY

Tugay V. V. The Germans are anti-fascists in the ranks of the Belarusian partisans (1942–1944)..... 178
Zhilinskaya I. V. Anglo-soviet literary connections in the 30-ies Twentieth century 187
Sytsko K. W. Method and Features of Conducting Field Archeographic Expeditions (on the Example of Heuristics of Sources on the History of Roman Catholic Church)..... 196

LINGUISTICS

Malitski Yu. V. Reduplication in modern Belarusian dialect speech: features of language realization and semantics .. 206

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Buneyeva D. Yu. Art Market as an Economic Factor in the Development of Kitsch 211

LITERARY SCIENCE

Belaya A. I. Artistic Anthropology in Belarusian Prose of the First Third of 20th Century: Images and Notions 221
Mikulich M. U. New direction in Belarusian literary criticism 228

LAW

Minnikes I. V. Constitutional Regulation of Ownership 234

ECONOMICS

Popkova A. S. Regional Integration and Evaluation of its' Influence on the Balance of Payments of the Republic of Belarus 243

REVIEWS

Kodin E. V. The peace of Riga in the history of Belarus 250

BELARUSIAN SCIENTISTS

Vladimir Grigorievich Gusakov (To the 65th Anniversary of Birth) 254

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК [1/3+7/9]:001(476)
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-135-150

Поступила в редакцию 13.02.2018
Received 13.02.2018

А. А. Коваленя, В. И. Левкович

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В ГОД НАУКИ

Аннотация. Проанализированы результаты и достижения ученых-гуманитариев, выполнявших в 2017 г. государственную программу научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 годы. Отражены важнейшие научные результаты в области археологии, истории, экономики, философии, социологии, языкознания, литературы, искусствоведения, этнографии, права и педагогики. Отмечены наиболее крупные фундаментальные труды, раскрывающие богатейший историко-культурный и духовный пласт белорусского народа и не имеющие аналогов за рубежом. Показаны место и роль социально-гуманитарных наук в белорусском обществе. Подчеркнуто, что главной задачей исследований ученых-гуманитариев является аргументированное отстаивание исторической правомерности белорусской государственности и национально-государственных интересов Республики Беларусь в мировом сообществе, сохранение духовных и материальных историко-культурных ценностей белорусского народа, укрепление международного престижа страны и белорусской гуманитарной науки. Представлены количественные итоги работы и наиболее значимые практические достижения ученых-гуманитариев за 2017 г.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, программа, общество, государственность, духовные и материальные ценности, развитие

Для цитирования. Коваленя, А. А. Гуманитарное знание в Год науки / А. А. Коваленя, В. И. Левкович // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 135–150. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-135-150

A. A. Kovalenya, V. I. Levkovich

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HUMANITIES AND THE YEAR OF SCIENCE

Abstract. This article analyzes the results and achievements of scholars-humanists who have participated in a state research programme “Economics and Humanitarian Development of Belarusian Society for 2016–2020”, in 2017. The paper presents the most prominent scientific results in the field of archeology, history, economics, philosophy, sociology, linguistics, literature, art history, ethnography, law and pedagogy. The work denotes unparalleled and the most important fundamental studies that reveal rich historical, cultural and spiritual stratum of Belarusian people. Authors also show the right place and the role of social and humanitarian sciences in Belarusian society. The work stresses that the main objective of the research of scholars-humanists is not only the defence of the historical legitimacy of the Belarusian statehood and national-state interests of the Republic of Belarus in the world community, but also the preservation of the spiritual, material, historical and cultural values of Belarusian people and the strengthening of both: the country’s international prestige and Belarusian humanitarian science. And finally, the paper presents quantitative results of the work and the most significant practical achievements of scholars accomplished in 2017.

Keywords: humanities and social sciences, programme, society, statehood, spiritual and material values, development

For citation. Kovalenya A. A., Levkovich V. I. Humanities and the Year of Science. *Vestsi Natsyianal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 135–150 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-135-150

Научно-технический прогресс и его тесное взаимодействие с общественным развитием дали старт процессу, который получил название «онаучивание общества». Сегодня научные знания обретают все большую обыденность в употреблении людей. Огромное число граждан являются потребителями и пользователями современных сложных технических устройств, которые стали практическими результатами развития науки, и даже не имеют представления, на основании каких явлений функционируют многие из этих устройств. Разумеется, главная цель обыденного знания состоит в получении практического, часто жизненно важного результата, а не в размышлении о поиске нового решения какой-либо проблемы. С другой

© Коваленя А. А., Левкович В. И., 2018

стороны, в «обществах знания» всегда присутствуют науки, ориентированные на человека. Именно ученые-гуманитарии способны давать научно-экспертные оценки, предсказывать риски социально-экономического и общественно-политического развития, находить пути их нивелирования.

Необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на определенное засилие технократических подходов, которые мы сегодня встречаем в науке и образовании, роль гуманитарного знания в жизни общества еще достаточно значима, и эту тенденцию необходимо всячески возрождать и утверждать. Гуманитарная наука призвана не только обеспечивать передачу научных знаний и представлений новым поколениям, но и формировать их ценностные ориентиры, в первую очередь в нравственном измерении. Специалисты-технократы, в совершенстве владеющие передовыми информационными технологиями, но лишенные общей гуманитарной культуры, способны нанести непоправимый нравственный, духовно-культурный урон и даже стимулировать регресс развития общества.

Представляется, что гуманитарное знание должно играть исключительно важное, непреходящее значение в государственной системе образования и воспитания подрастающего поколения. Гуманитарные знания – это фундамент и важнейшая основа всего учебно-воспитательного процесса, позволяющая сформировать не узко подготовленного профессионала, а личность с широким гуманистическим взглядом на природу, общество и человека. Сегодня происходит синтез новых технологий и культуры, и на этой основе – переориентация всей структуры человеческой деятельности на современное наукоемкое производство. Развитие научного знания уже определяется не только государственными интересами, но и рядом обстоятельств, в первую очередь изменением мира человека и положением человека в мире. Гуманитарное знание должно способствовать преодолению унификации и стандартизации не только промышленного производства и продукции, но и, что особенно важно, мировоззренческих установок и ценностных представлений человека. Именно такой подход может спасти нас от цивилизованного варварства, где бы оно ни проявлялось: в политике, экономике, международных отношениях, экологии, засилии массовой культуры.

К этому следует добавить и тот факт, что научно-технический прогресс значительно опережает духовно-культурное развитие личности. Точные науки и основанная на них техника достигли поистине гигантских успехов, однако духовный мир человека, нормы морали общества плетутся где-то далеко позади. Человечеству все труднее не только контролировать эти процессы, но даже просто осознавать и оценивать последствия всего происходящего. Сегодня многие исследователи-гуманитарии, политические и общественные деятели все более активно поднимают проблемы развития гуманитарного знания. Особое место занимают духовно-нравственные ценности личности, которые являются своеобразным стержнем внутреннего мира человека. Все это требует, чтобы гуманитарное, духовно-нравственное, ценностно-ориентированное формирование личности и общества имело опережающий базисный характер.

В этой связи чрезвычайно важно, чтобы человечество особенно ясно осознавало место и значимость науки в процессе общественного развития. Именно благодаря научному знанию рационализируются по существу все формы общественной жизни. Новые информационные технологии и средства вычислительной техники, достижения генной инженерии и биотехнологии обещают в очередной раз коренным образом изменить материальную цивилизацию, уклад жизни современного человека. Разумеется, страна, которая не в состоянии обеспечить достаточно высокие темпы научно-технического развития и использования его результатов в самых широких сферах общественной жизни, обрекает себя на отсталость и зависимое, подчиненное положение в мире. Поэтому не случайно 2017 год был объявлен в нашей стране Годом науки и в этом же году проведен II Съезд ученых Республики Беларусь.

Необходимо подчеркнуть, что инновационное развитие Беларуси может быть успешным только тогда, когда в обществе утвердится не только идея необходимости развития новых технологических укладов, но и, самое главное, понимание важности развития гуманитарного ресурса – образовательного, идеологического и морального. Именно гуманитарные знания

определяют прогресс общественного развития. Они не только не должны находиться «на обочине» инновационных процессов, а, наоборот, являться их ключевым фактором, их движущей силой.

Гуманитарная наука всегда была призвана служить консолидации общества, искать научно обоснованные пути преодоления кризисов духовности, укреплять историческое сознание людей, гармонизировать социально-производственные отношения. Именно этим целям служит принятая в 2016 г. государственная программа научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 годы – научный руководитель А. А. Коваленя. Программа объединяет шесть подпрограмм: «История и культура» – руководители: В. В. Данилович, А. И. Локотко, В. С. Кошелев; «Экономика» – А. Е. Дайнеко; «Социология и философия» – И. В. Котляров, А. А. Лазаревич, А. В. Рубанов; «Беларуская мова і літаратура» – А. А. Лукашанец, И. С. Ровдо; «Право» – С. А. Балашенко, С. М. Сивец; «Образование» – А. И. Жук, Г. В. Пальчик, С. А. Важник.

Основными целями программы являются:

исследование истории становления белорусской нации, белорусской государственности, формирования и развития национальной культуры, языка и литературы;

теоретико-методологическое обоснование новой стратегии роста конкурентоспособности белорусской экономики с учетом вызовов и тенденций развития мирового хозяйства;

научное обеспечение эффективного социально-экономического развития Республики Беларусь, приумножения человеческого (социально-демографического, интеллектуального, духовного, образовательного, культурного) капитала, сохранения и укрепления национальной идентичности в контексте вызовов современности и мировых интеграционных процессов;

разработка механизмов и практических рекомендаций, направленных на повышение уровня социально-экономического и инновационного развития страны.

Для выполнения этой сложной и напряженной программы привлечены лучшие научные силы республики. Исполнителями заданий являлись около двух тысяч исследователей из 35 научных организаций и высших учебных заведений. Среди исполнителей – 6 академиков, 12 членов-корреспондентов НАН Беларуси, 234 доктора наук и 836 кандидатов наук. Положительным моментом явилось и то, что к выполнению заданий программы были привлечены около трехсот аспирантов, магистрантов и студентов [1].

Творческое сотрудничество ученых-гуманитариев позволило достигнуть зримых результатов. Так, за 2017 г. было опубликовано свыше 6 тыс. научных работ, из них более 1,4 тыс. – в зарубежных научных изданиях. Подготовлено и издано 436 книжных изданий, в том числе 141 монография, 21 справочник и энциклопедия, 91 сборник научных трудов. На основе научных результатов, полученных в процессе выполнения программы, подготовлено 179 учебников, учебных и методических пособий, рабочих тетрадей, учебных карт. Подготовлено и опубликовано свыше 4 тыс. научных статей и докладов, свыше 1 тыс. тезисов докладов. Важно подчеркнуть, что за этот период было защищено 8 докторских, 30 кандидатских и более 80 магистерских диссертаций. Кроме того, в процессе выполнения государственной программы исследователи установили 42 закономерности и 23 новых зависимости, разработали 45 новых методов и методик, 11 макетов систем, комплексов и материалов, 2 экспериментальных образца [1].

За прошедший период организации-исполнители программы заключили 210 договоров на создание научно-технической продукции и оказание услуг на сумму свыше 1 млн руб. Были выполнены 15 зарубежных контрактов и грантов на создание научно-технической продукции и оказание услуг на сумму около 20 тыс. долларов США [1].

В 2017 г. главной задачей научных исследований академических ученых-историков являлось углубленное и аргументированное обеспечение исторической правомерности белорусской государственности, направленное на отстаивание национально-государственных интересов Республики Беларусь в мировом сообществе, сохранение духовных и материальных историко-культурных ценностей белорусского народа, укрепление международного престижа белорусского государства и белорусской исторической науки в мире.

Под руководством директора Института истории В. В. Даниловича была организована и успешно осуществлена комплексная разработка теории белорусской государственности, процесса становления белорусской нации. Продолжалось изучение истоков славянской общности, этнических особенностей, эволюции национальных традиций как в социальной, духовной, так и в материальной культуре во взаимосвязи и взаимодействии с другими славянскими культурами. Много сделано для популяризации исторических знаний и формирования исторического сознания молодого поколения Беларуси.

Большую работу по организации археологических исследований осуществляли В. Л. Лакиза, О. Н. Левко, В. И. Кошман, П. Ф. Лысенко, И. А. Марзалюк, Д. В. Дук, А. А. Башков, А. В. Войтехович. С участием вузовских ученых-педагогов и студентов академические археологи успешно организовали комплексные археологические исследования в зоне строительства Нежинского калийного комбината, нефтескважин, реконструкции Гродненского замка и автомобильных дорог, а также в зоне новостроек в Минске и областных центрах.

За открытие и изучение археологического памятника возле деревни Бережцы Житковичского района Гомельской области (уникального для Восточной Европы памятника с материалами раннеславянского времени) победителями конкурса ТОП-10 по результатам деятельности ученых НАН Беларуси в области фундаментальных и прикладных исследований в 2017 г. стали А. Н. Белицкая, Е. Ф. Касюк, Э. А. Ляшкевич. Важным результатом этих археологических исследований в Припятском Полесье является заполнение датированными памятниками хронологических лакун, которые существовали после распада зарубинецкой культуры в ее классическом проявлении, до IV в. н. э. – накануне сложения славянской пражской культуры. Материалы, полученные в результате исследований, открывают новые возможности ретроспективного поиска истоков раннесредневековых славянских древностей. Этот результат доказывает, что Припятское Полесье с начала I тыс. н. э. было непрерывно заселено.

Систематизация новых археологических материалов позволила внести важные корректировки в устоявшиеся сведения о древней истории Беларуси, определить датировку образования ряда населенных пунктов. В музейные учреждения страны переданы многие уникальные артефакты, подтверждающие историческую самобытность белорусского народа.

Историки продолжали изучение формирования и функционирования социальных, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных структур на территории Беларуси в эпоху Средних веков и раннего Нового времени. Выявлены уникальные источники, раскрывающие социально-экономическую историю Минска XVIII вв., – установлено наличие в Минске элементов каменных оборонительных укреплений в первой половине XVIII в.

В год 500-летия белорусского книгопечатания обнаружены новые источники, проливающие свет на жизнь и деятельность Ф. Скорины и его семьи:

уточнено время поступления Франциска Скорины в Краковский университет: конец марта – начало апреля 1505 г., а не 1504 г., как считалось ранее;

были выявлены два ранее неизвестных документа Симиона Скорины, сына Ф. Скорины, один из которых является автографом с его собственноручной подписью;

выявлен автограф и личная печать белорусского гуманиста Василия Тяпинского.

На основе проведенных исследований и принципиально новой трактовки дефиниции «государственность» подготовлено фундаментальное 5-томное издание «История белорусской государственности: в 5 кн.», в котором раскрыты исторические предпосылки и закономерности процесса формирования белорусской государственности, освещены исторические формы белорусской государственности, раскрыт процесс становления и укрепления независимого, суверенного государства – Республики Беларусь.

Значительный вклад в разработку истории белорусской государственности вносят академик М. П. Костюк, член-корреспондент А. А. Коваленя, доктора наук – В. Ф. Голубев, А. М. Литвин, В. В. Тугай, О. Н. Левко, кандидаты наук – В. В. Данилович, Н. В. Смехович, С. А. Третьяк.

Под научным руководством академика В. Г. Гусакова подготовлен и издан 2-томный научный труд «История аграрной науки Беларуси (XIX–XXI вв.)» [2–3]. В фундаментальном

труде впервые системно исследован процесс развития аграрной науки Беларуси в XIX–XXI вв. Определены периоды и этапы, выявлены характерные особенности развития аграрной науки Беларуси. Раскрыты наработки и достижения отечественных ученых-аграриев.

Много сделано по продолжению исследований трагических страниц отечественной истории в период войн и военных конфликтов, которые прокатились по многострадальной белорусской земле. Объективные научные исследования истории Второй мировой войны позволили противодействовать многочисленным попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны, отстаивать вклад белорусского народа в разгром нацистской Германии.

Впервые создана и обоснована периодизация историографии Минского подполья, включающая 4 основных периода: 1) 1942–1959 гг. – период формирования комплекса документальных источников, официального признания деятельности Минского подпольного ГК КП(б)Б и персонального состава оставшихся в живых участников подполья; 2) 1960–1977 гг. – период официального признания советским руководством Минского подполья, присвоение Минску звания «Город-герой»; 3) 1977–1990 гг. – период углубленного изучения подпольных групп и организаций, снятие обвинений в адрес руководителя подполья И. К. Ковалева; 4) 1991–2017 гг. – современный период. Впервые в историографии обобщена информация о совместной деятельности партизанских формирований Беларуси и Украины в 1941–1943 гг.

Большой общественный интерес вызвало фундаментальное издание «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне» [4]. Было принято решение о переиздании этой коллективной монографии. Привлечение ранее неизвестных документов и новых опубликованных работ позволило более полно осветить вопросы участия белорусов и уроженцев Беларуси в важнейших событиях Великой Отечественной войны. Они убедительно характеризуют общий вклад населения республики в Победу, комплексно освещен массовый героизм белорусского народа на фронтах войны. Многие страницы раскрывают самоотверженную борьбу патриотов в рядах партизан и подполья, участие белорусов и уроженцев республики в европейском движении Сопротивления и в составе войск антигитлеровской коалиции. Значительное внимание уделено показу героического труда белорусов в советском тылу и в восстановлении разрушенной войной экономики, социальной сферы, науки и культуры.

Научные исследования Института истории имеют исключительную значимость для социально-экономического и общественно-политического развития нашей страны, деятельности ее государственных органов. Исследования выполнены на широкой фактологической базе, обеспечены новейшими методологическими подходами и объективными оценками национальной истории в соответствии с национально-государственной идеологией Республики Беларусь. Все это позволит укреплять в общественном сознании национально-государственную идею, отстаивать суверенное развитие страны; сохранять национальные духовно-культурные традиции и ценности, укреплять национальную идентичность белорусского народа; отстаивать, сохранять и укреплять белорусскую государственность; учитывать исторический опыт в процессе социально-экономического и общественно-политического развития нашего государства.

Достижения научных исследований отечественных историков широко используются при создании туристических центров, музейных экспозиций, реставрации памятников архитектуры. Особо следует подчеркнуть, что результаты научных исторических исследований активно используются при подготовке учебников и учебно-методических пособий, карт и атласов для высшей и средней школы. Многие достижения внедрены в учебный процесс в виде лекционных курсов, спецкурсов и факультативов.

Исключительно плодотворно работают ученые Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. Под руководством академика А. И. Локотко были продолжены фундаментальные научные исследования в области искусствоведения, этнографии и фольклора. Выявлены основные тенденции в современной отечественной архитектурно-градостроительной практике. Создана электронная база данных о лингвокультурных маркерах сельских усадеб и постройках усадебного типа, исследованы традиции и идентичности в структуре застройки сельских поселений. В целях улучшения планировочных

и эстетических качеств городов и сельских населенных пунктов, а также для сохранения и продолжения национальных традиций в отечественной архитектуре выявлены важнейшие тенденции и закономерности создания архитектурно-градостроительной среды городов и сельских населенных пунктов. По материалам исследований подготовлена и издана монография академика А. И. Локотко «Архитектура национальная и архитектура фрактальная = National architecture and fractal architecture: к проблеме идентичности в современной архитектуре» [5].

Под руководством доктора наук В. И. Жука выявлены, обобщены и систематизированы новые материалы о культурных достижениях Беларуси в области монументального искусства, скульптуры, живописи, графики, декоративно-прикладного и народного искусства. Рассмотрены условия функционирования и развития этих видов искусства в современной культуре белорусского общества, а также процесс взаимодействия народной и профессиональной культуры.

Под руководством члена-корреспондента М. Ф. Пилипенко выявлено, что современная белорусская семья по сравнению с традиционной, опиравшейся на устойчивость норм традиционного права и старые семейные традиции, не соответствует прежним стандартам стабильности. Однако и сегодня она остается важнейшим институтом воспитания и образования, приобщения к традициям этноса, родному языку, национальной культуре. Семья не уступает первенства в приобретении знаний об истории Беларуси и белорусах другим социальным институтам – школе, учебным заведениям, средствам массовой информации.

Накопленный опыт и материалы научных исследований этнических процессов в Беларуси позволили подготовить и издать коллективную монографию «Беларусь. Этнічныя супольнасці» [6]. В фундаментальной серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси» издана коллективная монография «Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем» [7]. В этом труде комплексно представлены этнокультурные традиции, этническая история и этнические процессы, этносоциальная структура, особенности материальной, социальной и духовной культуры населения Витебщины.

Усилиями ученых завершено издание фундаментального научного 4-томного труда «Нарысы гісторыі і культуры Беларусі: у 4 т.» [8], который является важнейшей основой для осмысления и развития культурных традиций Беларуси. В результате исследований истории, архитектурного и историко-культурного наследия населенных пунктов Гродненской области была подготовлена и издана книга, в которой собраны материалы о населенных пунктах шести районов Гродненской области: Мостовского, Новогрудского, Свислочского, Слонимского, Сморгонского и Щучинского. Это очередная книга многотомного научного энциклопедического издания «Города и деревни Беларуси» [9].

Большую исследовательскую работу развернули ученые-языковеды. Под руководством академика А. А. Лукашанца и кандидата филологических наук И. Л. Копылова была организована целенаправленная работа по научному изучению системы современного белорусского литературного языка и его места в современном коммуникативном пространстве. Изучен и теоретически осмыслен грамматический строй, фонетика, лексический состав современного белорусского литературного языка с учетом современных тенденций; исследованы этапы исторического развития белорусского языка и место народных говоров в системе диалектного произношения; изучено белорусско-русское языковое взаимодействие и связи белорусского языка с другими языками (прежде всего, славянскими); подготовлен ряд словарей белорусского языка.

Благодаря усилиям академика А. А. Лукашанца, члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Булыко, доктора наук В. П. Русак, кандидатов наук И. В. Кондратени, Л. П. Кунцевич, В. Н. Курцовой, Н. В. Полещук, Н. П. Антропова подготовлен и издан ряд лексикографических работ и справочных изданий.

В 2017 году было завершено выполнение крупного национального научного проекта «Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 37 вып.» [10]. Работа над этим уникальным проек-

том, начатая по инициативе члена-корреспондента НАН Беларуси А. И. Журавского и продолженная научным коллективом под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Булыко потребовала значительных творческих усилий по сбору и обработке огромного фактического материала. В результате огромных усилий было подготовлено и издано уникальное 37-томное издание.

Важным достижением Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы явилась разработка и создание полного белорусского лингвистического справочника «Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы» [11]. Авторский коллектив Института языкознания и Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси под руководством доктора наук В. П. Русак осуществил разработку методологии конвертирования электронной орфографической записи белорусских слов в фонетическую транскрипцию и создал первый полный белорусский лингвистический справочник. Издание стало победителем конкурса ТОП-10 по результатам деятельности ученых НАН Беларуси в области фундаментальных и прикладных исследований в 2017 г.

В Институте были подготовлены и изданы «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 14» [12] и учебно-методическое пособие «Сучасная беларуская мова. Марфеміка. Марфаналогія. Словаўтварэнне» [13].

Научные разработки в области белорусского языкознания сегодня не только определяют развитие языковедческой науки в Беларуси, но и в целом всей белорусистики за пределами страны. Они обеспечивают статус белорусского языка как государственного языка Республики Беларусь и потребности современной языковой практики, способствуют повышению национального самосознания белорусского общества, играют большую роль в формировании национального имиджа государства и его престижа в мире.

Успешно продолжают научно-исследовательскую работу ученые-литераторы. Научный коллектив под руководством кандидата наук Н. В. Микулича закончил выполнение оригинального проекта «Национальные типы ментальности в белорусской и европейских литературах: идейно-эстетическая специфика, стилевая эволюция, переводческая интерпретация». В процессе исследований был проведен глубокий сравнительно-типологический анализ социально-исторических традиций и ценностей, а также национально-индивидуальных различий и сходств белорусской и европейской литературы. Впервые в белорусской гуманитарной науке были выявлены доминирующие характеристики интегральной основы духовно-эстетического мира белорусской и европейских литератур – русской, украинской, польской, чешской, словацкой, английской, испанской. Результаты научно-исследовательской работы были обобщены в коллективной монографии «Паэтыка літаратурных сувязей» [14].

Большая научно-исследовательская работа была организована по изучению творческого наследия народного писателя Беларуси Ивана Науменко. Творческий коллектив под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси С. С. Лавшука впервые осуществил научно-текстологическое исследование произведений писателя, подготовил и издал 10-томное Собрание сочинений И. Науменко [15–17].

Результаты литературоведческих исследований задействованы не только в области фундаментальной науки и учебно-педагогической практики, но и в деятельности информационно-аналитических и общественно-культурных учреждений Беларуси. Они способствуют росту международного авторитета белорусской национальной культуры и Республики Беларусь в целом, укреплению ее интеграции в мировое культурно-цивилизационное пространство, развитию добрососедских отношений между народами.

Достижения литераторов и искусствоведов получили широкое признание и высокую оценку научной общественности в Год науки. За цикл работ «Архитектура Беларуси: национальный стиль, наследие, европейский и мировой контекст» [5; 18–21] директору Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы, академику А. И. Локотко в номинации «Лучшая научная работа в области гуманитарных наук» присуждена премия НАН Беларуси. Международное признание получили исторические повести и эссе о просветителях Беларуси директора Института литературоведения имени Янки Купалы Центра исследований

белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, доктора филологических наук, профессора И. В. Саверченко. На XII Форуме творческой и научной интеллигенции СНГ 11 декабря 2017 г. в г. Москве ему вручена межгосударственная премия «Звезды Содружества».

Огромную научно-исследовательскую работу и экспертную оценку социально-экономического развития Беларуси осуществляют ученые Института экономики под руководством директора института, кандидата экономических наук В. И. Бельского. Важнейшей задачей ученых-экономистов являются разработка перспективных моделей экономического развития страны, а также выработка предложений по повышению эффективности функционирования национальной экономики. В результате выполнения научных исследований в рамках подпрограммы «Экономика» получен комплекс теоретических и научно-методических разработок, обеспечивающих научное обоснование механизмов роста конкурентоспособности белорусской экономики в условиях глобализации.

Так, в процессе выполнения заданий данного стратегического направления осуществляется комплекс взаимоувязанных исследований по важнейшим направлениям экономического развития: механизмы формирования эффективной национальной инновационной системы; научные основы внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь; механизмы макроэкономического регулирования; экономика сферы услуг.

В процессе выполнения заданий подпрограммы коллектив исследователей под руководством кандидата экономических наук Т. В. Садовской разработал сводный индекс институционального развития, представляющий собой интегральный показатель изменений правовых, регулятивных, социальных и финансовых институтов, а также частные индексы институционального регулирования занятости и предпринимательства. Исходя из анализа динамики сводного индекса институционального развития, выявлены вызовы, препятствующие развитию национальной экономики.

Научный коллектив под руководством доктора экономических наук А. И. Лученка разработал концепцию проведения финансовой политики в Республике Беларусь. С учетом мирового опыта и специфики белорусской институциональной системы обоснована целесообразность дополнительного включения в цели финансовой политики стимулирования экономического развития при условии соблюдения основных денежно-кредитных пропорций. Предложено переориентировать деятельность банковской системы, которая должна осуществлять не только перераспределения в виде процентного дохода созданной в производстве добавленной стоимости, но и непосредственно участвовать в обеспечении деятельности реального сектора экономики. Разработаны рекомендации по использованию финансовой политики для согласования интересов социальных макрогрупп.

Под руководством кандидата экономических наук Т. С. Вертинской осуществляются исследования внешнеторговой политики Республики Беларусь. В процессе выполнения заданий подпрограммы определены возможные направления внешнеторгового сотрудничества нашей страны с ведущими экономическими интеграционными объединениями Азии, Африки и Латинской Америки. Разработаны предложения по дополнению механизма стимулирования экспорта в системе международной интеграции мерами поддержки высокотехнологичного экспорта. Предложены маркетинговые и организационно-экономические меры по наращиванию экспортного потенциала предприятий легкой промышленности

Важное направление исследований обеспечивает коллектив под руководством кандидата экономических наук Д. В. Мухи. В результате проведенных исследований в 2017 г. была усовершенствована методика оценки инновационной восприимчивости экономики. Представлена авторская классификация факторов, оказывающих влияние на инновационную восприимчивость. В целях учета влияния данных факторов сформирована комплексная система показателей, в том числе интегральные индикаторы по каждой компоненте, а также комплексный показатель оценки инновационной восприимчивости.

Данные научные исследования являются основой для разработки стратегии и механизмов обеспечения сбалансированности экономического развития, формируют научные основы

стратегии специализации белорусской экономики и экономической транснационализации страны, содействуют практическому формированию стратегии развития национальной инновационной системы, а также стратегии развития сферы услуг в Республике Беларусь. Полученные научные результаты соответствуют современному уровню развития экономической науки и являются научно-методологической основой для совершенствования экономической политики Беларуси.

Год науки в Республике Беларусь стал значимым этапом в развитии белорусской философской школы. Опираясь на традиции, сложившиеся за время ее существования, и новые методологические подходы, ученые-философы своей работой формируют современный, динамичный облик белорусской философии. Сегодня она представляет собой развитую систему научного и экспертного знания, мировоззренческих принципов и ориентиров деятельности, институциональных и общественных инициатив, теоретической работы и коммуникации. Развитие этой системы обеспечивает преемственность духовных традиций народа и решение задач социальной модернизации, стимулирование творческого потенциала граждан и реализацию новых эффективных форматов общественного диалога и партнерства, сотрудничество различных секторов науки и образования.

Совместными усилиями ученых-философов под руководством кандидата философских наук А. Н. Спаскова была разработана методика трансдисциплинарной стратегии синтеза естественнонаучного знания. Раскрыты перспективы данного подхода в науке и высшем образовании в отношении подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров. Обоснован аксиологический и методологический статус синергетического стиля мышления в науке и культуре постсовременности.

Выполнены научно-исследовательские работы, направленные на всестороннее изучение истории философской и общественно-политической мысли Беларуси конца XIX – середины XX в. Полученные результаты позволили сформулировать ряд принципиально новых трактовок важнейших этапов развития философской мысли Беларуси и уточнить некоторые важные концептуальные положения. Определено место национального компонента в европейской системе философского знания; проанализированы идеи западноруссизма; эксплицировано содержание народническо-социалистической интеллектуальной традиции, выявлена ее роль в становлении белорусской национальной идентичности; в рамках эпистемологического подхода раскрыты основные тенденции развития советской белорусской философии 50–60-х гг. XX в.; проведена реконструкция особенностей взаимодействия межкультурного контекста и национального своеобразия белорусской философской традиции (руководитель – кандидат философских наук В. Б. Еворовский).

Комплексное исследование философской мысли Беларуси эпохи Просвещения позволило подготовить и издать четвертый том 6-томного издания «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі» [22].

На основе выделения и системного анализа потенциала и динамики базовых элементов общества (народонаселения, природных ресурсов, экономики и др.) определена качественная характеристика современной исторической эпохи, раскрыты причины, сущность и основные тенденции процессов глобализации и регионализации в социально-экономической, политической и духовной сферах общественной жизни. Обобщен мировой опыт осмысления и практической реализации различных проектов построения «гармоничного общества», разработана концепция «социальной гармонии» применительно к специфике XXI века, охватывающая социальный и антропологический уровни (руководитель – доктор философских наук Т. И. Адуло).

Современное состояние белорусского общества требует не только изучения прошлого, но и постоянного соотнесения его с окружающим нас миром, своевременного прогнозирования перспектив общественного бытия в глобализирующемся мире. Важные научно-исследовательские изыскания современного общественного развития организуют ученые Института социологии НАН Беларуси.

В процессе выполнения научных заданий подпрограммы «Социология и философия» под руководством директора института, доктора социологических наук И. В. Котлярова ученые-

социологи предлагают концептуальные модели осмысления социальной реальности. Результаты исследований обеспечивают обратную связь между взаимодействующими субъектами и структурами, снабжают их необходимой и достоверной информацией. Под руководством кандидата социологических наук В. Р. Шухатович разработаны методологические подходы для анализа неэкономических факторов экономического роста и системного развития общества. Раскрыта семантика факторного подхода, эксплицированы такие неэкономические ресурсы, как социальный капитал, человеческий капитал, архетипы и другие элементы коллективного бессознательного. Показана значимость социально-психологических факторов в структуре неэкономических ресурсов развития общества.

Творческими усилиями социологов под руководством кандидата социологических наук Н. Л. Балич определена классово-групповая структура населения сельских регионов Беларуси, а также система показателей, отражающих социально-культурные, социально-экономические, общественно-политические характеристики сельского сообщества. На основе анализа различных индикаторов (источники доходов, уровень материального достатка, потребительский или товарный характер отношения к продукции, миграционные намерения, социокультурные идентификации, этнокультурные и религиозные установки и др.) проведен сравнительный межгрупповой анализ и мониторинг сельского сообщества, раскрыты дисбалансы и актуальные проблемы, характерные для населения сельских территорий.

Под руководством доктора философских наук Г. Н. Соколовой определено содержательное наполнение концепции «коридор экономических и социальных возможностей» применительно к уровню жизни населения Республики Беларусь. В ходе социально-экономических изменений белорусскому обществу предоставляется «коридор экономических и социальных возможностей». Однако то, насколько они будут использованы, определяется готовностью и способностью общества не только реструктурировать экономическую сферу, но и совершенствовать свою социальную структуру: воспроизводить новые социально-профессиональные слои, нивелировать социальные риски, повышая уровень и качество жизни как основные показатели устойчивого развития Республики Беларусь. Выявление стартовых позиций, а также активов и пассивов «коридора экономических и социальных возможностей» в условиях интеграционного пространства позволяет оценить как внешние, так и внутренние риски, ведущие к снижению уровня жизни населения.

Научным коллективом под руководством доктора социологических наук И. В. Котлярова подготовлен и издан фундаментальный научный труд «Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение» [23]. Авторы разработали теоретико-методологические основы социологического изучения цивилизационно-культурного кода и провели социокультурный анализ современного белорусского общества, осуществили анализ влияния цивилизационно-культурных кодов на формирование жизненных стратегий в различных сферах жизнедеятельности общества: социальной, экономической, культурной, политической. Особое внимание уделено социокультурному коду как регулятору повседневных практик белорусов и цивилизационно-культурным факторам сохранения и развития интеллектуального потенциала белорусского общества.

Полученные результаты уже используются республиканскими органами государственного управления при разработке программ социально-экономического, социокультурного и инновационного развития страны, а также для совершенствования эффективности государственного управления.

Ученые-правоведы сосредоточили научные усилия на проведении комплексного исследования национальной правовой системы и разработке научных основ совершенствования государственного управления. Под руководством руководителя подпрограммы «Право» доктора юридических наук С. А. Балашенко были успешно организованы исследования в области совершенствования законодательной базы страны.

На основе системного анализа правовых форм и методов финансового контроля в Республике Беларусь и зарубежных странах сформулированы основные направления комплексного совершенствования системы финансового контроля в Республике Беларусь. Предложено раз-

граничение полномочий контролирующих органов по осуществлению финансового контроля и аудита, уточнены на законодательном уровне формы, объекты, методы, порядок реализации финансового контроля, мер ответственности за нарушения финансового законодательства в аспекте проведения единой политики в отраслях экономики согласно Договору о ЕАЭС.

В работах ученых-правоведов членов-корреспондентов НАН Беларуси В. И. Шабайлова, Г. А. Василевича, доктора юридических наук В. Н. Годунова и других разработаны концептуальные основы и стратегия развития конституционного, административного права, международного частного права в свете современных интеграционных процессов, международно-правовые механизмы обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь.

Результаты научных исследований в области правового совершенствования регулирования общественных отношений используются в законопроектной деятельности НЦЗПИ, Министерства иностранных дел, Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, Генеральной прокуратуры, иных государственных органов и организаций, а также в образовательном процессе высших учебных заведений.

В рамках подпрограммы «Образование» ученые-педагоги под руководством доктора педагогических наук А. И. Жука разработали концепцию национальной системы оценки качества педагогического образования в единстве социально-философского, психолого-педагогического, информационно-квалиметрического аспектов, включающую тезаурус, обоснование актуальности, цель и задачи, подходы и принципы, формы и механизмы реализации, направления совершенствования. Разработанные обобщенные показатели эффективности оценки качества непрерывного педагогического образования обеспечивают эффективное управление педагогическим образованием на основе регулярно получаемой в процессе мониторинга информации о состоянии педагогического образования и тенденциях его прогрессивного развития.

Под руководством кандидата филологических наук С. А. Важника разработаны концепции и модели национальной системы оценки качества дошкольного, общего среднего и специального образования. Для системы общего среднего образования разработаны концепции и модели по учебным предметам «Белорусский язык» и «Русский язык», «Иностранный язык», «История» и «Обществоведение», «Математика», «Информатика», «Физика», «Химия», «Биология», «География».

Разработанные научным коллективом под руководством доктора философских наук А. С. Лаптенка научно-методические рекомендации по психологическим основам развития личности и особенностям воспитания индивида в условиях противостояния современным цивилизационным вызовам в системе непрерывного образования способствуют повышению эффективности воспитательной работы в учреждениях образования.

Названные и многие другие фундаментальные научные исследования ученых-гуманитариев – это действительно гордость национальной научной мысли. Лучшие достижения белорусской гуманитарной науки вписаны в сокровищницу отечественной и мировой культуры и выступают ярким и убедительным свидетельством безграничного таланта белорусского народа, его неиссякаемой духовной силы. В них изложены выверенные и обоснованные факты и события, которые объективно освещают прошлое и современную жизнь белорусского общества. Сделанные в них выводы направлены на укрепление политической системы Республики Беларусь, аргументированное обеспечение исторической правомерности белорусской государственности, отстаивание национально-государственных интересов в мировом сообществе, сохранение духовных и материальных историко-культурных ценностей белорусского народа и укрепление международного престижа белорусского государства и белорусской гуманитарной науки в мире.

Заметным достижением академической гуманитарной науки стало проведение в октябре 2017 г. Первого белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире». Участникам научного форума было направлено приветственное слово Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Это был крупнейший научно-общественный форум в области философского знания в истории нашей страны. По своему географическому и про-

блемно-тематическому охвату конгресс в полной мере соответствовал статусу Евразийского. В работе конгресса принял участие один из руководителей мирового философского движения, Генеральный секретарь Международной федерации философских обществ и организатор предстоящего в 2018 г. Всемирного философского конгресса Л. М. Скарантино (Италия). В научных дискуссиях активно участвовали ведущие российские и белорусские философы современности – академики В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Е. М. Бабосов, Д. И. Широканов. Положительные оценки о работе конгресса высказали лидеры национальных философских школ из Азербайджана, Болгарии, Великобритании, Китая, Казахстана, Молдовы, Польши, Румынии, США, Украины, Франции, а также авторитетные ученые-гуманитарии из других государств.

Научная общественность высоко оценила работу Второго белорусско-китайского гуманитарного конгресса «Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза», проведенного в июне 2017 г. Форум собрал более 120 ведущих ученых и экспертов из Беларуси и Китая. Ученые и эксперты-аналитики обсудили механизмы обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности экономик Беларуси и Китая, возможности использования потенциала ЕАЭС в реализации концепции строительства Экономического пояса Шелкового пути.

Научные мероприятия такого высокого международного уровня способствуют повышению престижа Республики Беларусь как суверенного независимого славянского государства в мире и, несомненно, расширяют знания о нашей стране, ее истории, науке и культуре.

Необходимо отметить, что в Год науки было много сделано для укрепления международного научного сотрудничества. За 2017 г. значительно укрепилось творческое содружество отечественных и зарубежных гуманитариев. Активно развивалось научно-гуманитарное сотрудничество ученых Беларуси и Китая, нарабатывалась необходимая правовая основа взаимовыгодного научного гуманитарного сотрудничества с китайскими партнерами. По взаимной договоренности руководителей ряда научных учреждений Китайской академии общественных наук и Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси были обсуждены и подписаны договоры о научном сотрудничестве. Институт экономики НАН Беларуси в 2017 г. заключил соглашения о сотрудничестве с Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Обществом внешней торговли провинции Ганьсу в Республике Беларусь, Центром изучения стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Китайским институтом развития. Институт философии НАН Беларуси заключил в июне 2017 г. рамочное соглашение с Линнаньским педагогическим университетом, которое позволило создать совместный Белорусско-китайский философско-культурный исследовательский центр.

Надо отметить, что и гуманитарии Китая проявляют большую заинтересованность в изучении белорусской культуры и достижений белорусских ученых. За последние годы значительно выросло количество визитов китайских коллег. Например, в 2017 г. только Институт экономики НАН Беларуси посетили 13 делегаций из КНР в количестве свыше 80 человек. В Институте истории НАН Беларуси 14 июня 2017 г. был проведен Международный круглый стол «Белорусско-китайские связи: история и современность» с участием ученых Китайской академии общественных наук. Интересный разговор состоялся на Международном круглом столе «Перспективы белорусско-китайского сотрудничества в сфере философских исследований» в Институте философии 28 июня 2017 г.

В целях укрепления международного гуманитарного сотрудничества в последние годы в НАН Беларуси создан ряд совместных белорусско-китайских центров. В соответствии с соглашением между Национальной академией наук Беларуси и Китайской академией общественных наук от 29 сентября 2016 г. был создан Белорусско-китайский аналитический центр развития (БКАЦР). Центр состоит из белорусской и китайской частей, созданных при Институте экономики НАН Беларуси и Институте России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук соответственно. Главной целью данного центра является обеспечение аналитического, экономического, научно-технического и технологического сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой.

Подписанный Договор о взаимном сотрудничестве между Институтом философии НАН Беларуси и Линнаньским педагогическим университетом города Чжаньцзян провинции Гуандун позволил открыть 18 октября 2018 г. в Институте философии НАН Беларуси Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры.

В последние годы активизировалась работа по выполнению ряда научных исследований, направленных на изучение самобытной истории и культуры белорусского и китайского народов, которые будут, несомненно, содействовать их сближению. В стадии выполнения находятся такие научные проекты, как «Образ Китая в массовом сознании белорусов», «История китайско-белорусских политических, экономических, научных и культурных связей (1921–2017 гг.)», «Исторические предпосылки и значение для Беларуси и Китая реализации идеи “Шелкового пути” в современных условиях», «Белорусско-Китайский индустриальный Парк в рамках государственной стратегии Китая “Один экономический пояс и Один путь”: перспективы функционирования и стратегия развития», «Разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию экономико-правового регулирования инновационного предпринимательства в Республике Беларусь в условиях углубления экономических связей с Китайской Народной Республикой», «Современная философия марксизма в контексте теории и практики социальной модернизации».

Развивается научное сотрудничество с рядом научных школ стран Европы. Заметно активизировалось сотрудничество белорусских ученых с коллегами из Польской академии наук, а также других научных и образовательных центров. Заключено 9 договоров о сотрудничестве с научными организациями Польской академии наук, проведены 2 совместных научных форума. Ученые Отделения приняли участие в 6 международных форумах, организованных институтами Польской академии наук. Развернута научно-исследовательская работа по выполнению 19 перспективных белорусско-польских проектов.

В городах Польши прошел ряд выставок, на которых были представлены белорусские иконы и колокола XVIII–XIX веков, белорусские костюмы и традиционные полотенца из коллекций Музея древнебелорусской культуры Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси.

Заметный импульс получило научное сотрудничество организаций Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси с научными центрами России, Украины, Литвы, Эстонии. Научные связи налажены как на уровне научных учреждений, так и отдельных подразделений и ученых. Большое внимание уделяется исследованиям приграничных территорий.

Следует подчеркнуть и тот факт, что гуманитарии не стоят в стороне от политической жизни страны. Так, в Год науки были организованы научно-практические конференции, научно-методические семинары, социологические опросы, «круглые столы», которые состоялись во многих городах и районах Беларуси. В регионах было организовано более 30 научно-практических мероприятий и свыше 300 выступлений в средствах массовой информации. Плодотворное научное сотрудничество установлено с администрациями Минска, Пинска, Орши, Полоцка, Бреста, Ошмянского, Новогрудского, Копыльского, Кореличского, Каменецкого, Несвижского, Слуцкого, Сморгонского и других районов. При активном участии местных краеведов, учителей и школьной молодежи ученые организуют совместные научные конференции, «круглые столы», археологические исследования, языковые и фольклорно-этнографические экспедиции. В 2017 г. проведено 11 таких мероприятий. Собранные материалы и совместные научные наработки позволяют издавать оригинальные работы, освещающие историю, культуру, быт, традиции и современные достижения в ряде регионов Беларуси.

Представленный материал убедительно свидетельствует, что благодаря целеустремленной работе ученых Национальной академии наук в творческом содружестве с гуманитариями высших учебных заведений достигнуты значительные успехи, которые имеют неуклонную тенденцию к приращению отечественного гуманитарного знания. Научные достижения несомненны, год от года увеличивается количество изданных крупных научных работ, активизируется публикационная активность ученых в СМИ, возрастает научная основательность и общественная востребованность исследований. Многие результаты исследований ученых

социально-гуманитарных наук могут быть использованы органами государственного управления для выработки и принятия научно обоснованных управленческих решений. Гуманитарии владеют современными методиками и методологическими подходами и способны решать многие сложные проблемы социально-экономического, духовно-культурного и общественно-политического развития белорусского общества.

Научному сообществу гуманитариев предстоит огромная работа и в 2018 г. В планах выполнения заданий государственной программы очерчены крупные научные проекты, которые, безусловно, обогатят научную мысль новыми теоретическими знаниями. Продолжится работа над фундаментальной 6-томной «Историей философской и общественно-политической мысли Беларуси», 3-томной «Историей эстетической мысли Беларуси». Развернутся исследования и написание «Антологии философской мысли Беларуси», «Антологии белорусского религиоведения». Продолжится научно-редакторская работа по подготовке и изданию многотомной «Истории белорусской государственности». Продолжатся исследования в части реализации государственной программы «Замки Беларуси», а также над серией оригинальных изданий «Древние города Беларуси» (Минск, Заславль, Орша, Брест и др.). Впервые в истории белорусской науки будет раскрыта не только история жизнедеятельности городского населения, но и представлен облик оригинальных застроек, что позволит зримо продемонстрировать городскую культуру и быт многих регионов республики.

Важнейшими задачами исследований ученых-гуманитариев, как и прежде, будут обеспечение социальной стабильности, укрепление межнационального и межконфессионального мира и согласия, сохранение и развитие белорусской национальной культуры, языка и литературы. Известно, что национальная история и культура, язык и литература, философия и социология сегодня – важнейший инструментарий формирования гражданственности, патриотизма и духовно-мировоззренческого начала человека. Именно эти проблемы необходимо постоянно и целенаправленно исследовать.

Список использованных источников

1. Отчет о выполнении государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. – Минск, 2017.

2. История аграрной науки Беларуси (XIX – начало XXI в.): в 2 ч. Ч. 1 / В. Г. Гусаков [и др.]; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 310 с.

3. История аграрной науки Беларуси (XIX – начало XXI в.): в 2 ч. Ч. 2 / В. Г. Гусаков [и др.]; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 508 с.

4. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.]; гл. ред. А. А. Коваленя; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд. – Минск: Беларус. навука, 2016. – 493, [2] с.: ил.

5. Локотко, А. И. Архитектура национальная и архитектура фрактальная = National architecture and fractal architecture: к проблеме идентичности в современной архитектуре / А. И. Локотко; пер. на англ. Д. М. Олексеенко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 135 с.: ил.

6. Беларусь. Этнічныя супольнасці / А. В. Гурко [і інш.]; пад навук. рэд. А. В. Гурко. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2017. – 164 с.: іл.

7. Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 628 с.: ил.

8. Нарысы гісторыі і культуры Беларусі: у 4 т. Т. 4: Культура XX – пачатку XXI ст. / А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 807 с.

9. Гарады і вёскі Беларусі: энцыкл. Т. 9: Гродзенская вобласць. Кн. 3 / рэдкал.: У. У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі; Выдавецтва «Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі». – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2017. – 792 с.: іл.

10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 37: *Чорное–ящыкъ. Дадатак* / склад. А. М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 415 с.

11. Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; уклад.: В. П. Русак [і інш.]; рэдкал.: В. П. Русак, Ю. С. Гецэвіч, С. І. Лысы. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 757 с.

12. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 14: Т / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун, Н. С. Шакун; гал. рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 334 с.

13. Сучасная беларуская мова. Марфеміка. Марфаналогія. Словаўтварэнне: вучэб.-метад. дапам. / З. І. Бадзевіч, В. П. Русак. – Мінск: БДУ, 2017. – 227 с.

14. Паэтыка літаратурных сувязей / У. В. Гніламедаў [і інш.]; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 548 с.

15. Навуменка, І. Я. Збор твораў: у 10 т. Т. 8: Янка Купала. Якуб Колас: Духоўны воблік героя: Літаратуразнаўчыя працы / Іван Навуменка; падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. У. Чароты; рэд. тома С. С. Лаўшук; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск: Маст. літ., 2017. – 637 с.: іл.

16. Навуменка, І. Я. Збор твораў: у 10 т. Т. 9: Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч; Змітрок Бядуля; Максім Багдановіч; Ранні Кузьма Чорны (1923–1929): літаратуразнаўчыя працы / Іван Навуменка; падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. У. Чароты; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск: Маст. літ., 2017. – 750 с.: іл.

17. Навуменка, І. Я. Збор твораў: у 10 т. Т. 10: П'еса, вершы, інтэрв'ю, анкеты, выступленні, водзывы на дысертацыі, некралогі, аўтабіяграфія, успаміны, дзённікавыя запісы, лісты / Іван Навуменка; падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. Н. Пыско; рэд. тома С. С. Лаўшук; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск: Маст. літ., 2017. – с.: іл.

18. Локотко, А. И. Архитектура Беларуси в европейском и мировом контексте / А. И. Локотко. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 432 с.

19. Локотко, А. И. Архитектура: авангард, абсурд, фантастика. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 206 с.

20. Лакотка, А. І. Народнае дойлідства / А. І. Лакотка. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – 200 с.

21. Локотко, А. И. Простор родной. Беларусь: альбом. – Минск: Беловагрупп, 2017. – 208 с.

22. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. Т. 4: Асветніцтва / аўтары тома: І. М. Бабкоў [і інш.]; рэдкал. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 431 с.

23. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; гл. ред. И. В. Котляров; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 392 с.: ил., табл.

References

1. Report on the Implementation of the 2016–2020 State Programme for Scientific Research in "The economy and humanitarian development of the Belarusian society". Minsk, 2017 (in Russian).

2. Gusakov V. G., Gaponenko O. A., Danilovich V. V., Krivichanina E. A., Nosevich L. I., Smekhovich N. V., Kovalenya A. A., Tugai V. V. *The history of agrarian science in Belarus (XIX – beginning of the XXI century). Part 1*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 310 p. (in Russian).

3. Gusakov V. G., Gaponenko O. A., Danilovich V. V., Krivichanina E. A., Nosevich L. I., Smekhovich N. V., Kovalenya A. A., Tugai V. V. *The history of agrarian science in Belarus (XIX – beginning of the XXI century). Part 2.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 508 p. (in Russian).

4. Litvin A. M., Bezlepkin Ya. P., Voronkova I. Yu., Dolgotovich B. D., Zdanovich V. V., Kovalenya A. A.(ed), Kozak K. I., Krivorot A. A., Kuznetsova-Timonova A. V., Kuzmenko V. I., Pavlov V. P., Smehovich N. V. *The Belarusian People`s Contribution to the Viktory in the Great Patriotic War*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2016. 493 p. (in Russian).

5. Lokotko A. I. *National architecture and fractal architecture: to the problem of identity in modern architecture.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 135 p. (in Russian).

6. Gurko A. V., Gruntoў S. U., Bunkevich N. S., Vnukovich Yu. I., Ramanenka I. V., Tsyapkova G. I., Sheibak V. V., Gurko A. U. *Belarus: Ethnic communities*. Minsk, Belarusian Encyclopedia named after P. Brovki, 2017. 164 p. (in Belarusian).

7. Gurko A. V., Uleichik N. L., Chakvin I. V., Kasperovich G. I., Belyavina V. N., Rakova L. V., Novogrodsky T. A., Belkovskaya N. G., Yashchenko O. G., Gurko Vikt., Kukharonak T. I., Novak V. S., Batyaev V. F., Yarmolinskaya V. N. *Past and Present Ethnocultural Processes in the Belarusian Dvina (Vitebsk region).* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 628 p. (in Russian).

8. Lakotka A. I., Shamruk A. S., Gabrus' T. V., Zhuk V. I., Sakhuta Ya. M., Agafonava N. A., Kastsyukovich M. G., Myadzvedzeva V. A., Karpilava A. A., Belaokaya M. A., Sushko K. A., Marunoў A. A., Yuўchanka N. A., Mdyvani T. G., Tsmyg G. P., Prakaptsova V. P., Smol'ski R. B., Yarmalinskaya V. M., Valodzina T. V., Kukharonak T. I., Kalachova I. I., Yashchanka A. R., Balunenka I. I. *Studies in the History and Culture of Belarus. Vol. 4.: Culture of the XX – early XXI century.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 807 p. (in Belarusian).

9. Knyazeva V. M., Vitaleva V. V., Shcharbatau A. G., Pyatrosava A. Yu., Batsyaeu V. F., Budz`ko U. D., Udal`tsou V. M., Shamruk A. S. *Towns and Villages in Belarus. An Enciclopedia. Vol. 9.: Grodno Oblast. Book. 3*. Minsk, Belarusian Enciclopedia named after P. Brovki, 2017. 792 p. (in Belarusian).

10. Budz'ko I. U., Bulyka A. M., Kramko I. I., Myasnikova V. U., Fedarenka G. U., Yarmolenka E. V. *Historical Dictionary of the Belarusian language*. Vol. 37. *Chornoe–yashchyk. Application.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017, 415 p. (in Belarusian).

11. Rusak V. P., Getcevich Yu. S., Lysy S. I., Mandzik V. A. (eds.) *Pronouncing dictionary of the Belarusian language.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 757 p. (in Belarusian).

12. Luchits-Fedorets I. I., Tsyhun G. A., Shakun N. S. (eds.) *Etymological dictionary of the Belarusian language. Vol. 14.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 334 p. (in Belarusian).

13. Badzevich Z. I., Rusak V. P. *Modern Russian language. Marfemika. Marfanalogiya. Derivation.* Minsk, Belarusian State University Publ., 2017. 227 p. (in Belarusian).

14. Gnilamedau U. V., Mikulich M. U., Val'chuk A. V., Bakhanovich N. L., Trus M. V., Shaladonava Zh. S., Vasyuchenka P. V., Barysyuk T. P., Minskevich S. L. *Poetics Literary links*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 458 p. (in Belarusian).

15. Navumenka I. Ya. *Collected Works. Vol. 8. Janka Kupala. Yakub Kolas: the spiritual aspect of the hero: literary works.* Minsk, Mastatskaya litaratura, 2017. 637 p.(in Belarusian).

16. Navumenka I. Ya. *Collected Works. Vol. 9. Vincent Dunin-Marcinkiewicz; Źmitrok Biadula; Maxim Bogdanovich; Early Kuzma Chorny (1923–1929): literary works.* Minsk, Mastatskaya litaratura, 2017. 760 p. (in Belarusian).

17. Navumenka I. Ya. *Collected works. Vol. 10. Plays, poems, interviews, questionnaires, presentations, reviews of the thesis, obituaries, autobiography, memoirs, diaries, letters.* Minsk, Mastatskaya litaratura, 2017 (in Belarusian).

18. Lokotko A. I. *Architecture of Belarus into the European and global context.* Minsk, Belarusian Enciclopedia named after P. Brovki, 2012. 432 p. (in Russian)

19. Lokotko A. I. *Architecture: avant-garde, absurd, fantastic.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2012. 206 p. (in Russian)

20. Lokotko A. I. *Folk architecture*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 200 p. (in Belarusian)

21. Lokotko A. I. *Plenty of home. Belarus: the album*. Minsk, Belovagrupp Publ., 2017. 208 p. (in Russian).

22. Babkou I. M., Evaroŭski V. B., Darashevich E. K., Konan U. M., Dubroŭski U. V., Tsukerman A. Ya., Kul'-Syal'verstava S. Ya., Ramanchanka Ya. V., Lazarevich A. A., San'ko S. I., Shyrakanau Dz. I. *History of philosophical and political thought of Belarus. Vol. 4. Education.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 431 p. (in Belarusian).

23. Kotlyarov I. V., Sechko N. N., Shukhatovich V. R., Obrazhei O. N., Sosnovskaya N. A., Yakovleva N. I., Nazarova D. V., Smirnova R. A., Kuz'menko T. V., Likhacheva O. N., Komarovskii A. V., Shavel' S. A., Nazarenko Yu. S., Kroitor S. N., Sharyi I. N., Artyukhin M. I., Antonova T. A., Smirnov V. E., Babosov E. M., Lashuk I. V., Balich N. L., Verenich M. I., Sokolova G. N., Taranova E. V., Martishchenkova E. V. *Belarusian society in the context of civilizational and cultural code: sociological dimension.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 392 p. (in Russian).

Информация об авторах

Коваленя Александр Александрович – член-корреспондент, доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств. Национальная академия наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

Левкович Василий Иванович – кандидат философских наук, заместитель академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств. Национальная академия наук Беларуси (пр. Независимости, 66, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

Information about the authors

Aleksandr A. Kovalenya – Corresponding Member, D. Sc. (Hist.), Professor, Academic Secretary, Humanities and Fine Arts Division, National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

Vasili I. Levkovich – Ph. D. (Philos.), Deputy Academic Secretary, Humanities and Fine Arts Division, National Academy of Sciences of Belarus (66 Nezavisimosti Ave, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nasb@presidium.bas-net.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 378
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-151-159

Поступила в редакцию 24.10.2017
Received 24.10.2017

И. И. Ганченок

Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Рассмотрены модели развития университетского образования и представлены концептуальные основы развития Института подготовки научных кадров НАН Беларуси как учреждения высшего образования университетского типа (академический университет) в рамках синергетической модели, где в качестве синергетического параметра порядка для эффективного управления образовательной программой предлагается компетенция интеллектуального лидерства.

Ключевые слова: университетское образование, компетенция, концепция, интеллектуальное лидерство, синергетическая модель

Для цитирования. Ганченок, И. И. Подготовка научных кадров: синергетический подход / И. И. Ганченок // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 151–159. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-151-159

I. I. Hancharonak

Graduate School, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PREPARATION OF RESEARCHES: SYNERGETIC APPROACH

Abstract. Models of university education are analyzed. The conceptual foundations of the Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus development as university type higher education establishment (academic university) in the framework of a synergetic model are presented. The competence of intellectual leadership as a synergetic parameter of order for effective management of an educational program is proposed.

Keywords: university education, competence, concept, intellectual leadership, synergetic model

For citation. Hancharonak I. I. Preparation of Researches: Synergetic Approach. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 151–159 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-151-159

Анализ развития современной высшей школы указывает на типичный характер сложившейся ситуации практически во всех национальных системах высшего образования. Радикальное изменение внешней среды, появление глобальных вызовов неизбежно влекут за собой либо стагнацию университетской организации, либо мотивируют ее к развитию, появлению новых моделей управления. Однако, на наш взгляд, управленческие инновации [1] не означают разрушения всех без исключения существующих схем управления, а предполагают введение новых управленческих подсистем и связей, оптимизацию традиционных механизмов управления, развитие человеческого капитала и педагогических технологий на основе новой инструментальной базы. При этом актуальной проблемой становится разработка модели управления современным вузом, восприимчивой к преимуществам интеграционных процессов в сфере высшего образования и науки, резистивной к отрицательным последствиям неизбежного усиления глобализации, жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг в условиях необходимости обеспечения инновационного и устойчивого развития современного национального государства [2]. Задачами исследования были определены: изучение современных подходов к университетскому менедж-

© Ганченок И. И., 2018

менту и разработка концептуальных основ развития Института подготовки научных кадров в рамках синергетических принципов открытости, нелинейности управления, распределенной топологии и креативности ландшафта/образовательной среды [3], позволяющей содействовать динамичному развитию системы высшего образования на основе процессов аккумуляции преимуществ традиций отечественной высшей школы и современных интеграционных процессов (доступ к международным ресурсам, синергия научно-образовательных потенциалов, обогащение учебных планов и программ, эффективное повышение квалификации, бенчмаркетинг и др.), а также нивелировать отрицательные последствия современных вызовов в области образования.

Существующая современная модель университета сформировалась в результате длительной эволюции. Исторически университет никогда не был автономным от общества учреждением образования. Суверенитет этой организации всегда подразумевал тесное взаимодействие с тремя общественными институтами: властью, рынком и церковью, с которыми университет находился в сложных отношениях противостояния и компромисса, зависимости и автономии. Для средневековых университетов, возникших в Западной Европе в XI–XIII вв., были характерны организационный консерватизм и организационная «закрытость». Впоследствии средневековую модель университета стали называть «английским университетом», с типичным для нее «аристократическим» (схоластическим) характером научных изысканий, далеких от практики, тесной связью с церковью.

Эпоха Просвещения принесла с собой и новый тип организации университета. Этот период ознаменовался ослаблением позиций церкви и ростом влияния на университет светской власти, стремящейся подчинить деятельность университета своим утилитаристским, прагматическим интересам. Эта модель получила название «французский университет». Примером такой модели университета, ориентированного на обслуживание государственных интересов, являлся созданный Наполеоном «Императорский университет», который контролировал и координировал все университеты Франции. «Французская модель университета» подразумевала исключительно преподавание, а научная деятельность передавалась в ведение Академий. Именно модель «французского университета» была экспортирована в Россию Петром I.

Неэффективность обеих моделей организации университета (как церковно-аристократической, оторванной от потребностей общества, так и ориентированной исключительно на образовательную функцию) привела в конце XVIII века к неудовлетворенности общества университетским образованием и послужила толчком к волне университетских реформ и трансформаций.

Наибольшее признание и распространение получила сформировавшаяся в начале XIX века «немецкая» модель университета, более известная как «университет Гумбольдта». Автор идеи – Вильгельм фон Гумбольдт. Фундаментальными принципами организации нового университета стали академическая свобода и единство исследования и преподавания. Благодаря компромиссу свободы и ответственности перед государством и обществом, решению практических задач образования и свободно развивающейся науки модель Гумбольдтовского университета приобрела большое влияние, и большинство современных университетов воплотили именно данный подход в своем развитии с характерной иерархической департаментализацией. В ней можно выделить учебную подсистему (набор факультетов, состоящих из кафедр), научную подсистему (университетские научно-исследовательские структуры) и вспомогательную подсистему (отделы, обслуживающие учебно-воспитательный и административно-хозяйственный процессы). Такая классическая структура традиционного университета не является стационарной, она постоянно модернизируется, поскольку неизбежно образуются горизонтальные связи за счет участия одних и тех же исполнителей в различных сферах деятельности университета. Следует отметить и существование в современных университетах и явных признаков бюрократической профессиональной организации по М. Веберу. Однако ряд авторов констатируют, что «организационный дизайн университета как профессиональной организации уже не соответствует реалиям сегодняшнего дня» [4]. Основной вызов функционированию организаций такого типа – это стремительно и непрерывно изменяющаяся внешняя среда. Ужесточение конкуренции уже не гарантирует успеха только за счет масштабов организации. Быстрое развитие технологий ведет к быстрой смене постав-

щиков нового, вот почему успех может быть обеспечен только при условии внедрения инновационных, нестандартных идей и подходов, что подразумевает доминирование компетенции креативности и индивидуальной инициативы. Способ решения проблем, с которыми столкнулись вузы в условиях так называемого академического капитализма, основанный на привлечении значительных государственных инвестиций в высшее образование, сформулирован в статье Ж. И. Алферова и В. А. Садовничего [5]. Предлагается эффективно использовать материальное стимулирование участников образовательного процесса, а также создание общественно-государственной системы управления образованием посредством федеральных университетских округов, учебно-методических объединений, специализированных экспертных советов, увеличения числа кафедр, факультетов, выпускаемых специальностей, числа международных партнеров.

К началу XXI века сформировались новые тенденции развития мировой образовательной системы. В большинстве стран мира, в том числе и на постсоветском пространстве, за исключением отдельных республик и элитных университетов, пользующихся приоритетной поддержкой государств, основная масса учреждений высшего образования оказалась непосредственно или опосредованно вовлеченной в рыночно ориентированную деятельность, основанную на конкуренции за ресурсы. Целью конкурентной борьбы является госзаказ на подготовку специалистов, привлечение средств на выполнение научно-исследовательской деятельности, оказание платных образовательных услуг. Некоторые вузы, имеющие в структуре производственные объединения или лаборатории, вовлечены в рыночную борьбу за продвижение своей технологической продукции наравне с производственными предприятиями. В целом отмечена тенденция поощрения государственными управленческими структурами многих европейских стран данной рыночной ориентации университетов, глобализации рынка образовательных и научных услуг в рамках общего тренда интеграционных процессов. Примером тому может служить Болонский процесс и рамочные программы научно-технологического развития. Таким образом, требования внешней среды определили вектор трансформации организационной структуры университета – от классической профессиональной организации в сторону профессиональной предпринимательской организации, со значительным акцентом на формирование бизнес-культуры, коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и, следовательно, увеличение добавленной стоимости в интеллектуальном продукте. Так, подход получил название – «Университет 3.0». На наш взгляд, именно синергетический формализм, а точнее феноменологическая синергетика, несмотря на трудности приложения синергетики к социальным системам [3], позволяет выявить необходимые условия для отмеченного качественного преобразования университетов как сложных иерархических организаций.

Среди проблем реформирования высшего образования, которое происходит в настоящее время во многих странах, особое место занимает университетское управление. Именно на университетах лежит ответственность подготовки специалистов, способных быть лидерами во все более сложном и «запутанном мире» [3]. Отсюда потребность в становлении и развитии не только психологии, но и педагогики лидерства, включающей совершенствование образовательного менеджмента, валеологизацию образовательной среды, командообразование и интеллектуальное лидерство [6], которые обеспечивают эффективность управления в сложной системе организации современной образовательной программы подготовки научных кадров. Именно с этих позиций и проектируется концепция развития Института подготовки научных кадров НАН Беларуси (далее Институт) в рамках синергетической модели, позволяющей предложить направления эффективной интеграции научно-образовательно-инновационных потенциалов как в национальном масштабе, так и в рамках межгосударственных интеграционных процессов с участием Республики Беларусь. В соответствии с видением/стратегической целью Институт позиционируется как устойчиво развивающийся уникальный национальный и ведущий европейский центр подготовки научных кадров для инновационной экономики. Миссией Института определено формирование кадрового потенциала интеллектуальной элиты для динамичного и устойчивого развития белорусского государства.

Базовые принципы развития Института:

– эффективное взаимодействие с научными организациями, научно-практическими центрами и общественными организациями НАН Беларуси, вузами и другими учреждениями образования, министерствами и ведомствами, обеспечивающее интеграцию образовательного процесса и научно-инновационной деятельности для динамичных и устойчивых социально-экономических и культурных преобразований в Республике Беларусь и интеграционных объединений с участием белорусского государства;

– опережающее качество услуг;

– активное распространение результатов своей деятельности в профессиональном сообществе и жизни белорусского общества;

– управление кадровым развитием на основе направленных инвестиций;

– интенсивное развитие инфраструктуры;

– информационная открытость и прозрачность на основе инновационных технологий;

– активная и эффективная имиджевая деятельность;

– поиск и обеспечение широкого доступа к элитному образованию и научным исследованиям талантливой молодежи из всех регионов республики;

– сотрудничество с ведущими международными научно-образовательными и другими организациями в области подготовки научных кадров и управления научной и инновационной деятельностью.

Институт позиционируется в качестве ведущего образовательного и научно-педагогического центра Национальной академии наук Беларуси, ориентированного на обеспечение полного цикла подготовки работников высшей научной квалификации в соответствии с потребностями экономики V и VI технологических укладов, социально-экономическими и гуманитарными приоритетами развития белорусского государства. Институт обеспечивает функции дополнительного образования для эффективной реализации своей миссии и поставленных руководством НАН Беларуси задач, включая формирование инновационной восприимчивости у руководителей научных организаций.

В качестве прототипа модели развития Института выбран Европейский институт инноваций и технологий/Европейский технологический институт (ЕТИ), созданный в 2008 г. по аналогии с Массачусетским технологическим институтом. Деятельность ЕТИ направлена на содействие устойчивому экономическому росту и конкурентоспособности объединенной Европы посредством укрепления инновационного потенциала национальных государств через интеграцию наиболее перспективных направлений инновационной, научно-исследовательской и образовательной деятельности через организацию инновационных международных магистерских и аспирантских программ. Подчеркнем, что ЕТИ рассматривается как новая модель взаимодействия и синергии науки, образования и бизнеса и продвигается как символ формирования научно-инновационно-образовательного Общеевропейского пространства и катализатор развития научно-образовательных и инновационных центров в ЕС. Учреждения высшего образования университетского типа без реализации образовательной программы высшего образования 1-й ступени созданы (1978 г.) также в Китае – в Китайской академии общественных наук (1800 магистров и 1500 аспирантов), во Вьетнаме (2014 г.) и других странах, включая, например, Судан (2004 г.). Такой подход обеспечивает более широкую базу отбора (выпускники первой ступени всех учреждений высшего образования страны) высоко мотивированной к научной деятельности молодежи, что особенно актуально, на наш взгляд, для небольших государств.

Представляется полезным и анализ российского опыта создания академических образовательных систем. В начале 1990-х гг. в соответствии с завещанием М. Ломоносова («Регламент академический таким … быть должен, дабы Академия не только сама себя учеными людьми могла довольствовать, но и размножать оных и распространять по всему государству…») возникла идея создания отдельного университета при Российской академии наук (РАН), который смог бы частично восполнить недостаток гуманитарного знания в современном российском обществе. Таким образовательным учреждением в 1992 г. стал Российский центр гуманитарного образования (РЦГО).

Важно отметить, что не планировалось создавать сугубо гуманитарный вуз. Первоначальная идея предполагала создание университета, охватывающего все области знаний Академии наук, тем самым создатели РЦГО предполагали видеть в структуре университета и факультеты точных наук. Название тоже предлагалось другим – Университет Российской академии наук. Из-за возникших трудностей различного характера эта концепция не была осуществлена.

Менее чем через два года, 24 февраля 1994 г., РЦГО получает статус государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования (Университета). С этого момента начинается активное развитие нового высшего учебного заведения России. Новые факультеты открываются ежегодно, в основном по инициативе директоров академических институтов, на базе которых создаются эти факультеты. 21 августа 1998 г. Центр был преобразован в Государственный университет гуманитарных наук (ГУГН), а спустя 10 лет университету был добавлен академический статус, в результате он был переименован в «Государственный академический университет гуманитарных наук».

Подготовка специалистов естественнонаучного профиля была реализована на базе созданного в 2002 г. Академического физико-технологического университета РАН. В 2009 г. в результате присоединения к нему Лицея «Физико-техническая школа» РАН и Санкт-Петербургского физико-технологического научно-образовательного центра РАН был создан Санкт-Петербургский Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН (Академический университет). В 2011 г. Академический университет получил статус Национального исследовательского университета.

Как было отмечено, образовательные программы университетов нового типа предполагают и создание новых механизмов их имплементации. На рис. 1 представлены синергетические координаты проектирования такой магистерской образовательной программы. Эффективную реализацию синергетического принципа открытости планируется обеспечить через направленное сотрудничество Института с ведущими научно-образовательными и другими

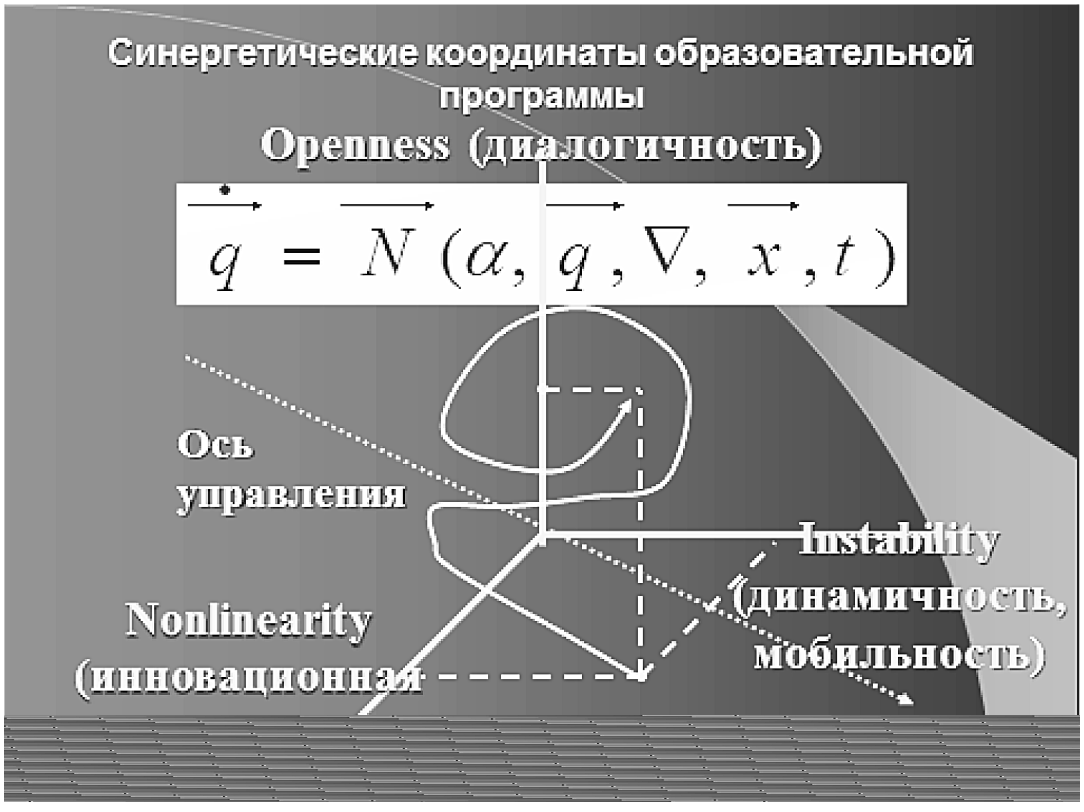

Рис. 1. Синергетическая модель образовательной программы

Fig. 1. Synergetic model of the educational program

нормам. Кризисные явления в институте семьи связаны с видоизменением традиционной семьи, снижением роли нормативности в регулировании семейных отношений и выдвижением на первое место личностных факторов. Это способствует появлению новых типов семьи и семейных отношений. Автор отмечает, что «ключевой категорией в данном методологическом конструкте выступают индивидуальные ограничения семейных отношений…» [8, с. 16]. По сути, речь идет о нормах и ценностях индивидов, на основании которых формируются определенные типы семейных отношений и модели семьи.

В условиях трансформации общества изменение ценностных оснований семьи является закономерным процессом. О. И. Волжина обращается к социокультурному аспекту изучения семьи [9]. В своем исследовании она опирается на аксиологический подход, который призван дополнить и углубить структурно-функциональный. Подобная методология позволяет расширить представления о месте и статусе семьи в современном обществе, проследить особенности трансформации ценностного отношения к семье в условиях социальных изменений. Но она не отвечает на вопрос о ценностных основаниях, лежащих в основе различных моделей семейных отношений и, как следствие, оставляет открытым вопрос об основаниях семейной политики, призванной поддержать семью и помочь акторам в соблюдении баланса интересов.

По мнению П. Штомпки, различные социологические теории, в которых затрагиваются вопросы социальной динамики, можно классифицировать посредством их отнесения либо к системной модели общества, либо к модели социокультурного поля [10, с. 24]. Анализ теоретических основ изучения семьи на институциональном уровне подтверждает приверженность авторов данным исследовательским моделям. Подавляющее большинство работ основывается на сформировавшемся в рамках советской социологии подходе А. Г. Харчева–М. С. Мацковского [11; 5]. В качестве примера обращения к модели социокультурного поля можно назвать исследования А. Р. Михеевой [12] и С. А. Ильиных [13, с. 59; 14]. Несмотря на то что модель социокультурного поля больше соответствует современным теоретическим представлениям о процессуальной природе социального пространства, ее следует рассматривать лишь как возможную альтернативу системной модели, принимая во внимание специфику изучаемого явления.

Таким образом, обращение к ведущим направлениям теоретического осмысления институциональной специфики семьи показывает, что исследователи остаются в рамках структурно-функционального подхода в его советской модификации.

Специфика института семьи в современном обществе выражается в существовании значительного многообразия форм и моделей. Распространение в индустриально-развитых странах партнерств без официальной регистрации брака, монородительских семей, размывание содержания супружеских ролей, институциолизация приемного родительства, доступность и массовое использование репродуктивных технологий (суррогатного материнства и экстракорпорального оплодотворения) приводят исследователей [7; 15; 16] к убеждению об исчерпанности потенциала структурно-функционального анализа, категории которого длительное время составляли основу изучения семьи как социального института. В классической традиции структурно-функциональный подход, хорошо показывая структуру социального объекта и связи между его структурными элементами, упускает из виду возможные изменения, происходящие с объектом под влиянием различных социальных процессов. В современных условиях динамика социальных объектов связана не просто с их функционированием или в критических ситуациях с дифференциацией и, тем самым, с появлением новой структуры, а с качественными изменениями, следствием которых становятся иные характеристики объекта. Таким образом, структурно-функциональный подход должен быть либо заменен, либо дополнен иным, позволяющим анализировать семью как социальный объект, сохраняющий свои отличительные характеристики, но находящийся в процессе изменений.

Современное белорусское общество сохраняет черты традиционности, что неоднократно было отмечено отечественными исследователями [17, с. 84–86; 18], и происходящие изменения не затронули институциализирующие функции семьи – воспроизводство и социализацию. При всей вариативности элементов семейной структуры сохраняется ее базовое строение, включающее родителей (или одного из них) и детей (ребенка). Тем самым структурные характеристики

семьи являются важным параметром научного анализа. Таким образом, целесообразным представляется сохранение базового структурно-функционального подхода с его дополнением методологией социального конструктивизма, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом.

Т. Парсонс выделяет два аспекта социальных систем – их структуру и динамические изменения. Точкой отсчета при рассмотрении проблемы построения социальной системы выступают взаимоориентированные ожидания. Процесс взаимодействия между акторами предполагает выбор поведения, наиболее соответствующего целям индивида. Во многом этот выбор определяется позитивными или негативными реакциями другого. Если реакции соответствуют ожиданиям, то происходит формирование установки на взаимодействие, в противном случае вероятность взаимодействия снижается [19, с. 187]. Из того, что действия каждого актора ориентированы на ожидания другого, следует представление о степени соответствия этим ожиданиям. Необходимым условием стабилизации взаимодействия является повторяемость его во времени. Повторяемость, способствуя устойчивости, создает предпосылки возникновения социальной системы. Следствием стабильного повторяющегося взаимодействия становится выработка определенных значений, указывающих на желательность или нежелательность подобного поведения в будущем [20, с. 572–573]. Взаимная зависимость от реакций «другого», в которых выражается оценка действий и их желательность в будущем, способствует формированию нормативной регуляции взаимодействия [20, с. 573]. Так закрепляются общее понимание критериев поведения и общие оценочные стандарты.

Наличие устойчивых, взаимосоотнесенных ожиданий приводит к общему моральному согласию относительно прав и обязанностей и, в дальнейшем, закреплению определенных моделей поведения – ролей. Посредством морального согласия устанавливаются самые общие рамки ролевого функционирования: «Роль – это такой организованный сектор ориентации актора, который конституирует и определяет его участие в процессе взаимодействия» [21, с. 179]. Именно роль определяется единицей социальной системы. Тем самым система приобретает независимость от отдельных личностей.

Таким образом, социальное взаимодействие, с одной стороны, способствует возникновению социальной системы: «сведенная к самым простым понятиям социальная система состоит из множества индивидуальных действующих лиц, взаимодействующих друг с другом» [22, с. 77], а с другой – порождает регулятивные механизмы, обеспечивающие ее работу. Этот двусторонний процесс соотносится с понятием институционализации как процесса утверждения статусно-ролевой структуры и нормативной регламентации поведения.

Процесс институционализации у Т. Парсонса не сводится к появлению норм как таковых, это лишь первая стадия – «стабилизация» социальных взаимодействий, когда взаимоориентированные ожидания перестают приниматься в расчет и их место занимает согласованный образец. Для полноты процесса институционализации необходимы еще две стадии: «генерализация» (возникновение и закрепление культурных образцов – ценностей) и «интеграция» (взаимопроникновение и интеграция ценностных образцов в единое целое социальной системы). Институционализация нормативного порядка в обществе предполагает его легитимацию, и эту функцию выполняет культурная система общества.

Институционализация предполагает несколько взаимосвязанных условий. Это одинаковое понимание норм в пределах структуры, стабильность норм, действия структурных единиц (носителей ролей или «коллективов») в соответствии с нормами, интеграция нормативного комплекса в нормативную систему более широкого порядка [23, с. 3]. Т. Парсонс отмечает: «Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны руководствоваться конкретными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они «воплощаются в жизнь» конкретными коллективами и ролями» [24, с. 19].

Задача нормативной регламентации решается посредством общепринятых ценностей и норм. Ценности предстают в виде значимых для большинства эталонов, упорядоченных определенным образом.

Понятие ценностей связано с общесоциальным контекстом, это – «общепринятый нормативный образец» [20, с. 575]. Т. Парсонс подчеркивает: «Ценности – это нормативные образцы, определяющие в универсалистических терминах схему ориентации, желательной для системы в целом, и не зависящие от конкретной ситуации или от особой функции внутри системы» [20 с. 579].

Т. Парсонс располагает нормативные образцы в иерархическом порядке, где ценности определяют ориентацию системы в целом. Ниже расположенный уровень конкретизирует ценности более широкого уровня. Функциональная дифференциация внутри соответствующего уровня осуществляется посредством норм. Ценности определяют соответствующие нормы. Можно сказать, что нормы санкционированы ценностями. Норма соотносится с понятием роли и связана с регуляцией ролевого поведения. В целом, нормативные образцы соответствуют уровню обобщенности структурных компонентов.

Ученый различает ценности общества и ценностные ориентации актора.

Интернализованные ценности составляют ценностные ориентации актора, которые в свою очередь задают нормы для выбора определенного варианта действий и поведения. Таким образом, ценности и ценностные ориентации относятся к разным уровням анализа, хотя и соответствуют друг другу. Ценности – категория социальной системы, тогда как ценностные ориентации характеризуют конкретного актора.

Рассмотрение ценностей в теории Т. Парсонса связано с проблемой сохранения устойчивости социальной системы. Важное значение в связи с этим принадлежит этапу социализации, в ходе которого происходит интернализация институционализированных ценностей. Закономерным итогом социализации становится формирование соответствующей структуры личности, где институционализированные ценности приобретают форму индивидуальной мотивации актора. При этом предполагается постоянство институционализированных культурных образцов [20, с. 567].

Таким образом, ключевыми элементами социальной структуры Т. Парсонс предлагает рассматривать статусно-ролевые позиции и ценностно-нормативные образцы. Механизмы интернализации и институционализации поддерживают стабильность социальной системы. Сформированная социальная структура служит критерием, относительно которого следует рассматривать происходящие в системе изменения.

По мнению Т. Парсонса, изменения могут иметь как экзогенный, так и эндогенный характер. В первую очередь они связаны со структурными трансформациями. Характеризуя процесс изменения, ученый использует выражение «возмущающее действие», понимая под этим некоторое влияние, нарушающее равновесие системы до такой степени, что ее адаптивные механизмы не в силах обеспечить возврат к равновесному состоянию.

Ученый констатирует, что в системе могут происходить два вида процессов: стабильные и равновесные, которые не нарушают целостности системы, и процессы, которые вызывают изменения в структуре системы: «Существуют системы или ряд систем, для которых понятие равновесие вполне релевантно, но которые рассматриваются как претерпевающие процесс изменения, сначала нарушающий внутреннее равновесие, а затем приводящий систему через это состояние к новому равновесному состоянию» [23, с. 311]. Логика анализа процесса изменения задается положениями о связи структуры личности с институционализированными ценностями и постоянстве, неизменности этих ценностей.

Т. Парсонс отмечает: «Наиболее интересный момент состоит в том, что самый важный компонент социальной системы, называемый нами институционализированными ценностями, институционализирован через его интернализацию в личности индивида» [23, с. 4]. Таким образом, изменения фиксируются как происходящие во взаимодействии между системой и внешним окружением.

Толчком к изменению служит такая модификация ситуации взаимодействия, при которой система вынуждена реализовывать несколько разнородных функций на одинаковом высоком уровне. Во внешней среде при этом должны сложиться предпосылки легитимизации (представления в обществе о желательном и социально одобряемом) выделяющихся функций и признание за ними структурной самостоятельности. Функциональное разделение, связанное с формированием новой структуры, понимается как дифференциация. Она происходит одновременно с конкретизацией обобщенных ценностей относительно дифференцированных структур. По существу, ценности высшего уровня сохраняются, тогда как ценности подчиненного уровня конкретизируются.

Теоретические представления об институциональном устройстве общества, о самих институтах и их строении и функционировании сформировались в условиях доминирования представлений

об определяющем влиянии на жизнь человека социальных структур. Они соответствовали условиям, в которых происходило становление и устойчивое функционирование индустриального общества. Развитие теории Т. Парсонса осуществлялось в период, характеризующийся незначительной культурной динамикой. Ее изменения рассматривались как линейный, контролируемый процесс. Акцент на стабилизирующей роли социального института во многом способствовал снижению популярности данной концепции в условиях современного интенсивно изменяющегося общества.

В условиях быстрых социальных изменений актуализируется проблематика механизмов, лежащих в основе трансформационных процессов. Методология анализа изменяющейся реальности представлена в концепции П. Бергера и Т. Лукмана. Теория конструирования социальной реальности частично пересекается с идеями структурно функциональной теории общества Т. Парсонса.

Социальная реальность рассматривается, с одной стороны, как реальность объективная, созданная в ходе эволюционного развития общества и не зависимая от индивидуального актора, а с другой – она имеет субъективный характер и конструируется, исходя из индивидуальных знаний в процессе социального взаимодействия. Объективное и субъективное находятся во взаимодополнительных отношениях: «Общество … предстает в качестве совокупного запаса знания, конструируемого индивидами в процессе взаимодействия и закрепляемого социально в виде институтов… Объективированная социальная реальность институциональна и имеет принудительную силу над индивидом» [25, с. 97].

Для процесса конструирования социальной реальности принципиальное значение имеют знания о ней акторов и процесс взаимодействия. Но людям доступны знания только о той части реальности, с которой они непосредственно вступают во взаимодействие. При этом «знание» наполнено собственными смыслами индивида и эмоционально окрашено. В этом заключается его субъективность. Таким образом, реальность конструируется субъективными представлениями и ее изучение связано с изучением представлений о ней [26, с. 42]. Учитывая, что социальные структуры находятся в постоянном процессе изменений, знания акторов трансформируются под воздействием новых конфигураций. Но, как подчеркивают Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, реальные трансформации связаны не просто с появлением нового знания, а с утверждением определенного поведенческого образца.

Процесс взаимодействия рассматривается П. Бергером и Т. Лукманом как процесс порождения и закрепления общего значения. Несмотря на расхождения в трактовке, связанные с индивидуальным субъективизмом, общность понимания позволяет создавать общую реальность. Наличие общей реальности предполагает существование определенных схем типизации, позволяющих упростить процесс взаимодействия: «Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия» [27, с. 59]. Посредством типизации осуществляется связь между индивидуальной реальностью и социальной структурой. Следует обратить внимание, что так же, как и у Т. Парсонса социальная структура является результатом процесса взаимодействий. В концепции П. Бергера и Т. Лукмана также повторяется методологический прием, использованный Т. Парсонсом, для объяснения социального порядка. Механизмами его установления признаются институционализация и интернализация.

Институционализация осуществляется через три последовательных этапа: типизацию, объективацию и легитимацию. Собственно институт возникает на первом этапе – типизации, сущностной чертой которой является опривычивание действий, «хабитуализация». Хабитуализация означает, что совершаемые действия, многократно повторяясь в прошлом, будут повторяться и дальше. Она стабилизирует деятельность и снижает напряженность, сопровождающую необходимость выбора в рутинных ситуациях. Институт – это «взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода» [27, с. 92]. Для утверждения института необходимой является временная, историческая перспектива. Только по прошествии достаточно длительного временного периода и посредством общего языка, «общедоступной знаковой системы» [27, с. 113] институт приобретает характер объективной реальности. Это происходит на этапе объективации. Принятие новыми поколениями установленного порядка – задача этапа легитимации.

Первые два этапа соответствуют теоретическим построениям Т. Парсонса, где вначале происходит закрепление ценностно-нормативного комплекса, а затем – генерализация нормативных моделей. Существенные отличия касаются третьего этапа, легитимации, решающей задачи

«смысловой интерпретации сложившегося порядка» [25, с. 100]. Именно на этой стадии происходит или воспроизводство института, или пересмотр институциональных значений.

П. Бергер отмечает: «Проблема легитимации неизбежно возникает, когда объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому поколению» [27, с. 152]. На этом этапе значения подвергаются изменениям уже в связи с тем, что институциональный порядок необходимо объяснить и создать условия для его принятия. Соответствующая задача решается в ходе социализации.

В процедуре легитимации (как процессе объяснения и принятия новыми поколениями существующих смыслов) П. Бергер и Т. Лукман выделяют два аспекта – когнитивный и нормативный, при этом когнитивный предшествует нормативному. Легитимация осуществляется на четырех уровнях. На первом – дотеоретическом уровне – содержание частично осваивается в процессе овладения смысловыми конструкциями речи. Второй уровень содержит теоретические утверждения в зачаточной форме – базовые объяснительные схемы, представленные в мифах, сказках, сюжетах детской литературы, ориентированных на усвоение нормативных стандартов. В современном обществе роль поставщика социальных мифов выполняют средства массовой информации и коммуникации. Третий и четвертый уровень обнаруживают научный характер знания. На третьем уровне еще существует связь теоретических схем с практическими действиями. На высшем уровне осуществляется включение в общий символический универсум, и объяснительная стратегия оперирует общефилософскими категориями и закономерностями. Высший – символический уровень – упорядочивает и фиксирует системы значений, придает ей смысл и стабильность.

Таким образом, легитимация связана со спецификой трансляции институционального порядка и различиями в его восприятии. Следовательно, наиболее существенные изменения в институциональной системе происходят при смене поколений.

Структурно-функциональную теорию общества и концепцию социального конструирования можно рассматривать как взаимодополняющие.

Отправной точкой обеих теорий является социальное взаимодействие. В концепции Т. Парсонса социальное взаимодействие приводит к оформлению статусно-ролевой структуры и обеспечивающей ее устойчивое существование ценностно-нормативной системы. Таким образом, вводится проработанное и четкое представление о структуре, легко поддающееся эмпирической интерпретации и операционализации. У П. Бергера и Т. Лукмана социальное взаимодействие порождает общее знание и тем самым общую социальную реальность, а его типизация понимается как институт. Теория лишена ясно выраженных структурных построений. В ней акцент делается на процесс институциализации, в связи с чем институт предстает подвижным и пластичным образованием. Авторы обосновывают несколько механизмов трансформации. С одной стороны, это постоянно изменяющиеся под воздействием внешних и внутренних условий взгляды, представления и знания акторов, вступающих во взаимодействие. Это обеспечивает высокую подвижность институциональных связей и в малой степени затрагивает глубинные, ценностные основания взаимодействия. С другой стороны, институциональная трансформация связана с механизмом легитимации. В данном случае речь идет о пересмотре базовых представлений об институте на этапе социализации. Это более устойчивые представления, соотносимые с ценностными ориентациями в концепции Т. Парсонса.

В обеих теориях сходным образом показан процесс институциализации. На начальных стадиях происходит закрепление структуры и ее генерализация. Но если заключительной стадией институционализации у Т. Парсонса является закрепление ценностных образцов в едином пространстве социальной системы, то П. Бергер и Т. Лукман предусматривают возможность циклического процесса изменений.

Соотнесение данных теорий предполагает решение проблемы согласования ценностно-нормативных компонентов. Т. Парсонс предлагает иерархическую систему, где определяющее значение имеют общепринятые институционализированные ценности, конкретизированные в нормативных образцах и проявляющие себя в виде ценностных ориентаций. Институт в теории П. Бергера и Т. Лукмана, предполагающий достаточно высокую подвижность, по своей сущности не может иметь стабильной системы ценностей. В данном случае уместнее говорить

о представлениях о ценностях и нормах. Ключевое различие состоит в том, что ценностные ориентации усваиваются в процессе социализации, а нормативные представления вырабатываются во взаимодействии.

Синтез положений обеих теорий позволяет создать следующую схему. В своем развитии общество приходит к формированию и утверждению устойчивых, значимых для больших социальных групп культурных стандартов, или, как их называет Т. Парсонс, общеразделяемых эталонов, подверженных изменению в ходе длительного исторического процесса. Данные стандарты усваиваются в процессе социализации. Но при передаче новым поколениям они подвергаются определенной модификации, хотя и представляют собой достаточно устойчивую систему ценностных ориентаций, характерных для поколенческой общности. Наиболее динамичный уровень ценностной иерархии составляют нормативные представления, регулирующие ролевое поведение в конкретных сферах жизни общества.

Таким образом, в структурно-функциональной теории и концепции социального конструирования реальности содержатся непротиворечивые основания, позволяющие осуществить их методологический синтез. Построения Т. Парсонса позволяют анализировать социальную структуру и способы ее организации, а П. Бергер и Т. Лукман предлагают механизм изменения этой структуры. Исходя из данных теоретико-методологических оснований, ведущими категориями изучения трансформации семьи как социального института становятся ценностные ориентации и нормативные представления акторов в сфере семейных отношений.

Представление о процессе институциализации, содержащее в своей основе социальное взаимодействие, отраженное в концепциях Т. Парсонса и П. Бергера–Т. Лукмана, позволяет рассматривать ценности как производные социального взаимодействия на определенном этапе культурно-исторического развития. Сам ценностно-нормативный комплекс предстает как многоуровневое образование: общеразделяемые культурные стандарты или категории, семейные ценности индивидов, и индивидуальные нормативные представления.

Семейные ценности индивидов и нормативные представления оказывают влияние на изменение формы и содержания семейных отношений, а категории такого влияния не оказывают. Тем самым разграничиваются понятия общесоциальной значимости семьи и семейные ценности индивидов. Под социальной значимостью понимается отношение к семье как исторически сложившейся форме взаимодействия полов и поколений, тогда как семейные ценности индивидов служат проявлением индивидуально-ориентированной системы ценностей и отражают значение семьи как фактора личностного благополучия. Данный уровень более подвижен и его содержание определяется индивидуальными смыслами, представлениями, опытом. Эти ценности относительно устойчивы, но подвергаются постоянной перелигатимации, они усваиваются в процессе социализации, но подлежат коррекции под воздействием индивидуального опыта. Подобное различение в уровнях соотносимо с разделением ценностей на объективные и субъективные. Разделение ценностей позволяет показать, как при сохранении социальной значимости семьи ценностное отношение к ней периодически меняется. Этим можно объяснить расхождения между высокими оценками семьи в предпочтениях населения и кризисными проявлениями семьи как социального института.

Обращение к понятию «нормативные представления» требует отдельного пояснения. Понятие нормы связано с выделением формально-закрепленных и неформальных правил институционального взаимодействия. Выражением формально-закрепленных правил является гражданско-правовое законодательство, которое устанавливает возрастные ограничения вступления в брак, имущественные права и обязанности и другие правовые аспекты. Неформальные правила включают влияние социального окружения и индивидуальные представления об организации жизни в семье.

В современных условиях институт семьи подвергается значительной индивидуализации и снижению уровня внешнего социального контроля. Индивиды сами выбирают для себя ориентиры или на социум, или на индивидуальные представления. В связи с размыванием границ представлений о социальной норме в семейных отношениях и преимущественным следованием индивидуальным взглядам целесообразным представляется говорить не о социальных нормах, связанных с той либо иной семейной ролью, а о нормативных представлениях, регулирующих семейные отношения.

Таким образом, семейные ценности можно рассматривать посредством трёхуровневого ценностно-нормативного комплекса, включающего ценность семьи как общеразделяемого культурного стандарта, семейные ценности индивидов и индивидуальные нормативные представления. Это позволит выявить особенности семей разного типа, учитывать специфику реальных оценочных отношений, отражающих особенности представлений о семье в различных группах общества. В целом, представленный подход может способствовать разработке ценностных оснований семейной политики.

Список использованных источников

1. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма; пер. с англ.; под общ. ред. А. В. Александровой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 с.

2. Гурко, Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах / Т. А. Гурко // Ценности и смыслы. – 2011. – № 4 (13). – С. 26–44.

3. Антонов, А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства [Электронный ресурс] / А. И. Антонов. – Режим доступа: https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273//. – Дата доступа: 15.09.2017.

4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А. Г. Вишневский [и др.]; под ред. А. Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.

5. Мацковский, М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики / М. С. Мацковский. – М.: Наука, 1989. – 116 с.

6. Бурова, С. Н. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды / С. Н. Бурова, А. В. Демидова // Социологические исследования. – 2008. – № 12. – С. 97–103.

7. Карцева, Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л. В. Карцева // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 92–100.

8. Верещагина, А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: автореф. дис. … д-ра социол. наук: 22.00.04 / А. В. Верещагина. – Ростов-на-Дону, 2009. – 47 с.

9. Волжина, О. И. Семья как социокультурная ценность: автореф. дис. …д-ра социол. наук: 22.00.04 / О. И. Волжина; Гос. науч. – исслед. ин-т семьи и воспитания Рос. акад. обр. и М-ва труда и соц. развития РФ. – М., 2002. – 40 с.

10. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

11.Харчев, А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа / А. Г. Харчев. – Социс. – 1986. – № 3. – С. 23–35.

12. Михеева, А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений / А. Р. Михеева. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. – 2012. – 156 с.

13. Ильиных, С. А. Представления о семье студентов Минска и Новосибирска / С. А. Ильиных // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 59–65.

14. Ильиных, С. А. Институт семьи: анализ состояния в контексте социологии управления [Электронный ресурс] / С. А. Ильиных // Вестн. НГУЭУ. – 2015. – № 2. – Режим доступа: http://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/507/425. – Дата доступа: 10.09.2017.

15. Михеева, А. Р. К вопросу о социальном механизме трансформации семейных отношений: опыт теоретизирования в рамках генетического структурализма / А. Р. Михеева // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV, № 2. – С. 57–80.

16. Носкова, А. В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики / А. В. Носкова // Вестн. МГИМО Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 291–301.

17. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – 219 с.

18. Традиционные ценности общества – основа сохранения межнационального согласия и толерантности: материалы Междунар. науч. – практ. конф., Минск, 3 нояб. 2015 г. – Минск: Экономика и право, 2015. – 131 с.

19. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академ. Проект, 2002. – 880 с.

20. Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах. – М.: Академ. Проект, 2002. – 832 с.

21. Парсонс, Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М.: Академ. Проект, 2000. – 880 с.

22. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс // О социальных системах. – М.: Академ. Проект, 2002. – 832 с.

23. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М.: Академ. Проект, 2000. – 880 с.

24. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

25. Островская-мл., Е. А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX века [Электронный ресурс] / Е. А. Островская-мл. // Вестн. РУДН, серия «Социология». – 2003. – № 1 (4). – Режим доступа: ecsocman.hse.ru/data/074/992/1231/Ostrovskaya.doc. – Дата доступа: 20.09.2017.

26. Зубок, Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 41–57.

27. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

References

1. Fukuyama F. *The Great Disruption*: *Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. New York, Free Press, 1999. 354 p.

2. Gurko, T. A. Institute of the Family in Post-Industrial Societies. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings,* 2011, no. 4 (13), pp. 26–44 (in Russian).

3. Antonov, A. I. Institutional crisis of the family and family-demographic structures in the context of social changes and social inequality. *Family and demographic studies*. Available at: https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273/ (accessed 15 September 2017).

4. Vishnevski A. G. (ed), Andreev E. N., Zaharov S. V., Sakevich V. I., Harkova T. L., Ivanova E. I., Bogoyavlenski D. D., Kvasha E. A., Soroko E. L., Andrianova N. A., Podgaeckaya G. V. *Demographic modernization of Russia, 1900—2000*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 608 p.

5. Mackovskii M. S. *Sociology of the family: problems of theory, methodology and methodology*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 116 p. (in Russian).

6. Burova S. N., Demidova A. V. Trends in the study of the family in the Soviet and post-Soviet periods. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis)*, 2008, no. 12, pp. 97–103 (in Russian).

7. Karceva L. V. The family model in the conditions of transformation of Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis),* 2003, no. 7, pp. 92–100 (in Russian).

8. Vereshhagina A. V. *Transformation of the Institute of the Family and Demographic Processes in Russian Society*. Rostov-on-Don, 2009. 47 p. (in Russian).

9. Volzhina O. I. *The family as a socio-cultural value*. Moscow, 2002. 40 p. (in Russian).

10. Shtompka P. *Sociology of Social Change*. Moscow, Aspect-Press Publ., 1996. 416 p. (in Russian).

11. Harchev, A. G. Studies of the family: on the threshold of a new stage. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis),* 1986, no. 3, pp. 23–35 (in Russian).

12. Miheeva A. R. *The person in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations*. Novosibirsk, Institute of Economics and industrial engineering of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 2012. 156 p. (in Russian).

13. Il'inykh S. A. Representations about the family of students of Minsk and Novosibirsk. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies (Socis),* 2014, no. 3, pp. 59–65 (in Russian).

14. Il'inykh S. A. Institute of family: analysis of the condition in the context of sociology of management. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM.* Available at: http://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/507/425 (accessed 10 September 2017).

15. Miheeva A. R. On the question of the social mechanism of transformation of family relations: the experience of theorizing within the framework of genetic structuralism. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology,* 2012, vol. XV, no 2, pp. 57–80 (in Russian).

16. Noskova A. V. Evolution of family policy in Europe: changing problems, priorities and practices. *Vestnik MGIMO-Universiteta) = MGIMO Review of International Relations,* 2013, no. 4 (31), pp. 291–301 (in Russian).

17. Rotman D. G., Danilov A. N., Bulynko D. M., Belov A. A., Vodneva A. K., Soglaeva L. A., Filinskaya L. V., Savich N. A., Ivanuto O. V., Pravdivets V. V., Morozova S. A., Shkurova E. V., Danilova E. A. *The value world of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects on the study of values*. Minsk, Belarusian State University, 2016. 219 p. (in Russian).

18. Kotlyarov I. V., Bulegenov E. B., Kovalenya A. A., Laumulin M. T., Lashuk I. V., Artyukhin M. I., Baida A. S. *Traditional values of society -- the basis for preserving interethnic harmony and tolerance: Materials of the international scientific conference, Minsk, 3 november, 2015. Collection of scientific articles*. Minsk, Ekonomika i pravo Publ., 2015. 131 p. (in Russian).

19. Parsons T. *On the structure of social action*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 880 p. (in Russian).

20. Parsons T. The outline of the social system. *Social systems.* Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 144 (in Russian).

21. Parsons T. To the general theory of action. Theoretical Foundations of Social Sciences. *On the structure of social action*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 70 (in Russian).

22. Parsons T. Social System. *Social systems.* Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 379 (in Russian).

23. Parsons T. Functional theory of change. *On the structure of social action.* Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 9 (in Russian).

24. Parsons T. *The system of modern societies*. Moscow, Aspect Press Publ., 1998. 270 p. (in Russian).

25. Ostrovskaya-ml. E. A. Concepts of institutionalization in German theoretical sociology of the second half of the XX century. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology,* 2003, no. 1 (4). Available at: ecsocman.hse.ru/data/074/992/1231/Ostrovskaya.doc. (accessed 20 September 2017) (in Russian).

26. Zubok Ju. A. Changing social reality in a crisis Russian society. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny : fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast,* 2017, vol. 10, no. 1, pp. 41–57 (in Russian).

27. Berger P., Lukman T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (in Russian).

Информация об авторе

Сосновская Наталья Александровна – научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

Information about the author

Natalia A. Sosnovskaya – Researcher. Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 94(476)«1942/1944»:355.422.1
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-178-186

Поступила в редакцию 08.12.2017
Received 08.12.2017

В. В. Тугай

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

НЕМЦЫ-АНТИФАШИСТЫ В РЯДАХ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН (1942–1944 гг.)

Аннотация. Рассматривается один из менее изученных в белорусской историографии вопросов – участие немцев в партизанском движении и разгроме фашистской Германии. Показаны примеры героизма немецких патриотов и описаны военные операции, в которых немецкие антифашисты принимали участие. Одной из наиболее важных проблем для отечественных и зарубежных исследователей является изучение вклада каждой нации в победу над фашистской Германией. Молодежь должна знать, что не все немцы разделяли гитлеровскую доктрину, многие из них погибли на нашей земле вместе с представителями других национальностей.

Ключевые слова: «рейхсдойче», «фольксдойче», партизан, антифашист, «Свободная Германия», Белорусский штаб партизанского движения, «Смерть фашизму», дезертир

Для цитирования. Тугай, В. В. Немцы-антифашисты в рядах белорусских партизан / В. В. Тугай // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 178–186. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-178-186

V. V. Tugay

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE GERMANS ARE ANTI-FASCISTS IN THE RANKS OF THE BELARUSIAN PARTISANS (1942–1944)

Abstract. This article examines one of the less studied issues in Belarusian historiography – the participation of Germans in the partisan movement and the defeat of fascist Germany. This article shows examples of the heroism of German patriots and describes military operations in which German antifascists took part. One of the most important problems for domestic and foreign researchers is to study the contribution of each nation to victory over fascist Germany. The youth should know that not all Germans shared Hitler's doctrine, many of them died on our land together with representatives of other nationalities.

Keywords: Reichsdeutsche, volksdeutsche, partisan, anti-fascism, «Free Germany», Belarusian headquarters of partisan movement, "Death to Fascism", deserter

For citation. Tugay V. V. The Germans are anti-fascists in the ranks of the Belarusian partisans (1942–1944). *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 178–186 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-178-186

Введение. С первых дней Великой Отечественной войны территория Беларуси стала ареной ожесточенных боев против войск нацистской Германии и ее сателлитов. Большой вклад в разгром нацизма внесли белорусские партизаны и подпольщики. Изучение истории партизанского и подпольного движения на территории Белорусской ССР остается актуальным направлением научных исследований для современных историков. Этому посвящено немало научных трудов, книг и различных публикаций, но некоторые вопросы до сих пор остаются малоисследованными. В эпоху глобализации история оказалась на острие борьбы за умы и души людей, а информационное пространство в целом превратилось в один из главных источников опасностей и угроз национальной безопасности белорусского государства.

В этих условиях важнейшей задачей белорусской исторической науки на современном этапе является воссоздание объективной и полной истории Великой Отечественной войны, роли партизанского движения в разгроме врага, места и роли немецкой коллаборации в борьбе с на-

© Тугай В. В., 2018

цистами. В этом плане научное рассмотрение участия имперских («рейхсдойче») и народных («фольксдойче») немцев в составе Советской (Красной) армии и партизанского движения на территории Беларуси приобретает важное значение.

Основная часть. В начале Великой Отечественной войны наблюдались единичные случаи перехода «рейхсдойче» на сторону советских партизан. Это были, как правило, рядовые вермахта или унтер-офицеры, которые были не в ладах с военными властями. Некоторые из них бежали из тюрем, которые находились в Минске и Вильно, большей частью дезертиры, а также симулянты, не желающие воевать за нацистов. Ежедневно в этих тюрьмах находилось от 300 до 700 чел. [1]. Перебежчик из минского гарнизона Курт Шен рассказал, что каждый день в минской тюрьме расстреливают по 20–30 чел. солдат вермахта [1, л. 201–202]. Первых перебежчиков – «рейхсдойче» на сторону белорусских партизан после допроса, как правило, расстреливали или переправляли на самолете в Москву, где они и терялись. Такая же судьба была и у пленных «рейхсдойче», которые попадали в руки белорусских партизан в ходе боевых операций в первые годы войны.

В 1941–1942 гг. не наблюдалось массового перехода «рейхсдойче» на сторону советских партизан. Десятки перебежчиков представляли собой рядовой и младший офицерский состав. Исключение составляют несколько случаев перехода на сторону партизан лиц высшего офицерского состава. Так, в 1942 г. в отряд специального назначения, которым командовал С. А. Ваупшасов, на грузовике прибыл полковник вермахта с капитаном люфтваффе. Они привезли из Тростенца двух еврейских женщин с детьми [2]. Мотивы перехода к партизанам они объяснили тем, что ненавидят нацистов и не разделяют их политику уничтожения мирного населения. Офицеры некоторое время находились в отряде, изучали русский язык, а затем были переправлены в Москву.

Морально-политическое положение немецкой армии ухудшалось с каждым днем. Слухи о поражениях на Восточном фронте доходили, несмотря на строгую цензуру, и до немецких солдат, усиливая антинацистские настроения в их среде. Этому во многом способствовала большая политическая работа, проводившаяся подпольными партийными организациями, а также пропагандистской группой комитета «Свободная Германия», заброшенной в белорусские леса и поддерживающей тесные связи с партизанами и подпольщиками.

Воинские гарнизоны стали забрасывать листовками и воззваниями, призывающими к прекращению войны. «Немецкий товарищ! – говорилось в листовке ЦК КП(б)Б, – не медли дальше. Кончай войну. Тебе не нужна война. Ты не плутократ, не спекулянт. Ты рабочий, крестьянин, ремесленник, учитель, служащий или чиновник. Ты такой же трудящийся, как и мы» [3]. Листовки являлись, как правило, пропуском при переходе в партизанский отряд, они же служили связующим звеном для переписки, которая устанавливалась между служащими вермахта и руководством партизанскими соединениями. Оперативная группа (БШПД) на Калининском фронте в мае 1943 г. сообщала, что один из немецких солдат, получив сводки Совинформбюро и письмо из одной из партизанских бригад, действовавших в Полоцком районе, прислал партизанам письмо. В нем говорилось: «Товарищи из партизанского командования! Я благодарю вас за сообщение последних известий на всех фронтах и радуюсь высоко оказанному мне партизанским командованием доверию. Уже в начале войны с этой страной, с первого дня мне стало ясно, по какому ложному пути ведут наш народ, какому подстрекательству и лживой пропаганде он подвергается. Поэтому моей основной целью должно стать ознакомление моих товарищей с пролетарской идеей» [4]. Позднее командование партизанской бригады получило письмо от немецкого ефрейтора, который просил о встрече с ним. Он сообщил, что многие солдаты и даже часть офицеров недовольны войной, проклинают Гитлера и его политику. В подтверждение своих слов ефрейтор передал партизанам ящик патронов [4].

В свою очередь командование партизанских соединений использовало перебежчиков. От их имени налаживалась переписка с солдатами и офицерами немецкой армии на предмет перехода к партизанам. Много шума в немецких кругах произвело письмо перебежчика Эрвина Ханзена, штурмбанфюреру СС Лоссу. Такое же письмо было направлено штурману СС Кур-

ту Кирхнеру. В письмах Ханзен отмечает, что он встретил в партизанском отряде товарищей – немцев [1, д. 37, л. 244]. Подобное обращение от имени пленного ефрейтора 2-й роты батальона связи 205-й дивизии Константина Люкс с призывом прекратить безумное кровопролитие, также было направлено немецким солдатам [1, д. 1293, л. 8]. 13 февраля 1944 г. газета Смолевичского подпольного райкома КПБ «Смерть фашизму» опубликовала письмо немецкого солдата Йозефа В., перебежавшего в один из партизанских отрядов. Он нахваливал своему командиру фельдфебелю Юнгу жизнь у партизан: «Я нахожусь в партизанском отряде. Увидел здесь то, чего как раз не представлял себе. Партизаны целиком посвятили себя борьбе с теми, кто хочет поработить их Родину, и они уверены в победе. Таких людей, убежденных в правоте своего дела, победить нельзя. Как живут партизаны? Приблизительно до 9 часов утра я могу спать, затем иду завтракать и кушаю за одним столом с офицерами. Питание хорошее. Правда, часто партизаны идут на трудные операции. Но никто на трудности не жалуется… Я даю вам хороший совет – если вы хотите спасти себе жизнь и бороться за народ, переходите к партизанам. Я живу свободно, офицеры и солдаты ко мне очень хорошо относятся» [5].

Действительно, если немецкому солдату не доверяли настолько, чтобы не брать его на боевые операции, то на долю перебежчика оставались не слишком обременительные хозяйственные работы, а кормили его даже лучше, чем в вермахте. Одни германские военнослужащие уходили к партизанам по антифашистским мотивам, другие – по шкурническим, чтобы любой ценой уцелеть. Наверное, встречались и просто пацифисты, которые принципиально не хотели брать в руки оружие. Точное число перебежчиков, не желающих воевать за нацистов и не разделяющих их взглядов, установить невозможно, так как в протоколах допросов партизанских оперуполномоченных они фигурируют большей частью как пленные и их дальнейшую судьбу проследить сложно. Те, кто представлял интерес для советского командования, переправлялись в Москву, а затем в Красногорск в специальную школу. Это были, как правило, офицеры высшего звена, которые, пройдя специальную подготовку, использовались советским командованием в военных операциях.

Большую роль в развертывании антинацистской борьбы среди немецких солдат и усиления добровольного перехода на сторону партизан сыграло создание на территории СССР в июле 1943 г. национального комитета «Свободная Германия». По сведениям члена комитета Гуго Барса, он был создан на базе немецкого сектора антифашистской школы в Красногорске 17 февраля 1944 г. [6]. Комитет был создан из пленных немцев, а также немцев-коммунистов, эмигрировавших в СССР в начале 1930-х гг. Активными членами комитета, действовавшего на территории БССР, являлись Альфред Готе, Теодор Циммерман, Герман Эрнст Шауэр, Гуго Барс, Феликс Шефлер, Карл Ринагель, Герберт Генчке, Эрнст Апельт, Макс Эмендорфер и др. [6].

Раскаты первых летних гроз 1944 г. смешались на белорусской земле с гулом сражений. Под ударами Красной Армии дивизии гитлеровского вермахта отступали на запад. По дороге на Минск одна из частей, отправлявшаяся в тыл на переформирование, повстречала на перекрестке регулировщика. Он показал жезлом вправо, и часть послушно свернула на проселочную дорогу, уходящую в темный ельник. А через полчаса она была взята в плен и обезоружена партизанами. Регулировщиком был бывший гамбургский матрос Феликс Шефлер, член комитета «Свободная Германия» [7].

Точную численность членов комитета установить невозможно, так как параллельно создавался антифашистский союз немецких офицеров, а члены комитета «Свободная Германия» вошли в его состав [8]. Кроме того, не все члены союза, засланные в тыл советской разведкой для выполнения специальных заданий, оставались верными советской стороне. Задания по ликвидации руководителей нацистской администрации и других лиц, осуществлявших оккупационную политику, получали многочисленные спецгруппы, в состав которых входили немецкие патриоты. Эти группы направлялись на захваченные земли по линии РУ РККА, НКВД, НКГБ, ЦШПД, БШПД. Как правило, они устанавливали связь с партизанами и подпольщиками и действовали совместно, но зачастую такие группы выполняли задания разрозненно.

После ликвидации В. Кубе советская разведка продолжала разрабатывать новые операции по уничтожению других гитлеровских главарей в Беларуси. В их поле зрения оставались командующий РОА генерал А. Власов и начальник СС и полиции Беларуси Курт фон Готгберг, сменивший гауляйтера В. Кубе на посту генерального комиссара.

Одной из групп, в составе которой находился немецкий антифашист Карл Кляйнюнг, было поручено уничтожить Курта Фон Готтберга. Кляйнюнг получил из леса и смонтировал на конспиративной квартире в Минске взрывное устройство. Минскими подпольщиками оно было доставлено в Лошицу под Минском, где должно было состояться военное совещание с участием Готтберга. Однако это стало известно оккупантам, подпольщики были схвачены и казнены [9]. Еще когда подпольщиц, доставивших мину в особняк, пытали в минском СД, 12 декабря 1943 г. в генеральный комиссариат явился человек, назвавшийся племянником руководителя главного управления имперской службы безопасности (РСХА) Эрнста Кальтенбрунера – Карлом, и попросил аудиенции у Готтберга. Посетитель оказался лейтенантом люфтваффе. Его самолет был сбит в 1941 г. под Вязьмой, сам он был захвачен и завербован советскими спецслужбами. Мучимый раскаяниями и сомнениями, он явился к Готтбергу с повинной, признался, что работал по линии Национального комитета «Свободная Германия», получил задание ликвидировать А. Власова, а затем Готтберга. Посетитель сообщил, что настоящая его фамилия Августин и попросил направить его для дальнейшей службы в люфтваффе Германии.

Об этом визите Готтберг тут же написал в Берлин главе восточного министерства Альфреду Розенбергу [10]. Пример Августина – история человека, который хотел выжить в условиях войны, уцелеть, как и тысячи других, изменивших присяге.

16 февраля 1942 г. близ деревни Курганово, Ярцевского района Смоленской области в партизанском отряде «Смерть фашизму» началась партизанская биография Фрица Шменкеля (Фрица-Ивана, как его называли в отряде). Фриц Шменкель был награжден знаком «Отличный пулеметчик», а затем орденом Красного Знамени. Погиб при освобождении Беларуси [11]. В 1950-х гг. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Нередко немцы, прежде чем перейти к партизанам, устанавливали контакт с населением. Перебежчик 2-й роты 102-го транспортного батальона, базировавшегося в районе Полоцка, Франц Отто, прибыв в партизанский отряд в апреле 1943 г., рассказывал: «В Полоцке я услышал от местного населения положительные вещи о партизанах… Я часто разговаривал с одной женщиной, которая знает немецкий язык. Она мне сказала: “Россия ничего не имеет против немецкого народа, она только хочет уничтожить гитлеровское правительство, национал-социалистическую партию, СС и СД. Русский человек хороший и не тронет немецкого рабочего”. После этого я решил перебежать к партизанам и на их стороне активно сражаться за построение коммунизма в Германии» [12]. Немецкие патриоты снабжали партизан и подпольщиков разведданными, медикаментами, оружием. Например, подпольщики г. Калинковичи Полесской области установили в 1942 г. связь с группой антинацистов, служивших в батальоне «ТОДТ». Среди них были: начальник склада батальона Освальд, Отто Унтыт – начальник кузнечного цеха, Фриц Родемахер, Пауль Бабик, Август и др. [13]. Много вольнонаемных служащих и рабочих из организации «ТОДТ» перешли на сторону партизан в Слуцке и Вилейке [1, д. 1016, л. 104–114]. Фридрих Пиетска был арестован нацистами и приговорен к тюремному заключению, замененному позднее отправкой на Восточный фронт. В конце 1942 г. он оказался в Могилеве. Здесь ему и его другу Отто Никелю удалось установить связь с подпольщиками. Сплотив вокруг себя группу патриотов, Фридрих и Отто регулярно снабжают партизан взрывчаткой, бикфордовым шнуром, детонаторами. В марте 1943 г. эта группа вошла в 600-й партизанский полк Могилевской военно-оперативной группы, а Фридрих Пиетцка стал командиром интернациональной группы [14]. В состав группы вошли бывшие немецкие военнослужащие: Ганс Домен, Бернгард Бадер, Иоханнес Класс, Фриц Георги, Фриц Матулевски, Вернер Грасс и др. [15].

В группе Медведева героически сражались Эрих Вернер, а также Роберт Клейн – командир группы разведчиков, Герой Советского Союза [16]. В бригаде «Смерть фашизму» также героически сражались с нацистами Петер Зеттель (погиб), Адольф Бон и Петер Левин. Последние

были направлены в Минск для сбора разведданных, но были выданы «перебежчиками-шпионами» Куртом Ланге и Гейнцем Кундорфом и казнены нацистами [17]. Участники Полоцкого подполья неоднократно получали медикаменты из немецкого госпиталя № 603, через фельдфебеля, который не разделял взглядов нацистов [18]. Храбрым разведчиком и бойцом Смоленского партизанского полка «13» стал Фридрих Брамгольц, который 6 февраля 1943 г. в деревне Бржезово Лиозненского района перешел к партизанам [19]. Большую помощь партизанам оказывал также Ганс Виер [20]. Партизанами 2-й Минской бригады у д. Гнездное Пуховичского района был пленен Альфред Лемке. После встречи его с оперативным работником Василием Варивончиком он был оставлен в партизанской бригаде и воевал на стороне белорусских партизан [1, д. 100, оп. 2, л. 5]. В районе Старых Дорог Минской области перешел к партизанам обер-ефрейтор Франц Шмидт, а также лейтенант люфтваффе Вальтер Кениг [1, л. 28]. Следует отметить, что пленных, а также перебежчиков-летчиков и танкистов партизаны переправляли большей частью в Москву, где их использовали в качестве инструкторов для подготовки советских летчиков и танкистов. Так, лейтенант Бернброк, сбитый в небе над Беларусью, был переправлен в Москву и впоследствии обучал советских летчиков [1, д. 100, л. 29]. Зондерфюрер Клеменс Баяр перешел к партизанам 09.12.1943 г., рядовой Лювваль Вильгельм из штрафбата также перешел к партизанам и заявил о своем желании воевать против нацистов. В марте 1944 г. сотни солдат и офицеров вермахта немецкой национальности оставляли свои части и изъявляли желание воевать против нацистов. Обер-ефрейтор Лонард Гельмуд, солдат I батальона 2-го полка 1-й лыжной бригады «Адольф Гитлер», Ирсек Андрей Иосифович, рядовой 141-й запасной дивизии, Карвинский Курт, Эвальд Червоны, Рудольф Собегарт, Курт-Эрих Марвинский, Курс Шапизон и др. встали в ряды партизан [1, д. 100, л. 30–198].

Среди первых перебежчиков, которые героически сражались с нацистами и их приспешниками в рядах партизан, – Х. Винклер, Р. Гударьян, Г. Дитц, К.-М. Кауфман, Г. Крайслер, Г. Лиенталь, В. Тильмар, А. Фрауштраф [1, оп. 3, д. 156, л. 41–44].

Центральный штаб партизанского движения приводит фамилии немецких солдат и офицеров, которые перешли на сторону советских партизан. Вот только немногие из них: Вернер Ребелайн, Пауль Сосновски, Ганс Штрубе, Франц Питч, Оскар Освальд, Август Кунц, Пауль Бабик, Фриц Ледемахер, Бернгадт Тауберт, Август Клейзе, Герман Цинканд, Пауль Гельцель, Ганс Кречмар, Ганс Домен, Иоханес Класс, Фриц Георги, Карл Коерпан, Фриц Петтер, Ганц Кулас, Адам Бретга цер, Герхард Гартман, Эрих Мирли, Эрнс Битнер, Франц Бюрнбергер, Иоахим Фюрнбергер, Иоахим Кюнстер, Карл Круг, Роберт Клелльнер, Рихард Наазе, Пауль Лампе, Гарри Симон, Генрих Риффер, Фридрих Шменкель и др. Значительная часть из них награждена орденами и медалями СССР [21].

Документы фонда 1450 НАРБ и других фондов свидетельствуют о том, что практически ежедневно к партизанам переходили группами и по отдельности немецкие военнослужащие и вольнонаемные «рейхсдойче». 18 октября 1943 г. в бригаду Андреева перешел унтерофицер Лемке из 61-го полка 7-й дивизии. Он сообщил о координатах авиазавода «Мессершмит» и танкового завода. 5 ноября 1944 г. во 2-ю Минскую бригаду перешел Вили Шульц [1, оп. 1, д. 15, л. 102–274].

Антифашистски настроенным пленным и лицам, добровольно перешедшим на сторону партизан, если они изъявляли желание сражаться против гитлеровских захватчиков, партизаны предоставляли эту возможность. Так, в сообщении 709-й группы тайной полевой полиции от 4 апреля 1944 г. отмечалось, что летчик Карл Кунсдорф и гренадеры Генрих Фильпель, Курт Ланге и Фридрих Белинг отсутствуют и, согласно информации, перешли к партизанам. В другом сообщении указывалось, что эти лица находятся в партизанском отряде «Смерть фашизму» Минской области, западнее Борисова [5, с. 26–114].

Клименс Байер с конца 1941 г. находился в составе хозяйственной команды. Служил в Вилейке, Бобруйске, Слуцке. К местным жителям относился лояльно. С врачом партизан, связной В. И. Олейник, он вел политические дискуссии о будущем Германии. К. Байер принял на работу шофером Анохина, зная о том, что тот партизан. Начальник особого отдела парти-

занской бригады им. Фрунзе В. И. Гуринович осенью 1943 г. установил связь с Байером. После этого Байер оформил на работу шофером в хозяйственную команду партизанского связного, старшего лейтенанта Александрова. 8 декабря 1943 г. Байер прибыл к партизанам на грузовике, доставил радиоприемник, 4 автомата, около 30 гранат, более 30 тыс. патронов. Кроме того, он дал ¦подробные координаты6 складов с топливом и продуктами. Важные сведения партизаны получили о противовоздушной обороне немцев в Бобруйске, а также дислокации лагеря эсэсовцев в д. Киселевичи.

Байер сообщил также о том, что в районе Кельна, где он недавно был в отпуске, строятся стартовые площадки для обстрела Лондона «чудо-снарядами» и что эти снаряды в ближайшее время будут использоваться на Восточном фронте. Важными были и сведения о подготовке немецкого десанта на Тегеран, где должна состояться конференция руководителей государств антигитлеровской коалиции. Эти сведения немедленно были отправлены в Москву.

9 января 1944 г. Байер был переправлен в Москву, где и находился до конца войны [22]. Как уже отмечалось, в 1942 г. моральное состояние германских войск в Беларуси было далеким от идеала. В руки партизан попал приказ врача немецкой пехотной дивизии доктора Швеха, относящийся к августу этого года. Там отмечалось, что в дивизии участились случаи симуляции, которые «даже опытными врачами не могут быть отличимы от истинных заболеваний». Симулянты научились мастерски имитировать самые различные заболевания – от дизентерии и порока сердца до нервного тика и ревматизма, от ишиаса до самострела, который невозможно отличить от боевого ранения. «Порок сердца», например, достигался за счет длительного жевания табака или русской махорки. Доктор Швех возмущался: «Как раз подобные симулянты на длительное время исчезают в этапных лазаретах». Он обращался к сознательности солдат: «Так как все перечисленные варианты неотличимы никакими медицинскими экспертизами от подлинных заболеваний, я аппелирую к национальному чувству ответственности, долга и народной спаянности каждого осматриваемого. Каждый немецкий солдат должен сегодня осознать, чем он обязан всей массе германского народа» [5].

Однако чем хуже шли дела на фронте, тем все больше немецких солдат и офицеров стремились перейти на сторону противника. В 1943–1944 гг. в руки партизан попадали немецкие приказы, направленные против тех, кто подделывал отпускные документы или справки из госпиталей, а также продовольственные аттестаты и месяцами на законных основаниях оставался вдали от линии фронта. Нередко группы таких «полудезертиров» грабили местное население, что еще больше настраивало его против немцев. Некоторые из них рассчитывали пересидеть в тылу до конца войны, в неблагоприятном для Германии исходе которой уже не сомневались.

Ряд конкретных сведений о совместной боевой деятельности немецких антифашистов и советских партизан содержится в фондах партизанских бригад имени Невского, 2-й Минской, 3-й Минской, им. Фрунзе, «Народные мстители», действовавших на территории Минской области; партизанских бригад Первомайской, им. Дзержинского, им. Фрунзе Барановичской области; партизанской бригады им. Пономаренко Брестской области; партизанской бригады им. А. Ф. Данукалова, партизанских формирований Могилевской области – полк 121-й им. О. М. Касаева, полк 600-й, отряд 538-й и др.

В совместных боях в интернациональном отделении бригады «Смерть фашизму», действовавшей на территории Смолевичского, Борисовского, Логойского, Плещеницкого районов, участвовали Адольф Бон, Петер Зеттель, Курт Лянге, Артур Шмидт и др. [1, л. 87–119].

Самоотверженно боролись в рядах белорусских партизан антифашисты Леон Зауэр и Герман Цинканд. В составе партизанского отряда имени Пономаренко бригады «Штурмовая» они участвовали во взрыве эшелонов на железной дороге Орша–Борисов, в районе Заславль–Радошковичи, а также в отражении карательных экспедиций гитлеровцев в районе деревни Хатынь Плещеницкого района. В октябре 1943 г. целая группа немецких антифашистов, действовавших на Витебском аэродроме во главе с Францем Шнайдером, перешла в бригаду Алексея (им. А. Ф. Данукалова) [17, с. 223].

Летом 1944 г. А. П. Демьянов (оперативный псевдоним «Гейне») был командирован в освобожденный Минск. 8 августа 1944 г. он проинформировал немцев, что в Белоруссии в районе реки Березины будто бы скрывается крупная немецкая часть численностью более двух тыс. чел. [24]. Немецкое командование приняло решение оказать помощь своим соотечественникам. Возглавить комплекс мероприятий по дезориентации противника было поручено заместителю начальника 4-го управления НКВД Науму Эйтингону. Им была сформирована оперативная группа из сотрудников 4-го управления, которая была направлена в район Березино. Помимо этого, в группу вошли агенты из бывших военнопленных немцев (Вилли Эккард, Ганс Иоганн Михаэлис и др.), а также подполковник немецкой армии Генрих Шернхорн, который должен был играть роль командира мифической немецкой части [25].

Операция «Березино» продолжалась вплоть до конца войны. Для части Шернхорна высылались оружие, продовольствие, деньги и, наконец, люди. Все люди тут же арестовывались, после обработки часть из них начинала работать на советскую разведку и тем самым включалась в игру. Операция продолжалась вплоть до 5 мая 1945 г.

Итоги операции «Березино», по данным архива Службы внешней разведки РФ, подведены справкой от 8 марта 1947 г.: «С сентября 1944 г. по май 1945 г. немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и 1 млн 777 тыс. руб. советских денег» [25]. Позже полковника Шернхорна и немцев-военнопленных, помогавших в операции, освободили и разрешили выехать в ГДР.

Архивные материалы позволяют проанализировать социальный состав перебежчиков, партийную принадлежность, образование и т. д. В большинстве своем перебежчики являлись беспартийными, образование среднее, хотя встречались и лица с высшим образованием. Среди перебежчиков встречались рабочие и крестьяне (бауэры), врачи, строители и художники. Большинство перебежчиков-антинацистов являлись рядовыми или младшими офицерами вермахта.

Еще в ходе войны многие перебежчики погибли от рук гестапо и НКВД. После окончания войны многие немецкие антифашисты, независимо от того, кем они являлись – «фольксдойче» или «рейхсдойче», были расстреляны органами НКВД. Немногим удалось уцелеть. Отдельные представители «рейхсдойче» вернулись на родину и занимали в ГДР различные руководящие должности. Некоторые остались жить в Беларуси.

Какова же была численность «рейхсдойче» в Беларуси, которые активно сражались против нацистов или по политическим мотивам оказывали помощь партизанам. Исследователи А. И. Котов и С. А. Котова приводят цифру на 15 апреля 1944 г. – 45 чел. [23, с. 84], Э. Ф. Языкович называет 100 чел. [19, с. 89]. Однако даже поверхностное изучение партизанских фондов НАРБ позволяет сделать вывод о том, что многие перебежчики, упоминаемые в мемуарной литературе, а также официально числящиеся при партизанских отрядах – члены Национального комитета «Свободная Германия», не проходят по официальной статистике. По подсчетам автора, в рядах белорусских партизан сражались несколько сотен немцев-антифашистов.

Список использованных источников

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 3500. 0п. 2. Д. 1294. Л. 202.

2. Ваупшасов, С. Партизанская хроника / С. Ваупшасов. – Минск: Беларусь, 1971. – 317 с.

3. Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.). – Мінск: Дзяржвыд. БССР, 1952. – 502 с.

4. НАРБ. – Ф. 69. 0п. 1. Д. 39. Л. 147.

5. Соколов, Б. В. Оккупация. Правда и мифы / Б. В. Соколов. – М.: АСТ–Пресс Книга, 2002. – 278 с.

6. Гуга, Барс. Мы сталі камуністамі / Барс Гуга; пер. А. Зарыцкі. – Мінск: Беларусь, 1971. – С. 12–20.

7. В едином порыве: Очерки и рассказы / ред.-сост. Г. А. Нечаев. – М.: Изд-во ДОСААФ, 1971. – 166 с.

8. Шишов, Н. И. Прозрение генерал-фельдмашала Фридриха Паулюса / Н. И. Шишов // Образование в регионах России и СНГ. – 2003. – № 2. – С. 55.

9. Кнатько, Г. Д. Загадка Августина или история одного предательства / Г. Д. Кнатько // Беларусь і Германія. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 22 крас. 2004 г. / Мінскі дзярж. лінгв. ун-т; рэдкал.: С. Я. Новікаў (гал. рэд.). – Мінск: МДЛУ, 2004. – С. 107.

10. НАРБ. – Ф. 4698. Оп. 3. Д. 976. Л. 204–205.

11. Александровский, П. И. Фриц-Иван / П. И. Александровский, А. Н. Егоров // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 215–217.

12. НАРБ. – Ф. 3793. Оп. 1. Д. 17. Л. 13–22.

13. Ануфриев, П. С. Братья по оружию / П. С. Ануфриев // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 241–258.

14. Щербаков, А. Место солдата /А. Щербаков // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский, С. М. Борзунов. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 262–268.

15. В лесах Белоруссии: Воспоминания советских партизан и немецких антифашистов / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК Социалистической единой партии Германии; сост.: А. В. Семенова, Р. А. Черноглазова, Х. Кюнрих, К.-Х. Пех, Д. Шауль. – Минск: Беларусь, 1977. – С. 96–110.

16. Цессарский, А. В. Ворота солнца / А. В. Цессарский // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 288–322.

17. Садовский, Е. И. Марсель / Е. И. Садовский // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 329–332.

18. НАРБ. – Ф. 3793. Оп. 1. Д. 17. Л. 13–22.

19. Языкович, Э. Ф. Зарубежные антифашисты в рядах белорусских партизан (1941–1944 гг.). / Э. Ф. Языкович // История СССР. – 1966. – № 5. – С. 89.

20. Орищук, Н. Е. Удар за ударом / Н. Е. Орищук // Под одним знаменем: Очерки о партизанах-интернационалистах / ред.-сост. А. В. Белановский и С. М. Борзунов. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 314.

21. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы: в 3 т. – Минск: Беларусь, 1967–1982. – Т. 3 – С. 23.

22. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 // Энцыклапедыя. – Минск: БелСЭ імя П. Броўкі. – 1990. – С. 54.

23. Котов, А. И. Участие немцев в партизанском движении на территории Беларуси (1941–1944) /А. И. Котов, С. А. Котова // Беларусь–Германія. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 23 мая 2002 г. / Мінск. дзярж. лінгв. ун-т; рэдкал.: С. Я. Новікаў (гал. рэд.). – Мінск: МДЛУ, 2002. – С. 84–87.

24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). – М.: Кучково поле, 2007. – 896 с.

25. Озеров, С. «Операция Березино» / С. Озеров // Военно-промышленный курьер. – 2005. – 12 янв. – С. 10.

References

1. *The National Archive of the Republic of Belarus.* Fund 3500, inventory 2, case 1294, sheet 202 (in Russian).

2. Waupshasov S. *Partisan Chronicle*. Minsk, Belarus Publ., 1971. 317 p. (in Russian).

3. Garbunova Ts. S. (ed.) *Collection of leaflets nationwide guerrilla struggle in Belarus during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Minsk, State publishing house BSSR, 1952. 502 p. (in Belarusian).

4. *The National Archive of the Republic of Belarus* (NARB), Fund 69, inventory 1, case 39, sheet 147 (in Russian).

5. Sokolov B. V. *The Occupation. Truth and myths*. Moscow, AST–Press Kniga Publ., 2002. 278 p. (in Russian).

6. Guga B. *We became communists*. Minsk, Belarus Publ., 1971, pp. 12–20 (in Belarusian).

7. Nechaev G. A. (ed.) *In a single impulse: Essays and stories*. Moscow, Voluntary Society for Assistance to the Army, Aviation and Fleet, 1971. 166 p. (in Russian).

8. Shishov N. I. The insight of general-field marshal Friedrich Paulus. *Obrazovanie v regionakh Rossii i SNG* [Education in the Regions of Russia and the CIS]*,* 2003, no. 2, p. 55 (in Russian).

9. Knatko G. D. Augustine's Mystery or the. History of a Betrayal. Novikov S.Ya. (ed*.) Belarus' i Germaniya. Gistoryya i suchasnasts': materyyaly Mizhnar. navuk. kanf.,* Minsk, 22 kras. 2004 g. [Belarus and Germany. History and the present: Materials International Scientific Conference, Minsk, 22 apr. 2004]. Minsk, Minsk State Linguistic University, 2004, p. 107 (in Russian).

10. *The National Archive of the Republic of Belarus*. Fund 4698, inventory 3. case 976, sheets 204–205 (in Russian).

11. Aleksandrovsky P. I., Egorov A. N. Fritz-Ivan. Belanovskii A. V., Borzunov S. M. (eds.) *Under one banner: Essays on the partisans-internationalists*. Moscow, State Publishing House, 1963, pp. 215–217 (in Russian).

12. *The National Archive of the Republic of Belarus*. Fund 3793, inventory 1, case 17, sheets 13–22. (in Russian).

13. Anufriev P. S. Brothers in Arms. Belanovskii A. V., Borzunov S. M. (eds.) *Under one banner: Essays on the partisans-internationalists.* Moscow, State Publishing House, 1963, pp. 241–258 (in Russian).

14. Shcherbakov A. The place of the soldier. Belanovskii A. V., Borzunov S. M. (eds.) *Under one banner: Essays on the partisans-internationalists.* Moscow, State Publishing House, 1963, pp. 262–268. (in Russian).

15. Semenova A .V., Chernoglazova R. A., Kunrich H., Peh. D. Shaul K.-H. *In the forests of Belarus: Memoirs of soviet partisans and German antifascists.* Minsk, Belarus Publ., 1977, pp. 96–110 (in Russian).

16. Tsessarsky A. V. The Sun's Gate. Belanovskii A. V., Borzunov S. M. (eds.) *Under one banner: Essays on the partisans-internationalists.* Moscow, State Publishing House, 1963, pp. 288–322 (in Russian).

17. Sadovskii E. I. Marcel. Belanovskii A. V., Borzunov S. M. (eds.) *Under one banner: Essays on the partisans-internationalists.* Moscow, State Publishing House, 1963, pp. 329–332 (in Russian).

18. *The National Archive of the Republic of Belarus*. Fund 3793, inventory 1, case 17, sheets 13–22 (in Russian).

19. Yazykovich E. F. Foreign antifascists in the ranks of Belarusian partisans (1941–1944). *Istorija SSSR* [History of the USSR], 1966, no. 5, p. 89 (in Russian).

20. Orishchuk N. E. Impact after impact. Belanovskii A. V., Borzunov S. M. (eds.) *Under one banner: Essays on the partisans-internationalists.* Moscow, State Publishing House, 1963. p. 314 (in Russian).

21. *All-national guerrilla movement in Belarus during the Great Patriotic War (June 1941 – July 1944). Documents and materials*. *Vol. 3*. Minsk, Belarus Publ., 1967–1982, pp. 23 (in Russian).

22. *Belarus in the Great Patriotic War 1941–1945. Encyclopedia.* Minsk, Belorussian Soviet Encyclopedia named after Petrusya Brovka, 1990, pp. 54 (in Belarusian).

23. Kotov A. I., Kotova S. A. Participation of Germans in partisan movement on the territory of Belarus (19411944). *Belarus'–Germaniya. Gistoryya i suchasnasts': materyyaly Mizhnar. navuk. kanf.,* Minsk, 23 maya 2002 g. [Belarus and Germany. History and the present: Materials of the international scientific conference "Belarus and Germany. History and present", Minsk, 23 may 2002]. Minsk, Minsk State Linguistic University, 2002, pp. 84–87 (in Russian).

24.*State security bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Vol. 5. Book 2. The borders of the USSR were restored (July 1–December 31, 1944).* Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2007. 896 p. (in Russian).

25.Ozerov S. «Operation Berezino». *Voenno-promyshlennyi kur'er* [Military Industrial Courier], 2005, 12 Jan., pp. 10 (in Russian).

Информация об авторе

Тугай Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий центром всеобщей истории и международных отношений. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vladimir.tugai@gmail.com

Information about the author

Vladimir V. Tugay – D. Sc. (Hist.), Professor, Head center of world history and international relations. Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., 220072, Minsk, Belarus). E-mail: vladimir.tugai@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 339.9(47+57)(410)(091):008
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-187-195

Поступила в редакцию 01.02.2018
Received 01.02.2018

И. В. Жилинская

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНГЛО-СОВЕТСКИЕ СВЯЗИ В 30-е гг. XX в.

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что культурные межгосударственные связи рассматриваются как демократическая тенденция в дипломатической деятельности. В этой связи представляет научный интерес выявление механизма участия различного рода общественных кругов, организаций и движений во внешнеполитической деятельности. На основе обширного архивного материала анализируются основные тенденции, этапы и формы англо-советского литературного обмена в 30-е гг. XX в. Подчеркивается, что основой для этого являлась заинтересованность общественности во взаимном обогащении и проникновении культур двух народов. Социалистическое строительство являлось предметом пристального внимания граждан капиталистических стран. Расширение литературных контактов с Великобританией рассматривалось советским руководством как способ решить ряд политических проблем. Делается вывод, что литературный обмен в 30-е гг. XX в. не претерпевал значительного развития, хотя отмечается некоторое оживление в этой сфере в 1934–1936 гг., что было связано с улучшением политических отношений двух стран. С 1937 г. наблюдается снижение интенсивности литературных связей. Во второй половине 1939 г. произошло резкое уменьшение количества подобных контактов, хотя, по сравнению с иными культурными сферами, литературный обмен все еще сохранял свою значимость. К началу Великой Отечественной войны культурные связи Великобритании и СССР, в том числе и литературные, были фактически свернуты, причиной чего явилось негативное отношение большей части английской интеллигенции к Советскому Союзу в данный период и антибританская направленность советской пропаганды.

Ключевые слова: Великобритания, СССР, культурное сотрудничество, литературные связи, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Общество культурной связи с СССР, Союз советских писателей, Международное общество революционных писателей, пропаганда, книгообмен

Для цитирования. Жилинская, И. В. Культурно-литературные англо-советские связи в 30-е гг. XX в. / И. В. Жилинская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 187–195. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-187-195

I. V. Zhilinskaya

Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

ANGLO-SOVIET LITERARY CONNECTIONS IN THE 30-ies TWENTIETH CENTURY

Abstract. The relevance of the topic is due to the fact that cultural interstate relations are viewed as a democratic trend in diplomatic activity. In this connection, it is of scientific interest to reveal the mechanism of participation of various kinds of social circles, organizations and movements in foreign policy activity. In the article the main tendencies, stages and forms of the Anglo-Soviet literary exchange in the 1930s are analyzed on the basis of extensive archival material. It is emphasized that the basis for this was the interest of the public in the mutual enrichment and penetration of the cultures of the two peoples. Socialist construction was the subject of close attention of citizens of capitalist countries. On the other hand, the expansion of literary contacts with Great Britain was viewed by the Soviet leadership as a way to solve a number of political problems. The article concludes that the literary exchange in the 1930s has not undergone significant development, although there has been some revival in this area in 1934–1936, which was due to the improvement of political relations between the two countries. Since 1937 there has been a decrease in the intensity of literary connections. In the second half of 1939 there was a sharp decrease in the number of such contacts, although, in comparison with other cultural spheres, literary exchange still retained its significance. By the beginning of the Great Patriotic War of the Soviet Union, the cultural ties between Great Britain and the USSR, including literary ones, were virtually collapsed. The reason for this was the negative attitude of most of the British intelligentsia towards the Soviet Union in this period and the anti-British orientation of Soviet propaganda.

Keywords: Britain, USSR, cultural cooperation, literary communication, VOKS Society for Cultural Relations with the USSR, the Union of Soviet Writers, the International Society of Revolutionary Writers, promotion, book exchange

For citation. Zhilinskaya I. V. Anglo-soviet literary connections in the 30-ies Twentieth century. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 187–195 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-187-195

© Жилинская И. В., 2018

Введение. Культурные межгосударственные связи следует рассматривать как демократическую тенденцию в дипломатической деятельности. Это проявляется, в частности, во вторжении в сферу международной политики большого количества деятелей науки и культуры в прямой и косвенной форме, что по-новому ставит вопрос о формах и методах дипломатической работы. Теперь уже мало осуществлять ее только через традиционные «дипломатические каналы»; ее все больше надо подкреплять другими акциями, могущими влиять непосредственно на общественное мнение, на широкие массы. В этой связи представляет научный интерес выявление механизма участия различного рода общественных кругов, организаций и движений во внешнеполитической деятельности. Исторический опыт развития англо-советских литературных связей в 1931–1939 гг. дает богатый материал для поиска ответов на эти вопросы.

Основная часть. Культурное сотрудничество между Великобританией и СССР было обусловлено политической и идеологической ситуацией, сложившейся в тот период. Восстановление дипломатических отношений в 1929 г. дало новый импульс к дальнейшему расширению и углублению подобных связей СССР и Англии. В рамках такого сотрудничества активно шло и развитие контактов в области литературы. Основой для этого являлась заинтересованность общественности во взаимном обогащении и проникновении культур двух народов. СССР имел огромное литературное наследие прошлого. Классики русской литературы, такие как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов и другие, притягивали взоры творческой интеллигенции всего мира.

Нельзя не учесть и тот факт, что само социалистическое строительство было предметом пристального внимания граждан капиталистических стран. В первой половине 1930-х гг. отмечался значительный рост интереса к СССР в среде интеллигенции, в том числе и литературной, связанный в первую очередь со стремлением найти идеал социально-экономического устройства, а также популярностью внешнеполитического курса СССР, направленного на реальное сопротивление возраставшей гитлеровской агрессии. Это способствовало популяризации советской культуры в Англии и создавало благоприятную почву для расширения англо-советского культурного обмена. Поэтому литературные произведения советских авторов, отражающие реалии того времени, вызывали интерес общественности Великобритании. Среди английских писателей в защиту Советского Союза наиболее активно выступали Г. Уэллс и Б. Шоу.

Неоднозначные позиции по вопросу о культурном сотрудничестве с СССР высказывала и русская творческая интеллигенция, оказавшаяся в эмиграции в Великобритании. Так, среди литературных кругов диаспоры можно отметить две прямо противоположные позиции. С одной стороны, часть литераторов считала, что русская культура развивалась в дореволюционной России, а большевики ее уничтожают. Поэтому цель эмиграции – сохранить и, по возможности, приумножить наследие великой русской культуры. С другой стороны, Д. П. Святополк-Мирский, Г. Струве, С. А. Коновалов и другие рассматривали советскую культуру как наследницу русской, считая невозможным развитие последней вне границ России. На этом основании делался вывод о необходимости изучения и популяризации советской культуры за рубежом, поддержания тесных контактов с ее представителями [18, с. 22, 23, 27, 30].

Что касается позиции советской стороны по вопросу расширения литературных контактов с Великобританией, то следует отметить, что подобные связи рассматривались советским государством как способ решить ряд политических проблем. Так, перед Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС) – организацией, занимающейся непосредственно осуществлением культурных контактов с зарубежными странами, – еще в 1926 г. были поставлены задачи, согласно которым она должна была способствовать формированию на Западе общественного мнения в пользу Советского Союза [2, с. 314; 4, л. 118]. Это было необходимо для решения в первую очередь внешнеполитических задач, поскольку, несмотря на признание СССР большинством западных стран, его роль на международной арене оставалась незначительной. Западная дипломатия склонна была игнорировать советское государство. Такая ситуация заставляла СССР искать любые каналы диалога с Западом, в том числе и неформальные. Так, полпред в Великобритании И. М. Майский в своих воспоминаниях признавал, что во внешней политике Советского Союза дипломатических методов часто было недостаточно, «их приходи-

лось дополнять другими акциями, из которых самыми важными были акции в области экономики и культуры» [20, с. 8]. Это способствовало, с одной стороны, увеличению усилий советского государства по активизации и англо-советского литературного сотрудничества, с другой – приданию такого рода связям определенной политической окраски.

В расширении литературных контактов между СССР и Великобританией огромная роль принадлежала непосредственно Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей и ее отделениям. В сектор художественной культуры ВОКСа входила литературная секция, которая и занималась налаживанием и поддержанием регулярных контактов с зарубежными странами в области литературы. Кроме того, значительную роль в данной сфере сотрудничества играло и Бюро книгообмена.

Основной формой литературных связей являлись поездки советских писателей в Великобританию и представителей английской литературы в СССР. Создание нового общественного строя в Советском Союзе, которое затронуло все сферы жизни общества, вызывало неподдельный интерес среди творческой интеллигенции Великобритании. В 1930-е гг. СССР посетили такие известные английские писатели, как Г. Уэллс, Б. Шоу, А. Вильямс-Эллис, Л. О'Флагерти и др. А. Вильямс-Эллис, член правления Лондонского общества культурной связи с СССР (ОКС), в феврале – марте 1930 г. находилась в Москве, где знакомилась с советской литературой и изобразительным искусством. В июле 1931 г. приехал всемирно известный писатель Б. Шоу, решивший встретить свое 75-летие в СССР. Писатель был принят И. Сталиным [19, с. 173]. Ярким событием в отношении двух стран стал визит английского фантаста Г. Уэллса в июле 1934 г. Во время своего пребывания в СССР он беседовал с И. Сталиным, встречался с М. Горьким и М. М. Литвиновым [34, с. 176–177].

Имели место и обратные визиты. Англию в середине 30-х гг. посетили такие писатели, как А. Толстой и М. Шолохов, где они общались с представителями английской интеллигенции, литературных и художественных кругов Великобритании, выступили с докладами об основных тенденциях в развитии советской литературы [8, л. 33]. Так, А. Толстой прочитал несколько лекций о развитии литературы и драматургии в СССР в Кембриджском и Оксфордском университетах, Обществе британской драматической лиги, встретился с английскими писателями и членами Ассоциации русских переводчиков. На встрече обсуждались различные аспекты литературного сотрудничества Англии и Советского Союза [12, л. 32]. Кроме того, А. Толстой принял участие в Конгрессе мира и дружбы с СССР, проходившем в Лондоне в 1935 г., где выступил с докладом о советской культуре.

Во время пребывания в Великобритании М. Шолохова в полпредстве для него был организован вечер, на который были приглашены английские писатели и деятели культуры М. Майлсон, Р. Макалей, В. Притен, Г. Хэзлоп и другие [8, л. 33]. Кроме того, ОКС регулярно организовывало встречи английской общественности Лондона с советскими поэтами, в том числе с С. Кирсановым, А. Безыменским, И. Сельвинским [35, с. 59].

Англо-советское сотрудничество в области революционной литературы осуществлялось в рамках Международного объединения революционных писателей (МОРП), созданного при поддержке Коминтерна, а с 1935 г. Международной ассоциации писателей в защиту культуры. В начале 1930-х гг. в Великобритании был создан Интернационал писателей, который с 1934 г., по существу, являлся английской секцией вышеуказанных организаций. В ее работе активное участие принимали революционно настроенные писатели и публицисты, в том числе М. Слейтер, А. Уилльямс-Эллис, Д. Стрейчи, Р. Фокс, М. Дэвидсон [30, л. 1]. Печатным органом данной организации являлся журнал «Левт ревью», на страницах которого довольно часто появлялись произведения и советских авторов.

Необходимо отметить, что английская секция МОРП не имела большого влияния в среде литераторов Великобритании, даже революционных. Так, один из членов этой организации Г. Хезлоп в письме в Союз советских писателей (ССП) о положении английской секции МОРП отмечал, что такое объединение существует лишь формально [31, л. 26]. Однако, несмотря на это, английские революционные писатели в своем творчестве старались опираться на опыт советских и поддерживали с ними тесные связи.

В рамках литературного сотрудничества общественности двух стран в 1930-е гг. проходили мероприятия, посвященные классикам русской и английской литературы. Важным событием в Великобритании стал Пушкинский юбилей, посвященный 100-летию со дня смерти поэта, который отмечался 19 февраля 1937 г. В Лондоне в помещении Королевского общества искусств состоялся Пушкинский вечер. В библиотеке ОКС открылась выставка изданий произведений русского классика, подготовленная обществом совместно со Школой славянских языков. В Кембридже, Оксфорде, Манчестере и других городах Великобритании различными отделениями ОКС были организованы лекции, посвященные жизни и творчеству этого великого русского писателя. В Кембриджском театре 10 февраля был показан спектакль «Пиковая дама» [9, л. 12]. Пушкинский юбилей нашел отражение и в британской периодической печати. Так, в 1937 г. вышли номера журналов «Славоник Ревью» и «Англо-совет бюллетень», целиком посвященные жизни и деятельности классика. ПЕН клуб в Лондоне организовал Пушкинский обед.

Однако широкого распространения эти акции не получили. Английский искусствовед Х. Картер в своем письме в ССП отмечал, что, несмотря на усилия СССР по пропаганде русской и советской культуры в Англии, о А. С. Пушкине знали мало, и то малое ограничивалось славянскими кружками в университетах Кембриджа, Бирмингема, Лондона, а также славянскими и лингвистическими клубами и обществами [28, л. 112–113].

25 апреля 1939 г. в Лондоне состоялся организованный Обществом друзей СССР вечер, посвященный Т. Шевченко, на котором с докладом об этом писателе выступил романист, редактор журнала «Нью райтинг» Дж. Леманн. В своем письме в Инокомиссию ССП Дж. Леманн отмечал, что Т. Шевченко также мало известен английскому читателю. Это, с его точки зрения, являлось крайне несправедливым [33, л. 224].

Таким образом, можно утверждать, что интерес к русской классике был скорее академическим, нежели общественным. Кроме того, в Великобритании А. С. Пушкин и Т. Г. Шевченко воспринимались как представители скорее царской России, русской и украинской, а не советской культуры. Связь между СССР и этими писателями, впрочем, как и другими классиками русской культуры, рассматривалась как крайне условная.

Совсем иное отношение к классикам английской литературы наблюдалось в Советском Союзе, особенно это касалось В. Шекспира. В 1930-е гг. в СССР довольно широко изучалось творчество этого драматурга, к этому времени окончательно оформилось советское шекспироведение. В предвоенное десятилетие появилось много исследований, посвященных В. Шекспиру, в том числе работы А. А. Смирнова «Творчество В. Шекспира» (1934 г.), А. Аксенова «Гамлет» (1930 г.) и «Шекспир» (1937 г.), статьи С. Кржижановского и других. Наиболее активно в этой области работал М. М. Морозов. Его труды по изучению и комментированию текстов драматурга на английском языке составили особую и довольно существенную сторону советского шекспироведения. В 1937–1938 гг. под его редакцией вышло 4-томное издание сочинений В. Шекспира на английском языке, сыгравшее большую роль в популяризации в СССР творчества великого английского классика. В общем, необходимо отметить, что произведения В. Шекспира довольно активно издавались в Советском Союзе, причем они были переведены не только на русский, но и украинский, даже армянский, татарский, казахский, таджикский и другие языки народов СССР.

В 1939 г. в Советском Союзе был широко отмечен 375-летний юбилей со дня рождения В. Шекспира. Наряду с появлением ряда новых книг о драматурге и его произведениях, были проведены мероприятия, посвященные этой дате. Так, 24 апреля 1939 г. в Московской консерватории состоялся торжественный вечер, на котором с докладами о жизни и творчестве В. Шекспира выступили академики И. К. Луппол, М. М. Морозов и другие. Также готовилась конференция, посвященная вопросам переводов произведений В. Шекспира на русский язык, которая состоялась в 1940 г.

Изучение творчества английских писателей в СССР и советских писателей в Англии свидетельствует о существовании устойчивого интереса представителей этих стран к расширению литературного обмена. Причем такая заинтересованность проявлялась не только к классикам русской и английской литератур, но и произведениям современных тому времени авторов. Свидетельством этому является появление в 1930-е гг. в Великобритании разнообразных по жанрам

антологий советской литературы. К примеру, подобное издание под редакцией Дж. Ривей и М. Слонима вышло в английском издательстве Уилларт, оно дает развернутую панораму развития советской литературы начиная с 1917 г. Книга знакомила читателей с творчеством таких писателей, как Б. Пастернак, А. Фадеев, В. Катаев и других [27, л. 41].

Немаловажную роль в распространении информации о советской литературе играли русские эмигранты в Англии. Так, С. А. Коновалов издал в Великобритании «Антологию советской литературы», в которую вошли такие авторы, как А. Толстой, И. Бабель, В. Катаев, М. Зощенко и другие. Г. Струве активно работал над изучением советской литературы. На протяжении 1933–1934 гг. в «Славоник ревью» под рубрикой «Текущая русская литература» он регулярно публиковал очерки о советских писателях и их произведениях. В 1935 г. вышла его книга «Советская русская литература» [17, с. 27–28, 30].

Важная роль в развитии англо-советского сотрудничества отводилась и периодическим изданиям. Так, журнал «Интернациональная литература» активно освещал литературную жизнь Англии, знакомил советского читателя с новинками, вышедшими в Великобритании, давал свою оценку отдельным произведениям и целым литературным направлениям Англии. Более того, издание на своих страницах активно публиковало произведения британских авторов. С журналом были тесно связаны почти все писатели английской секции МОРП. Редакция «Интернациональной литературы» вела активную переписку с Кролиным Арчибальдом об издании в СССР романа «Звезды смотрят вниз», Джоном Леманном о его корреспонденции об английской литературной жизни, с Мальцем Альбертом и Альбертом А. Уолтером о сотрудничестве, с ПЭН клубом в Лондоне об обмене своими изданиями [21, л. 1–11, 22–25].

В Англии советскую литературную жизнь освещали газеты и журналы, связанные с Коммунистической партией Великобритании, обществами дружбы и культурной связи с Советским Союзом. Такими изданиями являлись журналы «Лефт ревью» и «Сторм», газеты «Раша тудей», «Дейли уоркер». Кроме того, Клуб левой книги издавал «Бюллетень левой книги» и систематически печатал литературные обзоры «СССР: месяц за месяцем». Необходимо отметить, что в подобное сотрудничество были вовлечены лишь революционные писатели и авторы, положительно относившиеся к преобразованиям, происходящим в Советском Союзе, что значительно ограничивало ценность таких контактов.

В то же время на страницах либеральных журналов, таких как «Нью стейтсмен энд нейшен», альманах «Нью райтинг», также печатались произведения советских писателей, таких как М. Шолохов, Н. Тихонов, Б. Пастернак и других. Например, «Нью стейтсмен энд нейшен» в номерах за сентябрь – октябрь 1932 г. опубликовал серию рассказов М. Зощенко, сопровождая их редакционной заметкой, в которой охарактеризовал этого автора как «Чехова времен НЭПа» [26, л. 17].

Наряду с появлением произведений русских и советских авторов в литературных журналах Великобритании они начинают выходить и отдельными изданиями, что свидетельствует об увеличении интереса к советской литературе. Еще в 1920-е гг. здесь были изданы «Двенадцать» А. Блока, «Неделя» Ю. Лебединского, «Сестры» А. Толстого, произведения М. Горького, А. Фадеева, Ф. Гладкова и других писателей [16, с. 67].

В 1930-е гг. делом издания советской книги наиболее активно занимались люди, близкие к компартии: В. Голландц, М. Лоуренс и другие. В издательстве В. Голландца вышли в свет «Восемнадцатый год» и «Петр I» А. Толстого, «Время вперед!» В. Катаева, «Черный консул» А. Виноградова. Кроме того, изданием художественных произведений русских и советских авторов занимались и такие издательства, как «Джон Лейн», «Рутлент», «Секкер и Барбург», «Мак-Миллан» [7, л. 64; 28, л. 41; 29, л. 124; 32, л. 256]. В 1935–1939 гг. в Великобритании вышли переводы произведений Ю. Каверина, И. Ильфа и Е. Петрова, Д. Фурманова, Н. Островского, А. Серафимовича, А. Виноградова, Б. Пастернака и других [16, с. 68]. О результатах этой деятельности свидетельсвует тот факт, что к 1938 г. только в Центральной лондонской библиотеке на английском языке было представлено 106 советских авторов. Большую роль в знакомстве английских читателей с советской литературой играла созданная при Обществе культурных связей с СССР ассоциация переводчиков русской литературы под руководством Стефана Гарии.

Значительный резонанс в Великобритании получила выставка советских книг, организованная «Ферст Эдимон Клубом» в конце ноября 1936 г. Важное место здесь отводилось художественной литературе, которая была представлена как классиками отечественной поэзии и прозы, такими как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, так и современными тому времени советскими писателями – М. Шолоховым, М. Горьким, А. Фадеевым и другими. Кроме того, значительное внимание привлекла коллекция детской литературы. Посетители выставки, среди которых было немало писателей, литературоведов, книгоиздателей и художников, подчеркивали особые успехи СССР в издании и оформлении детской книги. В целом выставка получила положительную оценку во многих средствах массовой информации Англии, в том числе в «Морнинг пост», «Ньюз Кроникл», «Манчестер Гардиан» [11, л. 105–106]. Общим моментом в отношении к советской литературе в различных кругах английского общества было признание огромной документальной ценности советской книги.

Вместе с тем произведения английских авторов издавались в СССР. По данным Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, с 1930 г. по май 1937 г. на русский язык было переведено около 270 произведений английских писателей, таких как В. Шекспир, Дж. Г. Байрон, Ч. Диккенс, М. Рид, Г. Уэллс, Д. Флетчер, Б. Шоу, В. Скотт, Р. Киплинг, Д. Свифт и другие [13, л. 110–123]. Тираж этих книг варьировался от 5 000 до 15 000 экземпляров [13, л. 110–123].

Таким образом, в динамике сотрудничества двух стран в области книгоиздания наблюдаются две тенденции: рост количества издаваемых русских и советских произведений, их значительный удельный вес в общем объеме публикуемой в Великобритании зарубежной литературы и гораздо меньший уровень выпуска книг английских писателей в СССР.

Определенную роль в пополнении советской коллекции произведениями английских писателей играл и книгообмен. Хотя следует подчеркнуть, что советские власти в этой сфере отдавали большее предпочтение научной, а не художественной литературе. Например, согласно отчету ВОКС за 1936 г. из отправленных в Англию 3738 книг и полученных 5444 художественная литература и книги по искусству составляли только около 3 % и 0,2 % соответственно[1].

Необходимо отметить, что не все издания доходили до советского читателя. Если в 1920-е – первой половине 1930-х гг. «пропуск» буржуазных книг, газет и журналов все же допускался (изымаемые цензурой иностранные издания составляли только около 15–20 %), то со второй половины предвоенного десятилетия, согласно приказу начальника Главлита от 10 января 1936 г. «Об изъятии из библиотек и книгохранилищ иностранной литературы, не подлежащей распространению в СССР», почти все иностранные газеты и большая часть журналов, независимо от содержания, переводились в спецхраны. Многие из них впоследствии уничтожались. Так, например, в 1938 г. было уничтожено около 870 журналов и 5450 газет на английском языке [1, с. 127]. Для того чтобы это не вызвало сильного негативного резонанса в кругах западной интеллигенции, определенные цензурные послабления делались для переводной литературы, даже демонстрировалось чересчур бережное отношение к некоторым таким произведениям. Так, несмотря на протесты Лондонского общества культурных связей с СССР, ВОКС постоянно пополнял его библиотеку новыми советскими изданиями В. Шекспира, Ч. Диккенса и других авторов [3, с. 267]. И хотя это делалось напоказ, однако производило сильное впечатление на западную интеллигенцию.

Важной формой сотрудничества являлись также контакты между работниками английских и советских библиотек. Так, при Лондонском ОКС работала библиотека, которая имела русский отдел. В 1936 г. он насчитывал около 2500 томов как на русском, так и английском языках. Среди них труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, собрание сочинений А. С. Пушкина в 5 томах, произведения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Куна и других русских и советских авторов [10, л. 165]. Книги для библиотеки присылались ВОКСом. Например, в 1936 г. была отправлена очередная коллекция советских книг в размере 120 наименований [14, л. 174–176].

Регулярный книгообмен производился и с другими английскими библиотеками. Так, по просьбе работников библиотеки им. В. Шекспира в Бирмингеме ВОКСом посылались произведения В. Шекспира, переведенные на армянский и татарский языки, что значительно дополнило шекспировскую коллекцию этой библиотеки [6, л. 37].

[1] Подсчитано по: ГАРФ. – Ф. 5283. Оп 10. Д. 899. Л. 25, 37, 49, 58.

Таким образом, англо-советский литературный обмен в 1930-е гг. не претерпевал значительного развития, несмотря на установки советского руководства, хотя необходимо отметить некоторое оживление в этой сфере в 1934–1936 гг. Это было связано в первую очередь с улучшением политических отношений двух стран и возросшим интересом английской интеллигенции к Советскому Союзу. Однако следует подчеркнуть, что такое потепление было временным и уже с 1937 г. можно наблюдать снижение интенсивности литературных связей. Во второй половине 1939 г. произошло резкое уменьшение количества подобных контактов. Например, оказалась полностью изолированной от литературной жизни Англии редакция журнала «Интернациональная литература».

Важно отметить, что данный процесс шел в общем русле сворачивания англо-советских культурных контактов. Мероприятия, проводимые в Великобритании в этот период и посвященные советской культуре, сократились и ограничивались теперь теми акциями, которые организовывались отделениями ОКС. Однако и их количество заметно снизилось. Если за июнь 1939 г. лондонским отделением общества было проведено 12 мероприятий, в том числе ряд выставок, лекций и приемов в советском посольстве, то за сентябрь и октябрь того же года – лишь 4, на которых присутствовали, как правило, только члены этого общества, а в ноябре и вовсе не было проведено ни одного мероприятия [15, л. 129–131].

Причиной столь резкого сворачивания англо-советских связей, на наш взгляд, явилось негативное отношение большей части английской интеллигенции к Советскому Союзу в этот период. В одном из документов ВОКС отмечалось, что с 1937 по 1941 г. была потеряна аудитория за рубежом, опираясь на которую СССР мог осуществлять международный культурный, в том числе и литературный обмен [5, л. 112]. Кроме того, антибританская направленность советской пропаганды в этот период также отрицательно влияла на развитие культурного обмена.

Заключение. В целом в 1930-е гг. процесс англо-советского культурного сотрудничества в области литературы характеризовался сложностью и противоречивостью, поскольку в его орбите оказались державы двух противоположных социально-политических систем. Восстановление англо-советских дипломатических отношений в 1929 г., активизация экономического сотрудничества, а также возросшее внимание английской интеллигенции к СССР способствовали расширению культурного обмена между этими странами. Однако наряду с указанными факторами существовали определенные сложности, в основном политического и идеологического порядка, которые также оказывали влияние на развитие англо-советских культурных контактов. Сложные политические взаимоотношения между Великобританией и СССР, неравномерность их развития, когда кратковременные периоды потепления сменялись такими же по продолжительности этапами конфронтации, негативно сказывались на процессе развития литературного обмена, определяя его скачкообразный характер. Кроме того, стремление использовать литературу, как впрочем и культуру в целом, для политической пропаганды снижало ценность такого обмена. Немаловажную роль играли и идеологические факторы. В условиях противоположных социально-политических систем и идеологий двух государств взгляды на проблемы общественного строя, которые находили отражение в литературе, нередко воспринимались другой стороной как чуждые, а иногда и опасные. В результате, с целью защиты от таких явлений правительствами Великобритании, и особенно СССР, создавались искусственные барьеры, которые также значительно ограничивали возможности такого сотрудничества.

В таких условиях англо-советский обмен в сфере литературы постепенно сужался, хотя, по сравнению с иными культурными сферами, все еще сохранял свою значимость. К началу Великой Отечественной войны культурные связи Великобритании и СССР, в том числе и литературные, были фактически свернуты.

Список использованных источников

1. Блюм, А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953 / А. В. Блюм. – СПб.: Гум. агентство «Акад. проект», 2000. – 311 с.

2. ВОКС в 30-е – 40-е гг. / Публикация А. В. Голубева и В. А. Невежина // Минувшее: исторический альманах. – М., СПб.: Athenem: Феникс, 1993. – Т. 14. – С. 313–364.

3. Голубев, А. В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) / А. В. Голубев // Россия и внешний мир: диалог культур: сб. ст.; редкол.: Ю. С. Борисов [и др.]. – М.: Издат. центр ИРИ РАН, 1997. – С. 259–271.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 14. Д. 86.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 10. Д. 896.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 191.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 587.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 725.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 740.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 761.

12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 886.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 889.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 1093.

15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 1119.

16. Жмаев, А. М. Советская литература в Англии (1917–1940) / А. М. Жмаев // XX Герценовские чтения. Филологические науки: материалы межвуз. конф., Ленинград, 13 апреля – 27 мая 1967 г. / Ленинградский пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1967. – С. 67–69.

17. Иоффе, А. Ф. О физике и физиках / А. Ф. Иоффе. – Л.: Наука, 1977. – 259 с.

18. Казнина, О. А. Русская литературная эмиграция в Англии (1920–1930-е гг.): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / О. А. Казнина; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – М., 1999. – 48 с.

19. Космач, Е. Н. Англо-советские научно-технические и культурные связи в 1917–1931 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. Н. Космач; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1984. – 210 с.

20. Майский, И. М. Б. Шоу и другие. Воспоминания / И. М. Майский. – М.: Искусство, 1967. – 206 с.

21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 576.

22. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 577.

23. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 580.

24. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 581.

25. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 583.

26. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 1а.

27. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 2.

28. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 179.

29. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 180.

30. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 1319.

31. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 1.

32. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 13. Д. 176.

33. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 13. Д. 259.

34. Уэллс Г. в России (1920 и 1934 гг.) // Иностранная литература. – 1956. – № 11. – С. 176–177.

35. Фокин, В. И Русско-британское общество культурного сближения (Друзья новой России) / В. И. Фокин // Великобритания: политика, экономика, история: сб. ст.; фак-т междунар. отношений С.-Петерб. гос. ун-та; редкол.: К. К. Худолей [и др.]. – СПб.: KN, 1995. – С. 54–61.

References

1. Blium, A. V. Soviet censorship in the era of total terror. 1929–1953. St. Petersburg, «Acad. project» Publ, 2000, – 320 p. (1. Blyum A. V. *Soviet censorship in the* e*ra of total terror. 1929–1953.* St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 320 p. (in Russian).

2. Golubev A. V., Nevezhin V. A. VOKS in the 1930–1940 years. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [Past: historical Almanac]. St. Petersburg, Athenem- Phoenix Publ., 1993, iss. 14, pp. 313–364 (in Russian).

3.Golubev A. V. The British intelligentsia and the "new civilization (from the history of Soviet cultural diplomacy of the 1930s). *Rossiya i vneshnii mir: dialog kul'tur: sb. st.* [Russia and the outside world: a dialogue of cultures: a collection of articles]. Moscow, Publishing Center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1997, pp. 259–271 (in Russian).

4. *State Archive of the Russian Federation*. F. 5283. Op. 1. D. 100 (in Russian).

5. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 14. D. 86 (in Russian).

6. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 10. D. 896 (in Russian).

7. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 3. D. 191 (in Russian).

8. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 3. D. 587 (in Russian).

9. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 3. D. 725 (in Russian).

10. *State Archive of the Russian Federation*. F. 5283. Op. 3. D. 740 (in Russian).

11. *State Archive of the Russian Federation*. F. 5283. Op. 3. D. 761 (in Russian).

12. *State Archive of the Russian Federation*. F. 5283. Op. 3. D. 886 (in Russian).

13. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 3. D. 889 (in Russian).

14. *State Archive of the Russian Federation.* F. 5283. Op. 3. D. 1093 (in Russian).

15. *State Archive of the Russian Federation*. F. 5283. Op. 3. D. 1119 (in Russian)
16. Zhmaev A. M. Soviet literature in England (1917–1940). *XX Gertsenovskie chteniya. Filologicheskie nauki: materialy mezhvuz. konf., Leningrad, 13 aprelya – 27 maya 1967 g.*[XX Herzen's readings. Philological sciences: materials of the interuniversity conference, Leningrad, 13 April – 27 May 1967]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute, pp. 67–69 (in Russian).
17. Ioffe A. F. *About physics and physics*. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 259 p. (in Russian).
18. Kaznina O. A. *Russian literary emigration in England (1920s – 1930s)*. Moscow, 1999. 48 p. (in Russian).
19. Kosmach E. N. *Anglo-Soviet scientific, technical and cultural ties in 1917–1931*. Minsk, Belarusian State University, 1984. 210 p. (in Russian).
20. Maiskii I. M. *B. Shaw and others. Memories.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1967. 206 p. (in Russian).
21. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 1397. Op. 1. D. 576 (in Russian).
22. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 1397. Op. 1. D. 577 (in Russian).
23. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 1397. Op. 1. D. 580 (in Russian).
24. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 1397. Op. 1. D. 581 (in Russian).
25. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 1397. Op. 1. D. 583 (in Russian).
26. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 631. Op. 14. D. 1A (in Russian).
27. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 631. Op. 14. D. 2 (in Russian).
28. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 631. Op. 14. D. 179 (in Russian).
29. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 631. Op. 14. D. 180 (in Russian).
30. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 631. Op. 14. D. 1319 (in Russian).
31. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 631. Op. 14. D. 1 (in Russian).
32. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 631. Op. 13. D. 176 (in Russian).
33. *Russian State Archive of Literature and Art.* F. 631. Op. 13. D. 259 (in Russian).
34. Gerbert Wells in. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 1956, no. 11, pp. 176–177 (in Russian).
35. Fokin V. I Russian-British society for cultural rapprochement (Friends of New Russia). *Velikobritaniya: politika, ekonomika, istoriya : sbornik* [Great Britain: policy, economy, history. Collection]. St. Petersburg, School of International Relations. Sainkt-Petersburg Stat University, 1995, pp. 54–61 (in Russian).

Информация об авторе

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь (ул. Московская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: izhilinskaya@mail.ru

Information about the author

Iryna V. Zhilinskaya – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus (17 Moskovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: izhilinskaya@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 930.2:27
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-196-205

Паступіў у рэдакцыю 08.12.2017
Received 08.12.2017

К. В. Сыцько

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ПАЛЯВЫЯ АРХЕАГРАФІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ: МЕТОДЫКА І АСАБЛІВАСЦІ ПРАВЯДЗЕННЯ

Аннотация. Всестороннее исследование конфессиональной истории Беларуси требует введения в научный оборот максимально широкого круга исторических источников. На примере деятельности Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси рассматриваются основные этапы и методика проведения полевых археографических экспедиций, направленных на пополнение источниковедческой базы по конфессиональной истории. На основании результатов полевых работ описываются места обнаружения уникальных документов; даётся характеристика основных факторов, которые повлияли на их сохранность; приводятся основные методы, позволяющие выявить данные исторические источники и ввести их в научное поле историка. Реконструируется исторический контекст хранения документных материалов в парафиях Римско-католического костёла в Беларуси. Результаты проведенных полевых работ свидетельствуют о том, что значительный комплекс исторических источников находится в парафиальных архивах и хранится согласно традиционной системе, существовавшей в римско-католическом делопроизводстве с конца XVI в. На основе выявленных в ходе археографической экспедиции документов и материалов в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси создана архивная коллекция 3С «Материалы полевых археографических экспедиций», которая содержит электронные копии исторических источников за XVI – середину XX в.

Ключевые слова: полевая археография, исторические источники, Римско-католический костёл, камеральная археография, архивная коллекция

Для цитирования. Сыцько, К. В. Палявыя археаграфічныя даследаванні: методыка і асаблівасці правядзення / К. В. Сыцько // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 196–205. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-196-205

K. W. Sytsko

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

METHOD AND FEATURES OF CONDUCTING FIELD ARCHEOGRAPHIC EXPEDITIONS (ON THE EXAMPLE OF HEURISTICS OF SOURCES ON THE HISTORY OF ROMAN CATHOLIC CHURCH)

Abstract. Comprehensive study of the confessional history of Belarus requires the implementation of the wide range of historical sources. In the article the main stages and methods of field archaeographic expeditions aimed at replenishing the source base for confessional history studies are taken into consideration on the example of the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus,. The locations of unique documents are described; the main factors that have affected their safety are characterised; the main methods that allow to identify these historical sources and introduce them into the scientific field are shown on the results of field work. The historical context of the preservation of documentary materials in the parishes of the Roman Catholic Church in Belarus is being reconstructed. The results of the field work show that a significant complex of historical sources is in the parish archives and is stored according to the traditional system that existed in the Roman Catholic tradition from the end of the XVIth century. Based on documents and materials discovered during the archaeological expedition, the archival collection 3C «Materials of field archaeographic expeditions» was created in the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus, containing electronic copies of historical sources for the XIVth-mid-XXth centuries.

Keywords: Field archeography, historical sources, The Roman Catholic Church, cameral archeography, archival collection

For citation. Sytsko K. W. Method and Features of Conducting Field Archeographic Expeditions (on the Example of Heuristics of Sources on the History of Roman Catholic Church). *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 196–205 (in Belarusian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-196-205

Уводзіны. Актыўная распрацоўка гісторыі хрысціянскай царквы ў Беларусі ў апошнія дзесяцігоддзі з'явілася вынікам дастаткова вялікай колькасці навуковых даследаванняў. Варта, аднак, заўважыць, што ў дадзенай галіне гістарычнай навукі існуюць т. зв. «белыя плямы», звязаныя з недастатковасцю крыніцазнаўчай базы па тых ці іншых пытаннях.

© Сыцько К. В., 2018

На думку шэрага даследчыкаў, недастатковасць крыніцазнаўчай базы звязана з войнамі, стыхійнымі бедствамі, ідэалагічнымі кампаніямі, адтокам крыніц за мяжу [1, с. 128], з дзейнасцю «чорных» збіральнікаў гістарычных крыніц (назва ўтворана па аналогіі з «чорнымі» археолагамі. – *К. С.*). Адзначаюцца таксама і масавыя страты гістарычных крыніц у часы Другой сусветнай вайны [2].

На погляд аўтара, прысутнічае неабходнасць удзяляць менш увагі кантэкстам, якія абумовілі страту гістарычных крыніц, і засяродзіцца на пытаннях пошуку як мага большай колькасці дакументаў і матэрыялаў, якія захаваліся на сённяшні дзень.

Асноўная частка. Адным са шляхоў вырашэння праблемы недастатковасці крыніцазнаўчай базы ў дадзеным выпадку з'яўляецца развіццё археаграфічнай экспедыцыйнай дзейнасці і правядзенне даследаванняў у галіне практычнага крыніцазнаўства, якое, акрамя пытанняў аналізу і крытыкі гістарычных крыніц, накіравана таксама на пытанні, звязаныя з эўрыстыкай дакументаў і матэрыялаў [3, с. 200–201], што шчыльна збліжае дадзеную дысцыпліну з палявой археаграфіяй.

Актуальнасць палявых археаграфічных даследаванняў абумоўлена тым, што ў крыніцазнаўстве называецца феноменам «дакументальнага калапсу» – моцнай сувяззю дакумента з месцам яго стварэння (калі гістарычная крыніца, якая пакінула месца свайго стварэння, абавязкова вяртаецца ў яго, можа быць знішчана ў ім і г. д.) [4, с. 66]. Пад гэтым феноменам можна разумець акт арганічнай уключанасці любой гістарычнай крыніцы ў працэсы дзейнасці ўстановы, якая яе стварыла і, як вынік – існаванне сістэмы, па-за якой дакументны матэрыял губляе сэнс свайго быцця. Любы гістарычны дакумент праходзіць некалькі фаз, сярод якіх абавязковымі з'яўляюцца фаза задумы дакумента з мэтай рэгулявання пэўных аперацый унутры арганізацыі; фаза стварэння тэксту, на якой з'яўляюцца пэўныя тэксталагічныя асаблівасці, якія робяць кожную гістарычную крыніцу ўнікальнай; фаза ўкаранення дакумента ў арганізацыі, а таксама фаза яго функцыянавання, якая заключаецца ў наяўнасці ў гістарычнай крыніцы пэўнага функцыянала [4, с. 31–33]. Пазней, са згубленнем функцыянала, гістарычная крыніца становіцца рэччу, абстрагаванай ад функцыі, сведчаннем аб сімулякратыўнай гістарычнай рэальнасці [6, с. 38–39]. Страта дакументам практычнага сэнсу прыводзіць да ўключанасці яго ў наступныя фазы існавання – знішчэнне (змена фізічнага стану) або змяшчэнне ў архіў (змена прававога стану). Пры гэтым варта заўважыць, што ў выніку пэўных фактараў, сярод якіх можна назваць архіўны этатызм, чалавечы фактар і інш., не ўсе дакументы трапляюць у дзяржаўныя архіўныя ўстановы. Як вынік, шэраг з іх застаецца на руках у прыватных асоб або ва ўстанове-стваральніку.

Напрыканцы XIX ст. М. П. Строеў, адзін з пачынальнікаў комплексных палявых прац па зборы пісьмовай спадчыны, сведчыў аб тым, што ў манастырскіх дрэўлесховішчах праваслаўнай царквы, а таксама на руках у старавераў Расійскай імперыі засталіся каштоўныя гістарычныя крыніцы. Дзейнасць М. П. Строева па зборы і камеральным апісанні дакументых матэрыялаў атрымала свой працяг у стварэнні шматлікіх археаграфічных камісій. Так, у 1864 г. была створана Віленская археаграфічная камісія, мэтай якой з'яўляліся актыўны збор і публікацыя дакументаў па гісторыі тагачасных беларуска-літоўскіх губерняў [6, с. 27].

Актыўныя даследаванні, прысвечаныя ўсім хрысціянскім канфесіям, праводзіліся таксама ў савецкі перыяд на саюзным узроўні і былі звязаны з часопісам «Археаграфічны штогоднік» і такімі імёнамі, як С. Н. Валк, С. О. Шмідт, М. М. Ціхаміраў і інш. [7, с. 85]. Палявая археаграфічная традыцыя, адметнай асаблівасцю якой было функцыянаванне пры інстытутах Акадэміі навук СССР археаграфічных лабараторый, атрымала свой працяг у Расійскай Федэрацыі. Сярод вядучых спецыялістаў можна назваць І. В. Пазднееву, І. В. Пачынскую, С. А. Белабародава і шмат іншых.

Варта адзначыць, што для сучаснай расійскай гуманітарнай навукі выключная важнасць археаграфічнай дзейнасці з'яўляецца бясспрэчнай. Так, С. М. Каштанаў, адзін з найбольш уплывовых савецкіх і расійскіх крыніцазнаўцаў, падкрэслівае значнасць палявой эўрыстыкі ў працэсах увядзення ў навуковае поле даследчыка крыніц, доступ да якіх абмежаваны па шэрагу прычын [8, с. 13–14].

У савецкай Беларусі археаграфічныя вышуканні з'яўляліся спарадычнай з'явай і адзінкавыя экспедыцыі адбываліся толькі ў 1920-я гг., пазней палявая дзейнасць была прыпынена з-за недахопу сродкаў. Сярод тых, хто займаўся арганізацыяй дадзенага віду прац, – К. Ю. Шкільтэр [9, с. 5–6],

М. В. Мялешка [10, с. 15] і інш. На жаль, дадзеныя навукоўцы не пакінулі пасля сябе грунтоўных прац, якія раскрылі б асноўныя метады іх даследаванняў. Вынікам дзейнасці названых вышэй асоб стала паступленне ў Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі шэрага спраў сярэдзіны XVIII – канца XIX ст. Так, на сённяшні дзень на захаванні знаходзяцца дакументы Выдрэйскай Латкалоніі за 1883–1893 гг. [11], арыгінал інвентару маёнтка Скрыгалаў у Мазырскім павеце за 1740 г. [12] і шмат інш.

У сучасны перыяд працы падобнага характару наогул не праводзіліся і прыток «новых» гістарычных крыніц адбываўся, як правіла, або з дапамогай працы ў замежных архівах, або з дапамогай спарадычных знаходак у кляштарах і касцёлах. Так, Дз. В. Лісейчыкаў апісваў выпадковыя знаходкі дакументальных помнікаў у в. Вішнёва [13] і шэрага населеных пунктаў на Палессі [14]. Варта адзначыць, што ўказаны вышэй аўтар падкрэсліваў, што ў прыватных асоб, а таксама ў шэрагу цэркваў і касцёлаў могуць знаходзіцца каштоўныя гістарычныя крыніцы [15, с. 97].

З мэтай выяўлення дадзеных крыніц, а таксама ўвядзення іх у навуковы ўжытак з 2015 г. у Цэнтральным навуковым архіве Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, які з'яўляецца структурнай адзінкай Інстытута гісторыі НАН Беларусі, пачалі ладзіцца комплексныя археаграфічныя экспедыцыі. Варта адзначыць, што фактычная адсутнасць палявых прац прывяла да таго, што да гэтага часу не выпрацавана айчынная методыка збору гістарычных матэрыялаў. У дадзеным артыкуле аўтар прапануе ўласныя метады выяўлення і збору дакументаў, выкарыстаныя ім падчас экспедыцый па Гродзенскім і Віцебскім Дыяцэзах, а таксама па Мінска-Магілёўскім архідыяцэзу ў 2015–2017 гг.

Даследуючы гісторыю Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі, варта памятаць аб тым, што аб'ект даследавання з'яўляецца традыцыяналісцкай структурай з трывалымі выпрацаванымі нормамі і правіламі. Адзначаныя вышэй нормы і правілы, якія рэгламентуюць арганізацыю душпастырскай, гаспадарчай і іншай дзейнасці, знайшлі сваё адлюстраванне і ў адносінах касцёла да ўласных архіваў. Так, у параграфе 3 Канона 491 Кодэкса кананічнага права ў рэдакцыі 1983 г. [16, с. 219] адзначаецца, што жадаючыя працаваць з дакументамі парафіяльных архіваў абавязаны карыстацца нормамі, устаноўленымі мясцовым біскупам, а параграф 5 Канона 535 указвае на вяршэнства партыкулярнага права ва ўсіх пытаннях, якія датычаць гістарычных крыніц мясцовага касцёла [16, с. 240]. Такім чынам, адзіным магчымым шляхам працы з названымі вышэй матэрыяламі з'яўляецца атрыманне персанальных дазволаў у дыяцэзіяльнага біскупа. Пры гэтым нельга не адзначыць той факт, што выяўленне і каталагізацыя дакументаў у парафіях не рабіліся, таму дакладнага спісу дакументных помнікаў не існуе. Фактычна гэта абазначае, што выяўленне крыніц праводзіцца «ў сляпую».

Для аналізу заканамернасцей у працэсах захаванасці гістарычных крыніц, а таксама з мэтай устанаўлення ўзроўню рэпрэзентатыўнасці палявых даследаванняў усе парафіі Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі былі падзелены на тры вялікія ўзаемавыключальныя кластары: парафіі, якія функцыянавалі ў савецкі перыяд; парафіі, якія закрываліся ў савецкі перыяд; парафіі, створаныя ў постсавецкі перыяд. У ходзе даследавання з дапамогай метаду кластарнай выбаркі ўстаноўлена, што з вялікай доляй верагоднасці (да 90 %) парафіі, касцёльныя будынкі якіх не былі канфіскаваныя ці знішчаныя ў савецкі перыяд, захавалі гістарычныя дакументы за XVI–XX стст. Таксама адзначаецца спарадычная захаванасць крыніц у парафіях, будынкі якіх канфіскоўваліся [17, с. 215–219].

У выніку правядзення выязных прац устаноўлена, што самымі буйнымі з'яўляюцца дакументныя зборы ў парафіях Поразава, Ішчална, Белагруда, Жырмуны, Гродна (Маці Божай Анёльскай, пафранцысканская), Канвелішкі, Ліда (Уздвіжання Святога Крыжа), Нача, Рось, Селіванаўцы, Ваўкалата, Вішнёва, Нясвіж, Паланэчка, Ішкалдзь, Шарашова, Бяроза і інш. Кожны з касцёлаў назапасіў падобныя віды гістарычных крыніц, якія раўнамерна ахопліваюць перыяд канца XVI – канца XX ст. Колькасць спраў – ад 30 да 250 адзінак у кожным.

Шэраг парафій з гэтай групы ў сваю чаргу мае фрагментарна захаваныя архівы. Так, у парафіі Воўпа маюцца рэгістры братоў і сёстраў брацтва Ружанца за 1789 г., шэраг візітаў парафіі біскупам Р. Ялбжыкоўскім за 1930–1939 гг., інвентары за 1884, 1887, 1934 гг., кнігі Веліканочных споведзяў за 1843 г., кнігі хрышчэнняў за 1801–1827 гг., алфавітны рэестр асоб, ахрышчаных

у перыяд 1764–1849 гг. У парафіі Струбніца захаваліся фрагменты візітаў за 1820–1880 гг., кнігі перадшлюбных экзаменаў за 1893–1919 гг. У Ляцкай парафіі – інвентар за 1936 г., спіс парафіян за 1909 г.; у Зяневічах – парафіяльныя спісы за 1925 г., у Лабно – капулятыўныя метрычныя кнігі за 1943–1949 гг., у Гарадзеі – справа аб пабудове касцёла за 1934–1939 гг. з унікальнымі акварэльнымі выявамі касцёла, зробленымі вядомым віленскім архітэктарам Янам Бароўскім; у Навагрудскай Фары – мноства матэрыялаў, датычных шлюбаў за 1931–1939 гг., у Камаях – мноства ўваходных папер за 1921–1939 гг., а таксама 5 тамоў касцёльнай хронікі і ўспамінаў мясцовых жыхароў і г. д. Падобная сітуацыя склалася таксама ў парафіях Правыя Масты, Адамавічы, Мікелеўшчына, Ваўкавыску (Св. Станіслава Косткі), Навагрудку (Св. Міхала Арханёла), Жалудку, Бярозаўцы, Шчучыне, Крупе, Мінойтах, Мсцібаве, Варанянах, Германішках, Ваверцы, Шылавічах, Ліпнішках, Гожы, Эйсымантах, Слоніме, Раготне, Глыбокім, Канстанцінаве, Удзеле і шмат інш. Агульная колькасць крыніц у кожнай асобна ўзятай парафіі ў дадзеным выпадку складае ад 1 да 10 адзінак.

Шэраг матэрыялаў быў выяўлены на руках у мясцовых жыхароў. Так, адметным з'яўляецца асобнік Святога Пісання 1888 г. выдання, знойдзены падчас інтэрв'юіравання парафіян касцёла Уздвіжання Святога Крыжа на гарышчы аднапавярховага жылога будынка ў г. Ліда. Шэраг аркушаў з гэтай кнігі выкарыстоўваўся як прыватны дзённік, што робіць яе яшчэ больш каштоўнай крыніцай. Так, знойдзены запісы неўстаноўленай асобы, датаваныя 1951 г., аб арышце і асуджэнні на 25 гадоў высылкі бацькі дадзенага чалавека, які быў мясцовым кавалём [18, с. 160].

Такім чынам, першым этапам палявой археаграфічнай працы ў дачыненні да дакументаў Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі з'яўляецца атрыманне дазволаў мясцовых біскупаў; выяўленне месцаў, у якіх патэнцыяльна могуць знаходзіцца гістарычныя крыніцы, і выяздное абследаванне парафій для аналізу колькасных паказчыкаў і стану названых вышэй дакументаў.

Па выніках правядзення ўзгаданых вышэй прац можна казаць аб тым, што дастаткова значная частка крыніц па гісторыі Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі захавалася ў парафіях, якія функцыянавалі ў савецкі перыяд. Спарадычна гістарычныя крыніцы захаваліся ў парафіях, якія закрываліся, а таксама ў мясцовых жыхароў.

Устаноўлена, што выяўленыя дакументакомплексы маюць неаднародныя якасна-колькасныя паказчыкі. Прааналізаваць прычыны такой неаднароднасці дапамагае даследаванне гісторыі парафій, якое з'яўляецца наступным этапам палявых археаграфічных прац. Даследаванне гісторыі парафій, акрамя аналізу тэкстаў інвентароў, візітаў і іншых гістарычных крыніц, патрабуе шырокага прымянення такога міждысцыплінарнага метаду, як інтэрв'юіраванне і вядзенне дзённікаў археаграфічнай палявой экспедыцыі. Інтэрв'ю ў сукупнасці з запісам візуальных аглядаў касцёльных і плябаніяльных будынкаў, ацэнкі стану захаванасці носьбітаў інфармацыі і г. д. дазваляюць канструяваць лёс гістарычных дакументаў. Нельга не адзначыць, што шэраг выяўленых у Рымска-каталіцкіх парафіях крыніц з'яўляецца ўнікальным. Інтэрв'юіраванне дазваляе ўстанавіць умовы, у якіх і дзякуючы якім гэтыя дакументы былі створаны. Так, у парафіі Св. Яна Хрысціцеля ў аг. Валкалата быў знойдзены неатрыбутаваны дзённік з подпісам «Zapisy leczyć. Recepty». Старэйшыя з жывучых парафіян далі звесткі аб тым, што адзін з мясцовых пробашчаў, кс. Рамуальд Дроніч, у 1930-я гг. займаўся запісамі рэцэптаў і сам ствараў лекі на аснове траў. Аналіз почырку і параўнанне яго з почыркам шэрага атрыбутаваных крыніц указанага перыяду пацвердзілі тое, што дадзены дзённік належаў кс. Р. Дронічу [19].

Да ўнікальных крыніц можна аднесці таксама справы мясцовых камітэтаў па культавым будаўніцтве часоў II Рэчы Паспалітай. Так, была выяўлена справа аб пабудове касцёла ў Гарадзеі ў канцы 1930-х гг. У тэчцы змяшчаецца некалькі невядомых акварэляў з выявамі неіснуючага на той момант будынка. Параўнанне аўтографа «J. B.» з аўтографамі мастакоў і архітэктараў указанага перыяду, а таксама параўнанне выявы з вядомымі выявамі касцёлаў дазволіла вызначыць, што дадзеныя малюнкі з'яўляюцца невядомымі раней творамі знакамітага польскага архітэктара Яна Бароўскага (1890–1951 гг.) [20].

Мал. 1. Невядомы раней акварэльны малюнак архітэктара Яна Бароўскага, знойдзены падчас археаграфічных экспедыцый

Fig. 1. Unknown earlier watercolor drawning of architect Jan Borowski, discovered during archeographic expedition

Інтэрв'юіраванне і апытанні дазваляюць устанавіць прычыны страты дакументных помнікаў. Так, сведчанні мясцовых жыхароў аб пажары ў плябаніі парафіі Найсвяцейшай Тройцы ў в. Струбніца ў 1990-я гг. у сукупнасці з візуальным аглядам нешматлікіх захаваных дакументаў парафіяльнага архіва, пашкоджаных агнём, указваюць на тое, што гістарычныя крыніцы на момант пажару знаходзіліся ў плябаніі і былі часткова знішчаны [21].

Яшчэ адным шляхам страты дакументнай спадчыны з'яўляецца такі чыннік, як раздача святарамі ў савецкі перыяд (з мэтай пазбегнуць канфіскацыі. – *К. С.*) гістарычных крыніц мясцовым жыхарам, у якіх яны гінулі праз неналежнае захаванне ці проста не былі вернутыя ў касцёл. Так, ксёндз парафіі Св. Яна Хрысціцеля ў в. Масты Правыя сведчыў аб тым, што напачатку 1990-х гг. мясцовыя жыхары вярталі ў касцёл парэшткі архіва. На сённяшні дзень у касцельным архіве з усяго магчымага комплексу дакументаў захаваліся толькі перадшлюбныя пратаколы за 1917–1921 гг. Аб падобным засведчыла ў інтэрв'ю жыхарка г. Шчучын Г. С. (імя і прозвішча не называюцца па просьбе інтэрв'юіраванай. – *К. С.*) у адносінах да парафіі Св. Тэрэзы Авільскай [22]. У 1988 г., калі касцёл быў аддадзены вернікам, дакументы і матэрыялы вярнуліся ў яго. Аб аналагічным выпадку ў парафіі Найсвяцейшага Сэрца Езуса ў в. Сейлавічы сведчыў краязнаўца С. С. Суднік [23].

Чыннікам страты дакументнай спадчыны, блізкім да папярэдняга, з'яўляецца таксама дзейнасць «чорных» археографаў. Так, у 1928 г. сябры Цэнтральнага бюро краязнаўства У. Мікіцкі, Р. Пяцэвіч, П. Ажэўскі, якія ладзілі этнаграфічную экспедыцыю па Случчыне, сведчылі аб тым, што, паводле слоў святара парафіі Князь-Ваверская, частка гістарычных дакументаў і старадрукаваных кніг, якія знаходзіліся ў касцёле, была вывезена ў невядомым кірунку старшынёй Дзякавіцкага валаснога выканаўчага камітэта Шапірам (ініцыялы не ўстаноўлены. – *К. С.*) [24, с. 31]. На сённяшні дзень лёс гэтых крыніц невядомы. Вядома таксама аб існаванні няпэўных археаграфічных экспедыцый, якія з'явіліся пасля аб'яднання Заходняй Беларусі з БССР у верасні 1939 г. і спрыялі адтоку гістарычных дакументаў за межы краіны [25, с. 120]. Дадзеныя гістарычныя крыніцы трапілі ў прыватныя калекцыі і на сённяшні момант вядуцца працы па іх рэстытуцыі. Так, у 2012 г. у Беларусь з прыватнай калекцыі была вернута адна з метрычных кніг парафіі Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішкалдзь [26].

Шэраг гістарычных крыніц з т. зв. ордэнскіх парафій (якімі апекаваліся ордэны і кангрэгацыі або святары якіх з'яўляліся братамі пэўных ордэнаў) быў вывезены на захаванне ў Літву і Польшчу ў правінцыяльныя архівы. У прыватнасці, францысканцы і дамініканцы масава эвакуіравалі свае дакументныя зборы ў Кракаў. Як вынік – вялікая колькасць крыніц па гісторыі ордэнаў і кангрэгацый у Беларусі на сённяшні дзень знаходзіцца ў правінцыяльных архівах [1, с. 127–128].

Яшчэ адным чыннікам страты дакументаў парафіяльных архіваў з'яўляецца канфіскацыя шэрага крыніц дзяржаўнымі архівамі і органамі ЗАГС у адпаведнасці з Цыркулярам НКУС ад 18 лістапада 1919 г. Савецкую ўладу, у прыватнасці, цікавілі метрычныя кнігі і дакументы, датычныя да іх, – перадшлюбныя экзамены, рэвізскія казкі, пасямейныя спісы і г. д. [27, с. 57]. У Заходняй Беларусі, якая ўваходзіла ў склад II Рэчы Паспалітай да верасня 1939 г., мерапрыемствы па канфіскацыі гістарычных крыніц праводзіліся толькі пасля далучэння гэтых тэрыторый да БССР у 1940–1960-я гг. Напрыклад, метрычныя кнігі парафіі Белагруда, у выніку канфіскацыі ў 1960-я гг., знаходзяцца на захаванні ў Дзяржаўным гістарычным архіве ў г. Гродне, аднак у самой парафіі захаваліся інвентары за 1710–1939 гг., візіты за аналагічны перыяд, кнігі карэспандэнцыі, бежмаванняў, ноты, кнігі перадшлюбных іспытаў, спісы парафіян і г. д. Аналагічны факт канфіскацыі метрычных кніг дакладна ўсталяваны ў Ваўкавыску ў 1940 г. [28, с. 190] і шмат дзе інш. Звартае на сябе ўвагу нешматлікасць гістарычных дакументаў у фондах парафіяльных касцёлаў. Так, з парафіі Вярэйкі ў НГАБ у Гродне трапіла 5 спраў [29], Свір – 3 справы [30], Косава – 15 спраў [31], Вялікую Бераставіцу – 2 справы [32] і шмат інш. Пры гэтым нельга не адзначыць, што парафіі, канфіскацыя дакументаў у якіх не праводзілася, захоўваюць дакументальныя масівы колькасцю 150–250 адзінак захавання. Гэта дазваляе казаць аб знішчэнні гістарычных крыніц у дзяржаўных архівах у савецкі час.

Галоўным фактарам страты дакументаў з'яўляецца іх неналежнае захаванне. Так, паводле інвентароў шматлікіх парафій можна ўстанавіць, што мясцовыя святары захоўвалі гістарычныя крыніцы, пачынаючы з канца XVI ст., двума шляхамі – у плябаніяльнай канцылярыі ў шафах, перашытыя і пранумараваныя паводле храналагічнага прынцыпу, як тое было, напрыклад, у Ішчалне, Ішкалдзі, Лядску [33, арк. 7] і шмат інш., або на касцёльным гарышчы, у адмысловых куфрах з перфарыраванымі сценкамі. У дадзеным выпадку дакументы перасыпаліся атрутнымі сродкамі з мэтай недапушчэння знішчэння паперы грызунамі. Падобным метадам захавання гістарычных дакументаў карысталіся ў Лідскім Фарным касцёле, Воўпе, Валкалаце [34, арк. 5] і шмат інш. Трэба адзначыць, што на дадзены момант у парафіях існуе сістэма захавання крыніц, падобная на тую, якая існавала ад канца XVI ст.

Шэраг матэрыялаў захоўваўся ў мяхах ці наогул у россыпу без прымянення сродкаў, якія прадухіляюць знішчэнне дакументаў ад вільгаці і сонечнага святла. Напрыклад, гістарычныя крыніцы касцёла Св. Міхала Арханёла ў Навагрудку на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў знаходзіліся на гарышчы культавага будынка, які залівала вадой, як вынік – пры абследаванні архіва прыйшлося канстатаваць поўную страту матэрыялу. Гістарычныя крыніцы Жырмунскага касцёла таксама знаходзіліся на гарышчы будынка і былі падтопленыя вадой, аднак іх удалося выратаваць і высушыць.

Мал. 2. Знаходка гістарычных крыніц на гарышчы ў парафіі Св. Яна Хрысціцеля ў аг. Валкалата
Fig. 2. Finding historical sources in the attic in the parich of St. John Baptist in the village Volkolata

Усе названыя вышэй фактары ўплыву на стан дакументных матэрыялаў ствараюць іх прадметны асяродак, аналіз якога дазваляе планаваць у доўгатэрміновай перспектыве тыя аперацыі і тэрміны іх прымянення, якія неабходна праводзіць у адносінах да дакументаў тых ці іншых парафіяльных архіваў.

Кажучы аб археаграфічнай працы, датычнай культавага дакумента, варта памятаць, што названыя вышэй гістарычныя крыніцы створаны ў працэсах дзейнасці ўстановы, якая на сённяшні момант функцыянуе, таму з'яўляюцца яе непасрэднай уласнасцю. Варта адзначыць, што пытанні ўласнасці ў адносінах да гістарычных дакументаў канфесійных устаноў у Рэспубліцы Беларусь не ўрэгуляваны належным чынам. У сваю чаргу многія даследчыкі лічаць, што ўсе такія гістарычныя крыніцы з'яўляюцца ўласнасцю хрысціянскай царквы [15, с. 98]. Падобныя пытанні неаднаразова ўзнімаліся і ў расійскім археаграфічным асяродку і да гэтага моманту застаюцца спрэчнымі [35, арк. 17–22].

Аптымальным у дадзеным выпадку рашэннем з'яўляецца перавод гістарычных крыніц у электронны фармат і іх капіраванне на прылады захавання інфармацыі, прычым арыгінал дакумента застаецца ў парафіі. Пры гэтым варта адзначыць, што капіраванне дакументаў можа суправаджацца пашкоджаннямі пераплёту, адставаннем вокладкі, выпадзеннем аркушаў, разрывам прашывачных нітак. Працэсы сканіравання і капіравання адмоўна ўплываюць на папяровы носьбіт інфармацыі і могуць пагоршыць яго фізічны стан. У той жа час аднаразовае сканіраванне з дапамогай планшэтных сканераў на стан тэксту (выцвітанне атраманту, ломкасць паперы і інш.) не ўплывае [36].

У сувязі з прыведзеным вышэй, гістарычныя крыніцы, сабраныя падчас археаграфічных экспедыцый, варта пераводзіць у электронны фармат двума магчымымі метадамі: там, дзе не існуе пагрозы механічнага пашкоджання, – з дапамогай кніжных і планшэтных сканераў; там, дзе маюцца пагрозы страты тэксту, разрыву аркушаў і інш., – з дапамогай прафесійных фотаапаратаў.

Наступным, не менш значным этапам археаграфічнага даследавання з'яўляецца камеральнае апісанне і ўпарадкаванне сабранага ў даследчыцкім полі матэрыялу (т. зв. RAW). Камеральны метад, маючы інтэрсуб'ектыўную прыроду, накіраваны перадусім на стварэнне з «сырога» матэрыялу пэўнай сістэмы, якая дае агульнае ўражанне аб прадмеце даследчыцкага інтарэсу. Акрамя апісання саміх гістарычных крыніц, якія знаходзяцца ў касцёлах, паўстае пытанне апісання неструктураванай кантэкстнай інфармацыі, прыкладам якой з'яўляюцца запісы інтэрв'ю і ўзгадак мясцовых жыхароў, гістарычных звестак аб парафіях, традыцыйнай кангрэгацыйнай прыналежнасці мясцовых святароў і г. д. [7, с. 87].

Вынікам падобнай археаграфічнай дзейнасці і правядзення ўсіх названых вышэй этапаў даследавання, аналізу і апісання гістарычных крыніц стала стварэнне ў Цэнтральным навуковым архіве Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі архіўнай калекцыі № 3С «Материалы полевых археографических экспедиций», у якой на сённяшні момант знаходзіцца каля 700 адзінак захавання ў электронным фармаце. Храналагічна дадзеныя дакументы ахопліваюць перыяд з канца XVI па сярэдзіну XX ст.

Высновы. Такім чынам, дастаткова буйны комплекс крыніц па гісторыі Рымска-каталіцкага касцёла ў Беларусі знаходзіцца на дадзены момант у парафіях, а таксама ў мясцовага насельніцтва. Вырашэннем пытанняў выяўлення і збору указаных дакументаў з'яўляюцца палявыя археаграфічныя працы. Дадзены від даследаванняў арганізуецца ў некалькі этапаў, сярод якіх – атрыманне дазволаў дыяцэзіяльнай адміністрацыі; выяўленне месцаў патэнцыяльнага знаходжання гістарычных крыніц; выезд у парафію для аналізу стану захаванасці і колькасных паказчыкаў выяўленых дакументаў; аналіз фактараў, якія ўплывалі на іх захаванасць; стварэнне электронных копій; апрацоўка і камеральнае апісанне знаходкі. Палявыя археаграфічныя экспедыцыі дазваляюць значна пашырыць крыніцазнаўчую базу па канфесійнай гісторыі, што дазваляе больш эфектыўна даследаваць канструкты, датычныя рэлігійных фактараў, якія паўплывалі на гістарычнае развіццё Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Зянюк, Р. У. Каталіцкая адукацыя на беларуска-літоўскіх землях у канцы XVIII – пачатку XX (па матэрыялах архіваў манаскіх ордэнаў і кангрэгацый Польшчы) / Р. У. Зянюк // Архівы і Справаводства. – 2011. – № 2. – С. 127–135.

2. Щеглов, А. А. Обирать или просвещать? (материалы дискуссии на страницах журнала «Златоструй» в 1990–1992 гг.) / А. А. Щеглов // Библиотека Староверия [Электронный ресурс]. – 1990. – Режим доступа: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/179–1–0–821. – Дата доступа: 01.10.2017.

3. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь; отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.

4. Козлов, В. П. Основы теоретической и прикладной археографии / В. П. Козлов. – М.: РОССПЭН, 2008. – 224 с.

5. Сыцько, К. В. Канфесійныя архівы ў «пострэлігійную» эпоху / К. В. Сыцько // Архіварыус. – 2016. – Вып. 14. – С. 34–43.

6. Батракова, М. П. Віленская археаграфічная камісія / М. П. Батракова // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1978. – № 1. – С. 27–29.

7. Дутчак, Е. Е. Полевая археография вчера, сегодня и завтра: размышления о новых публикациях Московского университета / Е. Е. Дутчак // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2015. – № 396. – С. 85–90.

8. Каштанов, С. М. Об археографической комиссии / С. М. Каштанов // Археографический ежегодник. – 2006. – б/н. – С. 13–16.

9. Шкільтэр, К. Ю. Латыскія колёніі на Беларусі: гістарычнае развіццё латыскіх сялянскіх гаспадарак / К. Ю. Шкільтэр. – Мінск: Латыскі сектар Беларускай Акадэміі навук, 1931. – 274 с.

10. Мялешка, М. В. Краязнаўства і архівы Беларусі / М. В. Мялешка // Наш Край. – 1927. – № 11. – С. 14–17.

11. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 6.

12. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 17.

13. Лісейчыкаў, Д. В. Сенсацыйная знаходка ў мурах Вішнеўскага касцёла / Д. В. Лісейчыкаў // Архивы и делопроизводство. – 2015. – № 5. – С. 67–71.

14. Лісейчыкаў, Д. В. Архіўныя багацці скірмунтаўскага Парэчча / Д. Лісейчыкаў // Архивы и делопроизводство. – 2014. – № 3. – С. 59–62.

15. Лісейчыкаў, Д. В. Архівісты ўпершыню вызначылі сапраўднасць і апісалі дакументы архіва праваслаўнага храма / Д. В. Лісейчыкаў // Архивы и делопроизводство. – 2014. – № 1. – С. 97–104.

16. Кодекс канонического права: утв. в апостольской конституции Папы Римского Иоана Павла II «Sacrae disciplinae leges» в 1983 г. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 624 с.

17. Сыцько, К. В. Асаблівасці палявой эўрыстыкі дакументальных помнікаў па гісторыі Рымска-каталіцкіх парафій у Беларусі / К. В. Сыцько // 500 гадоў беларускага кнігадрукавання. Ч. 1.: матэрыялы Міжнар. кангр., Мінск, 14–15 верасня 2017 г. / Нац. б-ка Беларусі; склад.: А. А. Суша. – Мінск, 2017. – С. 215–219.

18. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 11.

19. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 12. Спр. 1.

20. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 13. Спр. 1.

21. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 14. Спр. 9.

22. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 3. Спр. 4.

23. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 12.

24. Мікіцкі, У. Падарожжы па Случчыне / П. Ажэўскі, Р. Пяцэвіч, У. Мікіцкі // Наш край. – 1928. – № 2 (29). – С. 24–44.

25. Шумейко, М. Ф. Сентябрь 1939 г. в судьбе белорусских архивов / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. – 2009. – № 5. – С. 113–121.

26. Інфармацыя аб перадачы на захаванне ў НГА Беларусі метрычнай кнігі // Афіцыйны сайт дзяржаўнай установы «Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://niab.by/news/2012/. – Дата доступу: 23.10.2017.

27. Елпатьевский, А. В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР / А. В. Елпатьевский // Актовое источниковедение: Сб. ст. / Ин-т истории СССР; редкол.: С. М. Каштанов (отв. ред.) [и др.]. – М., 1979. – С. 55–59.

28. Быховцев, Н. И. Первые Советы. – Рига: Ин-т белорусской истории и культуры, 2012. – 368 с.

29. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (НГАБГр.). – Ф. 297. Воп. 1. Спр. 1–5.

30. НГАБГр. – Ф. 438. Воп. 1. Спр. 1–3.

31. НГАБГр. – Ф. 486. Воп. 1. Спр. 1–16.

32. НГАБГр. – Ф. 717. Воп. 1. Спр. 1–2.

33. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 15. Спр. 1.

34. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 12. Спр. 14.

35. Козлов, В. П. Современные реалии археографической деятельности в России / В. П. Козлов // Археографический ежегодник. – 2006. – б/н. – С. 17–22.

36. Михеенок, Т. С. Влияние копировально-множительной техники на сохранность архивных документов / Т. С. Михеенок // Афіцыйны сайт дзяржаўнай установы «Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://niab.by/stat/cop_doc/. – Дата доступу: 29.10.2017.

References

1. Zyanyuk R. U. Catholic education at the Belarusian-Lithuanian lands in the late XVIII– early XX (based on the archives of religious orders and congregations in Poland). *Arkhivy i Spravavodstva* [Archives and Records Management], 2011, no 2, pp. 127–135 (in Belarusian).

2. Scheglov A. A. To take away or enlighten? (Materials of the discussion on the pages of the magazine «Zlatostruy» in 1990–1992). *Old Believer Library*. Available at: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/179–1-0–821 (accessed 01 october 2017) (in Russian).

3. Chubaryan A. O. (ed.) *Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary.* Moscow, Akvilon Publ., 2014. 576 p. (in Russian).

4. Kozlov V. P. *Fundamentals of theoretical and applied archeography*. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2008. 224 p. (in Russian).

5. Syitsko K. V. Confessional archives in the «post-religious» era. *Arkhivaryus* [Archivist], 2016, vol. 14, pp. 34–43 (in Belarusian).

6. Batrakova M. P. The Vilna Archeographic Commission. *Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi* [Monuments of History and Culture], 1978, no 1, pp. 27–29 (in Belarusian).

7. Dutchak E. E. Field archaeography yesterday, today and tomorrow: reflections on new publications of the Moscow University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal,* 2015, no 396, pp. 85–90 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/15

8. Kashtanov S. M. About the archaeographic commission. *Archaeographic Yearbook 2006*. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 13–16. (in Russian).

9. Shkilter K. Yu. *Latvian settlements in Belarus: the historical development of Latvian rural economies.* Minsk, Latvian sector of the Belarusian Academy of Sciences, 1931. 274 p. (in Belarusian).

10. Myaleshka M. V. Regional studies and archives of Belarus. *Nash Kray* [Our Land], 1927, no 11, pp. 14–17 (in Belarusian).

11. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3. L. 1. C. 6 (in Russian).

12. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3. L. 1. C. 17 (in Russian).

13. Liseychyikau D. V. Sensational discovery in the walls of the Vishnevsky church. *Arhivyi i deloproizvodstvo* [Archives and records management], 2015, no 5, pp. 67–71 (in Belarusian).

14. Liseychyikau D. V. Archival riches of Skirmunt Porechie. *Arhivyi i deloproizvodstvo* [Archives and records management], 2014, no 3, pp. 59–62 (in Belarusian).

15. Liseychyikau D. V. Archivists first identified the authenticity and described the documents of the Orthodox church. *Arhivy i deloproizvodstvo* [Archives and records management], 2014, no 1, pp. 97–104 (in Belarusian).

16. *Kodeks kanonicheskogo prava.* Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2007. 624 p. (in Russian).

17. Syitsko K. V. Features Field heuristics documentary monuments of the history of Roman Catholic parishes in Belarus. *Materyiyalyi mizhnar. kangr. 500 gadoў belaruskaga knigadrukavannja. Minsk, 14–15 verasnja 2017 g. Ch. 1*. [500 years of Belarusian book printing: Proceedings of the International Congress. Minsk, 14–15 September 2017. Part 1]. Minsk, 2017, pp. 21–219 (in Belarusian).

18. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L. 4. C. 11 (in Belarusian).

19. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L. 12. C. 1 (in Belarusian).

20. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L. 13. C. 1 (in Belarusian).

21. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L. 14. C. 9 (in Belarusian).

22. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L. 3. C. 4 (in Belarusian).

23. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L.4. C. 12 (in Belarusian).

24. Mikitski U., Pyatsevich R., Azheuski, P. Traveling on Slutsk region. *Nash kray*[Our Land], 1928, no 2 (29), pp. 24–44 (in Belarusian).

25. Shumeyko M. F. September in the fate of the Belarusian archives. *Arhivy i deloproizvodstvo* [Archives and records management], 2009, no 5, pp. 113–121 (in Russian).

26. Information on the deposit in the NHA of Belarus the Parish Register. *National Historical Archives of Belarus*. Available at: http://niab.by/news/2012/ (accessed 23 october 2017).

27. Elpatevskiy A. V. To the history of documenting acts of civil status in Russia and the USSR. *Aktovoe istochnikovedenie: Sbornik statey* [Assembly source study: Collection of articles], 1979, pp. 55–59 (in Russian).

28. Byihovtsev N. I. *First Soviet*. Riga, Institute of Belarusian History and Culture, 2012. 368 p. (in Russian).

29. *National Historical Archive of Belarus in Grodno.* F. 297. L. 1. C. 1–5 (in Belarusian).

30. *National Historical Archive of Belarus in Grodno* F. 438. L. 1. C. 1–3 (in Belarusian).

31. *National Historical Archive of Belarus in Grodno* F. 486. L. 1. C. 1–16 (in Belarusian).

32. *National Historical Archive of Belarus in Grodno* F. 717. L. 1. C. 1–2 (in Belarusian).

33. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus.* F. 3S. L. 15. C. 1 (in Belarusian).

34. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 3S. L. 12. C. 14 (in Belarusian).

35. Kozlov V. P. Modern realities of archeographic activity in Russia. *Archaeographic Yearbook 2006. Moscow, Nauka Publ., 2011,* pp. 17–22 (in Russian).

36. Miheenok T. S. Influence of copying and duplicating equipment on the preservation of archival documents. *National Historical Archives of Belarus*. Available at: http://niab.by/stat/cop_doc/ (Accessed 29 october 2017).

Информация об авторе

Сытько Кирилл Валерьевич – магистр управления, младший научный сотрудник Центрального научного архива. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kirylawolny@gmail.com

Information about the author

Kiryl W. Sytsko – MM, Junior Researcher of the Central Scientific Archive. Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademichaskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: kirylawolny@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 808.26-087-25
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-206-210

Паступіў у рэдакцыю 08.08.2017
Received 08.08.2017

Ю. В. Маліцкі

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

РЭДУПЛІКАЦЫЯ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ДЫЯЛЕКТНЫМ МАЎЛЕННІ: АСАБЛІВАСЦІ МОЎНАЙ РЭАЛІЗАЦЫІ І СЕМАНТЫКІ

Аннотация. Редупликация (повтор символа) является одним из наиболее распространенных и универсальных приемов кодирования информации при ее знаковом способе передачи. Сфера распространения этого приема охватывает крайне широкий спектр языковых форм, актуализируя семантические модификации лексических единиц. Статья посвящена анализу случаев редупликации языковых единиц в современной белорусской разговорной диалектной речи. Анализ собранного материала показал, что в ежедневной практике живого общения носителей белорусской разговорной диалектной речи наиболее востребованным является лексический тип редупликации (полный повтор слова). Согласно наблюдениям, коммуникативно мотивированный повтор лексемы в значительном количестве случаев служит для воплощения прагматической интенции говорящего, чаще – для реализации экспрессивного содержания. В этих случаях повтор является полным, а редуплицированная лексема имеет форму целостной просодической единицы, которая произносится без паузы. Кроме этого, данные слова обладают всеми характеристиками обычных экспрессивов, включая набор так называемых слов-актуализаторов. Реже редуплицированные лексические единицы в условиях живой коммуникации могут реализовывать эмоционально-оценочное значение. В плане значения такие лексемы формализуют негативный спектр эмоций, а в плане выражения характеризуются дивергентным повтором с четко выраженной паузой между компонентами и использованием соответствующих союзов.

Ключевые слова: редупликация, разговорная речь, модификации значения, прагматика, экспрессивное значение, эмоционально-оценочное значение

Для цитирования. Маліцкі, Ю. В. Рэдуплікацыя ў сучасным беларускім дыялектным маўленні: асаблівасці моўнай рэалізацыі і семантыкі / Ю. В. Маліцкі // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 206–210. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-206-210

Yu. V. Malitski

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

REDUPLICATION IN MODERN BELARUSIAN DIALECT SPEECH: FEATURES OF LANGUAGE REALIZATION AND SEMANTICS

Abstract. Reduplication (symbol repetition) is one of the most common and universal methods of encoding information with its sign transmission method. The scope of this technique covers an extremely wide range of language forms, updating the semantic modifications of lexical units. The article is devoted to the analysis of cases of reduplication of linguistic units in modern Belarusian spoken dialect speech. The analysis of the collected material showed that the lexical type of reduplication (the full repetition of the word) is the most in-demand in the daily practice of live communication of speakers. According to observations, the communicatively motivated repetition of the lexeme in a significant number of cases serves to realization of the pragmatic intention of the speaker. More often – to implement expressive content. In these cases, the repetition is complete, and the reduplicated lexeme has the form of an integral prosodic unit that is pronounced without pausing. In addition, these words have all the characteristics of ordinary expressive words, including a set of so-called actualizers. Less often reduplicated lexical units in live communication can realize emotional significance. Such lexemes formalize a negative spectrum of emotions, and characterized by a divergent repetition with a clearly expressed pause between components. Appropriate conjunctions in these cases is used too.

Keywords: reduplication, conversational speaking, modification of meaning, pragmatics, expressive meaning, emotional meaning

For citation. Malitski Yu. V. Reduplication in modern Belarusian dialect speech: features of language realization and semantics. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 206–210 (in Belarusian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-206-210

© Маліцкі Ю. В., 2018

Уводзіны. Паўтор сімвала з'яўляецца адным з найбольш старажытных прыёмаў пры знакавым спосабе перадачы інфармацыі. Адпаведна, паўтор як універсальны напрамак дзеяння пры пабудове моўных знакаў любых узроўняў цалкам натуральны для моў рознага ладу. У лінгвістычнай літаратуры паўтор моўнай адзінкі найчасцей абазначаюць тэрмінам "рэдуплікацыя". Як правіла, з ім звязана надзвычай вялікая колькасць з'яў – ад унутрыслоўнага падваення асобных фанем да паўтору цэлых канструкцый у межах тэксту.

У сувязі з шырокім ахопам моўных фактаў пытанне вызначэння тэрміна "рэдуплікацыя" выклікае складанасці. Так, напрыклад, уяўленне аб рэдуплікацыі як аб поўным або частковым паўторы "кораня, асновы або цэлага слова як спосабу ўтварэння слоў, апісальных форм, фразеалагічных адзінак" [1, с. 288] хоць і дастаткова дакладна акрэслівае фармальную тыпалогію з'явы, але цалкам ігнаруе яе зместавы бок. Іншыя азначэнні, наадварот, вылучаюць настолькі абстрактныя ідэнтыфікацыйныя рысы, што дазваляюць адносіць да рэдуплікацыі нават выпадкі нязнакавага паўтору (напрыклад, сэнсавага – за кошт выкарыстання слоў-сінонімаў [2]). У аспекце пошуку аптымальнага варыянта вызначэння сутнасці з'явы дастаткова ўдалым нам бачыцца азначэнне, прапанаванае Ф. І. Ражанскім у манаграфіі "Редупликация: Опыт типологического исследования". Рэдуплікацыяй аўтар называе "моўны механізм, які заключаецца ў аднаразовым або шматразовым паўторы слова ці яго часткі (…) і адпавядае наступным умовам. 1. Гэты паўтор не з'яўляецца выпадковым (…) або рэкурсіўным. 2. Гэты паўтор мае інтэрпрэтацыю з семантычнага пункта погляду. 3. Гэты паўтор адбываецца або на ўзроўні слова, або на ўзроўні сказа, але ў апошнім выпадку ён не павінен быць трывіяльным" [3, с. 32]. Акрамя кампактнай формы, прыведзенае азначэнне, на нашу думку, валодае шэрагам дадатных рыс. Па-першае, яно заснавана на канкрэтных моўных крытэрыях. Па-другое, у ім акрэсліваецца ўзровень пераважнай фармальнай рэалізацыі з'явы. Патрэцяе, яно ўлічвае характар семантычных працэсаў, што адбываюцца ў сувязі з рэалізацыяй з'явы. Усе названыя якасці, па нашым меркаванні, істотна спрашчаюць вылучэнне праяў рэдуплікацыі ў агульнай маўленчай плыні, што сведчыць аб высокай функцыянальнасці вызначэння.

Нягледзячы на адкрыты характар пытання аб дакладных межах паняцця "беларускае гутарковае маўленне" [4] у якасці крыніцы матэрыялу намі была абрана "Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона" [5]. Выданне ўключае ў сябе аб'ёмны (больш за 2000 фрагментаў) тэкставы блок, прадстаўлены запісамі ўзораў народнага маўлення.

Асноўная частка. Тэксты "Хрэстаматыі" фіксуюць у маўленні інфармантаў самыя розныя тыпы паўтору – ад граматычнага (паўтор афіксаў, найчасцей – прэфіксаў: *А ў лес сколькі папаезьдзіла з бацькам!* [5, с. 162]) і гукаперайміальнага (*Чуе: шлёп-шлёп-шлёп па хаце* [5, с. 325]; *Сычас сьціхне серца. Ніхай так: тых-тых-тых* [5, с. 356]; *А ночай хтосьці: драх-драх у дзьверы* [5, с. 398] і інш.) да сінтаксічнага (*Табе ні хазяйкі, табе ні жонкі, ні прачкі – нікога* [5, с. 133]; *Вышла, столькі ўжэ рыдала, столькі рыдала!* [5, с. 266] і інш.). На фоне ўсіх выпадкаў паўтору моўнага знака, што адпавядаюць крытэрыям, прапанаваным Ф. І. Ражанскім, у маўленчай плыні інфармантаў найбольш часта адзначаюцца выпадкі слоўнай рэдуплікацыі. З пункта погляду фармальнага ўвасаблення гэты тып паўтору заключаецца ў поўным (без змен) дубліраванні слова, у выніку чаго ўтвараецца двухкампанентная лексема, якая прадстаўляе сабой цэласную прасадычную адзінку і вымаўляецца без паўзы.

Паводле матэрыялаў "Хрэстаматыі", у сучасным беларускім гутарковым дыялектным маўленні рэдуплікуюцца адзінкі чатырох часцін мовы. Найчасцей – прыметнікі (*А мама гетаго маладого алешніку да намачыла, апарыла, а ён харошы-харошы гетакі* [5, с. 146]; *У іх калодзеш наўпроціў і лавачка такая бальшая-бальшая* [5, с. 344] і інш.). У значнай ступені прадстаўлены падвоеныя формы прыслоўяў (*Посьлі вайны бедна-бедна жылі* [5, с. 339]; *Посьлі вайны многа-многа людцаў трудзілася* [5, с. 371] і інш.). Радзей адзначаюцца рэдуплікаваныя формы дзеяслова (*Села ў поезд, а есці хочыцца-хочыцца* [5, с. 284]) і назоўніка (*Я пацёр сабе гэтага віска, прышоў дахаты: цімпература-цімпература* [5, с. 429]). Спарадычна сустракаюцца выпадкі поўнага трохразовага паўтору (*Яна й даглядала яе, і падавала, і ўбірала, і ўсё-ўсё-ўсё* [5, с. 471] і інш.). Трэба заўважыць, што выпадкі лексічнай рэдуплікацыі дзеясловаў і назоўнікаў – надзвычай цікавая з'ява, у большасці не характэрная для літаратурнага маўлення. Сфера яе распаўсюджання – гутарковая і, як можна меркаваць, галоўным чынам – рэгіянальныя гаворкі.

Асноўнай семантычнай функцыяй лексічнага паўтору традыцыйна лічыцца інтэрпрэтацыя зместу адзінкі. Вынікам такога семантычнага вар'іравання, як правіла, выступае выражэнне значэння "інтэнсіўнасці, дробнасці, памяншальнасці і да т. п." [6, с. 408]. Гэта цалкам справядліва як для літаратурна-гутарковага маўлення ўвогуле, так і для прааналізаванага матэрыялу беларускіх гаворак у прыватнасці. Аднак матэрыял беларускіх народных гаворак, паводле "Хрэстаматыі", дазваляе гаварыць аб яшчэ адной надзвычай важнай семантычнай характарыстыцы рэдуплікаваных адзінак – выразнай прагматычнай нагрузцы. Аб такой функцыянальна-семантычнай спецыфіцы рэдуплікаваных адзінак у навуковай літаратуры, у сваёй большасці прысвечанай вывучэнню фактаў літаратурнай мовы, амаль не згадваецца, а між тым менавіта прагматычна афарбаваныя сінтаксічныя канструкцыі і нават цэлыя тэкставыя фрагменты – найбольш характэрны асяродак, дзе сустракаюцца прыклады слоўнага паўтору. Больш таго, у значнай колькасці выпадкаў менавіта рэдуплікаваныя словы з'яўляюцца базавымі сродкамі стварэння прагматычнагага кантэксту, фактычна выступаючы ў якасці тэкставай дамінанты – ключавога кампанента выказвання, "які вызначае і трансфармуе астатнія кампаненты тэксту" [7, с. 56]: *Некаторыя паўступал*і [у калгас], *а некаторые не. Ой, барба-барба была* [5, с. 145]; *Ужэ, здэцца, от хароша спадніца тканая ў клетачкі. Да ўжэ хорашэ-хорашэ* [5, с. 146]; *А грыбоў! Грыбоў гэтых беленькіх праўдзівых! А хочацца-хочацца!* [5, с. 150]; *І яны – за нашага тату і с сабою гоняць туда. А мы плачам-плачам!* [5, с. 434] і інш. Прыведзеныя тэкставыя ўрыўкі дэманструюць высокую ступень эмацыянальнага ўзрушэння моўцаў. Аб асаблівым пачуццёвым стане, выкліканым яркімі ўспамінамі, сведчыць шырокі спектр функцыянальна скіраваных моўных сродкаў – ад эмацыянальных выклічнікаў і клічнай інтанацыі да абумоўленых прагматычнымі мэтамі выпадкаў пропуску асобных членаў сказа і элементаў сінтаксічнай інверсіі. Відавочна, што рэдуплікаваныя лексічныя адзінкі адыгрываюць адну з вядучых роляў у стварэнні адпаведнага настрою выказвання і ў непасрэднай эксплікацыі прагматычнай інтэнцыі моўцы. Менавіта яны, указваючы на надзвычай высокую ступень праяўлення якасці дзеяння або на энергетычную насычанасць працэсу, выступаюць у якасці асноўнага семантычнага складніка, фарміруючы надзвычай важны зместавы акцэнт выказвання і вызначаючы яго прагматычны фон. Такім чынам, ёсць падставы сцвярджаць, што рэдуплікаваныя лексічныя адзінкі ў жывым маўленні здольныя рэалізоўваць экспрэсіўную семантыку, а поўнае падваенне моўнага знака ў гэтым выпадку выступае ў якасці фармальнага сродку ўвасаблення названай семантыкі.

Разуменне экспрэсіі як адной з праяў феномена моўнай прагматыкі традыцыйна звязваецца з рэалізацыяй катэгорыі інтэнсіўнасці [8]. Пры гэтым на ўвазе маецца абазначэнне "вельмі высокай альбо, наадварот, вельмі нізкай ступені праяўлення пэўнай рэальнай прыкметы" [9, с. 42]. У рэгулярным маўленні найбольш распаўсюджаны выпадак, калі рэалізуецца значэнне менавіта высокай ступені праяўлення з'явы.

Выразная функцыянальная спецыфіка рэдуплікаваных слоў звяртае на сябе ўвагу не ў малой ступені і за кошт сінтаксічнага акружэння адзінкі. Названыя лексемы ў выказванні "паводзяць сябе" абсалютна так, як і звычайныя словы-экспрэсівы. Асноўным паказчыкам такіх "паводзін" выступаюць спалучальнасныя магчымасці адзінкі ў межах сказа, і ў першую чаргу – наяўнасць так званых слоў-актуалізатараў. У іх якасці выступаюць моўныя формы, што аб'ектывуюць экспрэсіўны змест, узмацняюць і падкрэсліваюць адпаведны функцыянальна-семантычны патэнцыял слова. Так, напрыклад, для падкрэслівання параметрычнай несуразмернасці ступені праяўлення прыкметы, якасці ці дзеяння ў адносінах да ўмоўнай нормы найбольш актыўна выкарыстоўваецца часціцы *а* або *да* (*Да ўжэ хорашэ-хорашэ* [5, с. 146]; *А людзей-людзей* [5, с. 431]; *А мы плачам-плачам* [5, с. 434]) і займеннік *такі* (*У іх калодзеш наўпроціў і лавачка такая бальшая-бальшая* [5, с. 344]). Часта з мэтай падкрэслівання і ўзмацнення значэння надзвычай высокай ступені праяўлення прыкметы, выражанага рэдуплікаванай лексічнай адзінкай, выкарыстоўваюцца асобныя словы і нават сінтаксічныя канструкцыі, што фармалізуюць вобразы параўнання ці вобразы множнасці: *Касьцёр бывае, як яліна, высакі-высакі, дый як падпаляць, дык халера ведае які* [5, с. 199]; *Вьюга-вьюга была страшная* [5, с. 215] і інш. Першы прыклад нам падаецца вельмі цікавым і паказальным. У тэкставым фрагменце, з якога ўзяты сказ, расказваецца пра святкаванне Купалля. Прапазіцыя сказа заключаецца ў тым, што распальваецца вогнішча. Зыходзячы

з рацыянальна-суб'ектыўных крытэрыяў, моўца кваліфікуе яго памеры як несуразмерна вялікія. Аднак сам назоўнік *касьцёр*, які намінуе з'яву, што выяўляе надзвычай высокую ступень рэалізацыі прыкметы, цалкам пазбаўлены фармальных экспрэсіўных маркераў. Для параўнання можна прывесці сказы тыпу *Жарышча* ('вельмі моцная спякота') *такая!* [5, с. 317] і *У Комі АССР такі маразяка* ('вельмі моцны мароз'), *госпадзі, невазможна!* [5, с. 445], дзе функцыю асноўнага эксплікатара выконвае менавіта назоўнік. У нашым выпадку ўся экспрэсіўная нагрузка сказа ўскладзена на рэдуплікаваны рэгіянальны варыянт прыметніка (*высакі*). Поўнае падваенне прыметніка ў комплексе з дапаможнымі актуалізуючымі канструкцыямі (*як яліна* і *халера ведае які*) якраз стала той формай, якую адшукаў моўца, каб перадаць значэнне вельмі высокай інтэнсіўнасці праяўлення прыкметы з'явы. Поўная рэдуплікацыя адной з адзінак сказа выступіла ў выглядзе экспрэсіўнай формы, ідэнтычнай па функцыі прагматычным суфіксам *-як-* і *-ышч-* у экспрэсівах тыпу *маразяка*, *жарышча* і да т. п.

Нягледзячы на тое, што адна з базавых функцый слоўнага паўтору – мадыфікацыя зместу ў аспекце значэння ўзмацнення прыкметы, а таксама інтэнсіўнасці дзеяння ці характару працякання працэсу – найбольш цесна пераплятаецца з экспрэсіўным бокам феномена прагматыкі, рэдуплікаваныя лексічныя адзінкі могуць выступаць і ў якасці эксплікатара эмацыянальна-пачуццёвага кампанента семантыкі моўных адзінак. Эмацыянальны від ацэнкі "прадстаўляе сабой меркаванне суб'екта (індывідуальнага або калектыўнага) аб каштоўнасці аб'екта, якое праяўляецца не як лагічнае суджэнне, а як адчуванне, пачуццё, эмоцыя моўцы" [9, с. 45]. У аспекце моўнага выражэння эмацыянальна-ацэначны змест бачыцца як актуалізаванае пры дапамозе фармальных сродкаў каштоўнаснае стаўленне моўцы да аб'екта намінацыі. Найбольш ярка тэзіс аб суб'ектыўна-каштоўнасным падмурку кваліфікатыўнай семантыкі ілюструе наступны тэкставы фрагмент: *Хоць брыдко гаварыць, але ні было ні трусоў, ні шаравараў. А цяперака: і трусічкі, і шмусічкі – усё на сьвеце* [5, с. 202]. З'ява лексічнай рэдуплікацыі ў дадзеным выпадку знайшла ўвасабленне ў выглядзе дывергентнага паўтору з заменай пачатковых гукаў другога кампанента характэрным спалучэннем *шм*. Такая форма адсылае да распаўсюджаных у сферы прастамоўя прагматычных мадэляў (напрыклад, *танцы-шманцы* і да т. п.) і адназначна ўказвае на выражэнне моўцам суб'ектыўных адносін да аб'екта намінацыі. Гэтыя адносіны, паводле зместу сказа, не маюць ніякага дачынення да кваліфікацыі рэаліі ў аспекце яе колькасна-параметрычных паказчыкаў. Тут, бясспрэчна, мае месца эмацыянальны (відавочна, негатыўны) характар ацэнкі. Вызначыць сутнасць інтэнцыі дапамагае комплекс актуалізуючых сродкаў, які ўключае ў сябе паўтор злучніка *і* ў спалучэнні з канструкцыяй *усё на сьвеце*. Такі набор актуалізатараў сведчыць пра тое, што моўца імкнецца прадставіць прадметы недыферэнцыравана, наўмысна пазбегнуць іх адрознення, аб'ектывуючы такім чынам пагардлівыя, або, карыстаючыся тэрміналогіяй В. І. Сянкевіча, "адчужальна-элімінатыўныя" адносіны [10, с. 22]. Дывергентны паўтор лексічнай адзінкі ў дадзеным выпадку стаў моўнай формай, праз якую моўца выразіў сваё эмацыянальнае стаўленне да аб'екта намінацыі.

Вывады. Прааналізаваныя тэкставыя фрагменты "Хрэстаматыі" дазваляюць сцвярджаць, што рэдуплікацыя як спосаб фармальнага ўвасаблення мадыфікаванага значэння моўных адзінак дастаткова шырока прадстаўлена ў беларускім гутарковым маўленні. Паводле назіранняў, у штодзённай камунікатыўнай практыцы найбольш пашырана рэдуплікацыя лексічная. Акрамя апісаных у навуковай лінгвістычнай літаратуры мэт (як, напрыклад, у выказваннях тыпу *У бані цёплінька-цёплінька* [5, с. 280]; *Усіх з вагонаў – на двор, у сарай нейкі бальшы-бальшы* [5, с. 400] і пад.), слоўнае падваенне шырока выкарыстоўваецца моўцамі і для рэалізацыі прагматычнай інтэнцыі. Такім чынам, матэрыял жывога маўлення дае падставы разглядаць лексічную рэдуплікацыю ў якасці яшчэ адной формы фармалізацыі прагматычнага зместу. У першую чаргу гэта тычыцца падваення назоўнікаў і дзеясловаў – з'явы нерэгулярнай для літаратурнай формы маўлення. У мэтах максімальна поўнага раскрыцця прагматыкі адзінак моўца вымушаны звяртацца да спецыяльных слоў-актуалізатараў, як гэта бывае пры выкарыстанні звычайных прагмем. Камунікатыўна-прагматычная функцыя актуалізатараў заключаецца ва ўзмацненні і падкрэсліванні спецыфічнага характару зместу рэдуплікаваных слоў. У найбольшай ступені прыём слоўнага паўтору ў комплексе з актуалізуючымі сродкамі запатрабаваны суб'ектамі маўлення пры рэалізацыі

экспрэсіўнага зместу – пры выражэнні семантыкі параметрычнай несуразмернасці ў адносінах да колькасна-якасных характарыстык з'яў, прыкмет або дзеянняў. У такіх выпадках паўтор з'яўляецца поўным, а рэдуплікаваная лексема мае форму цэласнай прасадычнай адзінкі, што вымаўляецца без паўзы (на пісьме перадаецца праз злучок). Радзей рэдуплікаваныя словы рэалізоўваюць пачуццёвае стаўленне моўцы да аб'екта намінацыі. У плане значэння такія адзінкі фармалізуюць негатыўны спектр эмоцый, а ў плане выражэння характарызуюцца паўторам дывергентным – нярэдка з раздзельным вымаўленнем, адчувальнай паўзай паміж кампанентамі (на пісьме адасабляюцца коскай) і выкарыстаннем характэрных злучнікаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е испр. и доп. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

2. Алиева, Н. Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии / Н. Ф. Алиева // Языки Юго-Восточной Азии: проблемы повторов. – М.: Наука, 1980. – С. 3–14.

3. Рожанский, Ф. И. Редупликация: Опыт типологического исследования / Ф. И. Рожанский. – М.: Знак, 2011. – 256 с.

4. Рамза, Т. Р. Гутарковая беларуская літаратурная мова / Т. Р. Рамза // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Серыя 4: Філалогія, Журналістыка, Педагогіка. – 2011. – № 1. – С. 37–40.

5. Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы; уклад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 529 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

7. Якобсон, Р. О. Доминанта / Р. О. Якобсон // Хрестоматия по теоретическому литературоведению: в 5 вып.: Вып. 1. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1976. – С. 56–63.

8. Балли, Ш. Французская стилистика: пер. с франц. / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

9. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.

10. Сянкевіч, В. І. Семантыка і прагматыка рэферэнцыяльных адносін у беларускай мове: аўтарэф. дыс. … д-ра філал. навук: 10.02.01 / В. І. Сянкевіч; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 1996. – 32 с.

References

1. Rosental D. E., Telenkova M. A. *Reference dictionary of linguistic terms*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 543 p. (in Russian).

2. Alieva N. F. Reduplicated words and its problems in the languages of South-East Asia. *Jazyki Jugo-Vostochnoj Azii: problemy povtorov* [Languages of South-East Asia: problems of reduplication]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 3–14 (in Russian).

3. Rozhanskii F. I. *Reduplication: attempt of typological research*. Moscow, Znak Publ., 2011. 256 p. (in Russian).

4. Ramza T. R. Spoken Belarusian literary language. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaŭnaga ŭniversiteta. Seryya 4.* Filalo*giya, Zhurnalistyka, Pedagogika = Vestnik BSU. Series 4: Philology. Journalism. Pedagogics,* 2011, no. 1, pp. 37–40 (in Belarusian).

5. Astreika V. D., Bunko N. M., Isachankava M. A., Koshchanka U. A., Kryvitski A. A., Kuntsevich L. P., Kurtsova V. M., Krupko V. I., Ksiandzova A. U., Malitski Y. V., Trukhan T. M., Sivitskaya N. V., Shablouski A. I. *Reading on Belarusian dialectology. Central zone*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2009. 529 p. (in Belarusian).

6. Arutyunova N. D., Dyakonov I. M., Gak V. G., Gamkrelidze T. V., Ganieva T. A., Karaulov Y. N., Klimov G. A., Kolshanskii G. V., Sazonova I. K., Solntsev V. M., Stepanov G. V., Stepanov Y. S., Vinogradov V. A., Yartseva V. N.(ed). *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990. 682 p. (in Russian).

7. Yakobson R. O. Dominant. *Reading on theoretical literature, Issue 1.* Tartu, Tartu State University, 1976, pp. 56–63 (in Russian).

8. Bally C, Dolinin K. *French stylistics.* Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1961. 394 p. (in Russian).

9. Lukyanova N. A. *Expressive vocabulary of colloquial use (problems of semantics).* Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 227 p. (in Russian).

10. Syankevich, V. I. *Semantics and pragmatics of referential relations in belarusian language*. Minsk, 1996. 32 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Малицкий Юрий Вячеславович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sp-sm@mail.ru

Information about the author

Yury V. Malitski – Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: sp-sm@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 7.036/.038:330
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-211-220

Паступіў у рэдакцыю 11.07.2017
Received 11.07.2017

Д. Ю. Бунеева

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

АРТ-РЫНАК ЯК ЭКАНАМІЧНЫ ФАКТАР РАЗВІЦЦЯ КІЧУ

Аннотация. Анализируются механизмы взаимодействия экономической сферы и искусства. Рассматривается феномен арт-рынка, который представляет собой не только систему товарооборота произведений искусства, но и экономический механизм их отбора, а также оказывает существенное влияние на художественные процессы. Основной особенностью произведения искусства как товара является его интегрированная природа, которая включает в себя, с одной стороны, художественную ценность, а с другой – рыночную стоимость. Хотя теоретически стоимость должна быть только денежным выражением художественной ценности, на современном этапе наблюдается всё большее подчинение эстетических принципов чисто коммерческим целям, что способствует распространению китча в современной художественной культуре. Современный арт-рынок, для которого характерно восприятие произведения искусства исключительно в качестве товара, потенциального объекта инвестиций, демонстрирует противоречивое сочетание экономических, политических, этических и эстетических факторов при оценке художественных произведений. Ценообразование зависит в большей степени от самопрезентации художника, чем от эстетических качеств его работ. На примере белорусских и российских художников рассматриваются наиболее распространенные на постсоветском пространстве методики раскрутки имени автора, создания бренда из его имени. Отмечается, что подавление коммерческой составляющей художественности наблюдается не только в традиционных художественных формах, но также и в так называемом концептуальном искусстве. Как местная особенность отмечается крайне низкая роль художественной критики в арт-маркетинге.

Ключевые слова: арт-рынок, китч, массовая культура, маркетинг, пиар, живопись

Для цитирования. Бунеева, Д. Ю. Арт-рынак як эканамічны фактар развіцця кічу / Д. Ю. Бунеева // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. − Т. 63, № 2. – С. 211–220. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-211-220

D. Yu. Buneyeva

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ART MARKET AS AN ECONOMIC FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF KITSCH

Abstract. This article analyses mechanisms of interaction between the economic sphere and art. It addresses the phenomenon of art market which is not only a commodity turnover system for pieces of art but also is an economic mechanism of their selection; the art market also significantly influences creative processes. The main feature of a piece of art as a commodity is its integrated nature which includes, on the one hand, its artistic value, and on the other hand, its market price. Although the price is theoretically supposed to be no more than a monetary expression of the artistic value, nowadays we see increasing subordination of aesthetic principles to purely commercial purposes, which contributes to the increasing spread of kitsch in the contemporary culture. The modern art market, which is characterized by the perception of artworks solely as a commodity or as a potential investment object, demonstrates an inconsistent combination of economic, political, ethical and aesthetic factors in the evaluation of works of art. Pricing much more depends on the artist's self-presentation than on aesthetic qualities of his works. Based on the example of Belarusian and Russian artists, the article addresses methods of promoting and branding the author's name that are most common in the post-Soviet region. It is pointed out that the pressure of the commercial component on artistic merit is seen not only in traditional art forms but also in so-called conceptual art. A low role of art criticism in art marketing is noted as a local feature.

Keywords: art market, kitsch, mass culture, marketing, PR, painting

For citation. Buneyeva D. Yu. Art Market as an Economic Factor in the Development of Kitsch. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 2, pp. 211–220 (in Belarusian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-211-220

© Бунеева Д. Ю., 2018

Пад арт-рынкам прынята разумець сацыяльна-гістарычны, ці культурна-гістарычны феномен, які ўяўляе сабой сістэму тавараабароту мастацкіх твораў, сістэму распаўсюджання і пераразмеркавання культурных каштоўнасцей у грамадстве [1].

Пры гэтым, бясспрэчна, арт-рынак – гэта не толькі вытворчасць мастацкіх твораў і сістэма іх збыту, але і, так сказаць, «эканамічны механізм адбору» (ekonomischen Selektionsmechanismus [2, с. 130]), які спрыяе няспыннай пераацэнцы мастацкіх каштоўнасцей [3]. З гэтага вынікае, што эканамічная сфера робіць істотны ўплыў на мастацкія працэсы.

Натуральна, што прычыны відавочнага пашырэння кічавых тэндэнцый, якое яскрава прасочваецца ў сучасным мастацтве, знаходзяцца, у значнай ступені, у сферы эканомікі, тым больш, што выразная камерцыйная скіраванасць з'яўляецца адной з важных характарыстык з'явы кічу.

Працэс тавараабароту мастацкіх твораў звычайна мае на ўвазе наяўнасць такіх удзельнікаў, як мастак (прадавец) і пакупнік (ці заказчык). Мастак стварае ўнікальны твор, які немагчыма растыражаваць у масавай колькасці. Другім бокам выступае пакупнік, гатовы набыць тавар, які задавольвае яго паводле сваіх эстэтычных якасцей. Трэці бок у гэтым працэсе можа быць прадстаўлены пасрэднікамі, якія забяспечваюць сувязь паміж прадаўцом і пакупніком. На сучасным этапе ён прадстаўлены разнастайнымі арт-менеджарамі, дылерамі, галерэямі і мастацкімі салонамі [4].

Калі мастацкія творы трапляюць у рыначны абарот, натуральна, што яны набываюць уласцівасці тавару. Само па сабе ператварэнне мастацкага твора ў тавар не можа быць ацэнена негатыўна. Нават Т. Адорна, які звычайна выказваў насцярожанае стаўленне да рыначнай сістэмы, ідэнтыфікуе продаж мастацкіх твораў не як злоўжыванне, а як заканамерны вынік іх падначалення ўмовам вытворчасці. Факт, што яны належаць да капіталістычнай сістэмы, вызначае іх выхад на рынак і, натуральна, ператварэнне ў тавар [5, с. 341; 6].

Тым не менш відавочна, што творы мастацтва – не звычайны спажывецкі тавар. П. Бурдзье піша пра мастацтва як пра «сімвалічны прадукт», які мае дваістую прыроду: адначасова ён з'яўляецца культурнай каштоўнасцю і таварам [7]. І. Грав, развіваючы дадзеную ідэю, сцвярджае, што мастацкія творы як бы ўяўляюць сабой і сімвалічную каштоўнасць, і рыначны кошт, і менавіта гэтая дваістасць выклікае значнае ўнутранае напружанне [6]. Сімвалічная каштоўнасць мае на ўвазе значнасць твора, якая фарміруецца такімі фактарамі, як высокі ўзровень прафесіяналізму паводле традыцыйна замацаваных крытэрыяў, самабытнасць, арыгінальнасць, прызнанасць мастацтвазнаўцамі, рэпутацыя мастака і да т. п. Сімвалічную каштоўнасць, якую мастацтвазнаўцы называюць мастацкай вартасцю твора, немагчыма выявіць у эканамічных катэгорыях. Тым не менш, натуральна, што кожная праца мае свой кошт на рынку [6].

Фарміраванне і развіццё арт-рынку. У розныя гістарычныя эпохі ўзаемаадносіны паміж прадаўцом і пакупніком мастацкіх твораў мелі свае асаблівасці. Гэта звязана з мноствам фактараў: духоўнымі і эстэтычнымі ідэаламі эпохі, саслоўнай прыналежнасцю пакупніка ці заказчыка і, адпаведна, яго патрабаваннямі да мастацкага твора.

Працэс фарміравання і развіцця арт-рынку прынята ўмоўна падзяляць на два этапы: дарынкавы і рынкавы [8]. На першым этапе ў якасці суб'ектаў арт-рынку існавалі толькі мастак і заказчык, і не былі развіты інстытуты пасрэдніцтва. Дадзены этап вызначаецца такімі формамі ўзаемаадносін, як дарэнне ці абмен дарамі (найбольш старажытная форма) і (пазней) заказ мастацкага твора [8].

У ролі аб'ектаў дарэння звычайна выступалі прадметы, якія лічыліся ў тагачасным грамадстве асабліва каштоўнымі, напрыклад, мастацкія творы, якія надзяляліся сакральным значэннем [9]. Па сутнасці, яны характарызаваліся толькі сімвалічнай каштоўнасцю, якая ніяк не выяўлялася матэрыяльна, гэта значыць творы былі, можна сказаць, бясцэннымі.

Наступным значным этапам у станаўленні арт-рынку стаў заказ мастацкіх твораў. Хаця механізм заказу быў лагічным развіццём логікі абмену-дарэння, ён істотна змяніў узаемаадносіны паміж мастаком і спажыўцом яго твораў (цяпер – заказчыкам). Па-першае, у твора з'явіўся выяўлены матэрыяльны кошт. Па-другое, заказ канкрэтызуе попыт, ён скіраваны на тое, каб максімальна задаволіць пажаданні заказчыка. Таму гэтая форма можа, у пэўнай ступені, абмяжоўваць свабоду самавыяўлення мастака [8].

Натуральна, што, працуючы над роспісамі ў Сіксцінскай капэле, Мікеланджэла мусіў суадносіць уласныя ідэі з догмамі каталіцкай царквы і асабістымі пажаданнямі заказчыка – Папы

Юлія II. Пры гэтым прынята лічыць, што сярэдневяковая цэнзура сачыла хутчэй за зместам твора, чым за манерай яго выканання [10]. Апрача таго, варта адзначыць, што тагачасныя заказчыкі, у ролі якіх выступалі прадстаўнікі духавенства і арыстакратыі, былі найбольш адукаванымі людзьмі свайго часу, таму наўрад ці іх патрабаванні ўплывалі на якасць твора негатыўна.

Істотнае значэнне мае таксама факт, што для тагачаснага заказчыка было важна набыць у сваю калекцыю ўнікальны прадмет мастацтва, увекавечыць сваё імя, далучыўшыся да стварэння маштабнага твора. Пры гэтым, у адрозненне ад сучаснасці, твор практычна не разглядаўся ў якасці тавару, які з часам магчыма выгадна перапрадаць [10].

У дарынкавы перыяд асноўнай сілай, якая рухала мастацтва, з'яўлялася рэлігія, і мастацкія творы часта надзяляліся сакральным значэннем. Хаця гуманізм і антрапацэнтрызм, які зарадзіўся ў эпоху Адраджэння, паступова трансфармавалі светапогляд грамадства, да XIX ст. яны не былі агульнай з'явай эпохі.

Істотныя сацыяльна-эканамічныя змяненні, якія выспявалі на працягу некалькіх стагоддзяў, яскрава праявіліся ў XIX ст., якое лічыцца часам канчатковага пераходу да рынкавай сістэмы [8]. Арт-рынак у значнай ступені перайшоў ад сістэмы заказаў да акта куплі-продажу. У гэты ж час істотна пашыраецца мэтавая аўдыторыя мастацтва, развіццё матэрыяльнай вытворчасці трансфармавала саму сістэму спажывання. Калі раней набываць творы мастацтва было прывілеям арыстакратыі, то цяпер, з развіццём класа буржуазіі, куды большая частка грамадства атрымала сродкі на задавальненне неўтылітарных патрэб [8]. Натуральна, што колькаснае пашырэнне мастацкага рынку не заўсёды ўплывала станоўча на якасць мастацтва.

Варта адзначыць, што найбольш прагрэсіўныя прадстаўнікі буржуазіі аказвалі значную падтрымку развіццю найноўшых плыняў мастацтва, што прынцыпова паўплывала на фарміраванне новага мастацкага дыскурсу. Разам з тым іншая, найбольш масавая, частка буржуазіі, маючы прыклад прагрэсістаў, таксама рабіла памкненні адпавядаць тагачасным тэндэнцыям. Аднак ці недахоп адукацыі, ці нястача фінансаў змушалі іх задавольвацца больш танным арт-таварам, што дало велізарны штуршок да развіцця разнастайных кічавых форм.

Апрача буржуазіі найбольш масавым спажыўцом, а значыць, і стваральнікам трэндаў кічу выступіла мяшчанства і дробнае чыноўніцтва, якое з прычын маёмаснага стану і адукацыйнага цэнзу выклікала попыт на найбольш нізкаякасныя ўзоры кічу, даўшы ім «зялёную вуліцу» да імклівага развіцця.

Гэты працэс запатрабаваў з'яўлення паміж мастаком і спажыўцом новага суб'екта рынкавых адносін – пасрэдніка, які канчаткова замацоўвае за мастацкім прадуктам статус тавару.

У наш час, які, акрамя іншага, вылучаецца павышаным прагматызмам, роля арт-пасрэдніцтва прынцыпова павялічылася, актыўна ўплываючы на фарміраванне, так сказаць, асартыменту і наменклатуры мастацкага тавару. Асноўная задача рынку – задавальненне практычна любых жаданняў і патрэб пакупніка – усё больш пераходзіць у мастацкае асяроддзе, падмяняючы мастацкую вартасць твора яго рыначным коштам [10]. Адбываецца дэсакралізацыя мастацтва, яго анталагічны сэнс, які быў асноўным у папярэднія эпохі, цяпер амаль знікае ў эканамічнай праблематыцы [11].

У гэты ж перыяд канчаткова фарміруецца з'ява кічу і ўзнікае сам тэрмін, што ўжываецца ў дачыненні да недарагой і нізкаякаснай мастацкай прадукцыі, якая ў вялікай колькасці з'явілася на еўрапейскіх рынках і была разлічана на турыстаў (пераважна амерыканскіх) і не вельмі патрабавальную мясцовую публіку.

Калі рынак дарэвалюцыйнай Расіі развіваўся ў цэлым у агульнаеўрапейскім рэчышчы, то ў савецкі перыяд ён зазнаў істотную рэарганізацыю. Дзяржава практычна манапалізавала рынак мастацкіх твораў. Хаця існавалі салоны Саюза мастакоў, у якіх прыватныя асобы маглі набыць мастацкі твор практычна любога жанру ці памеру, яны не рабілі істотнага ўплыву на мастацкі працэс. Асновай тагачаснага рынку служыла дзяржаўнае фінансаванне мастацкай сферы. Склаўся цэлы механізм дзяржаўных заказаў, фарміравання коштаў на пэўныя віды працы, сістэма падтрымкі мастакоў у выглядзе шматлікіх узнагарод і сацыяльных ільгот. У асноўным, менавіта дзяржава заказвала творы мастацтва, рабіла закупкі, арганізоўвала рэкламу, размяркоўвала прыбытак, і да т. п. Самі ж творы мастацтва ператварыліся ў адзін з важных інструментаў ідэалагічнай палітыкі дзяржавы [3].

Безумоўна, нягледзячы на сур'ёзную крытыку, такая сістэма мела мноства станоўчых рыс, аб чым сведчыць значная колькасць высокамастацкіх маштабных твораў, створаных у савецкі перыяд. Важна адзначыць, што тагачасная цэнзура не толькі сачыла за ідэалагічнай скіраванасцю твораў, але і кантралявала з дапамогай прафесійнай супольнасці іх мастацкую вартасць, а пастаянная запатрабаванасць мастакоў і вялікія ганарары забяспечвалі высокі статус прафесіі, які дазваляў многім творцам ствараць мастацтва, незалежнае ад ідэалогіі і цэнзуры. Асабліва яскрава гэта праявілася пасля заканчэння сталінскага перыяду.

Арт-рынак сучаснай Беларусі. За 70 год існавання СССР на тэрыторыі Беларусі адбылося поўнае разбурэнне традыцый свабоднага арт-рынку. На сённяшні дзень ён знаходзіцца толькі на пачатковым этапе свайго фарміравання. Пасля распаду Савецкага Саюза адбылося раздзяржаўленне культурных фондаў і стала магчымым звязанае з мастацкімі творамі прадпрымальніцтва, легалізавалася становішча прадаўца і пакупніка. За апошнія дзесяцігоддзі ўзнікла значная колькасць пасрэднікаў (салонаў, галерэй, антыкварных крам і інш.). Пры гэтым рынак мастацкіх твораў у сучаснай Беларусі зводзіцца ў значнай ступені да продажу сувеніраў ці нізкаякасных

Мал. 1. Экспазіцыя твораў на кірмашы «Мінскі вернісаж», 2013 г. Фота аўтара

Fig. 1. Artwork Exposition at the Minsk Vernissage Fair, 2013. Author's Photo

краявідаў і нацюрмортаў, зробленых паводле шаблонаў. Прытым, што беларускія мастакі відавочна імкнуцца інтэгравацца ў сусветны мастацкі працэс, кошты тут трымаюцца на значна ніжэйшым узроўні, чым на сусветным рынку. Запаволенасць у фарміраванні арт-рынку звязана з наступнымі фактарамі:

− нестабільнасць эканамічнай сітуацыі ў краіне. Пераходны этап ад планавай эканомікі да рынкавых форм значна зацягнуўся. У выніку практычна перасталі працаваць механізмы дзяржаўнай падтрымкі мастацтва, якія былі асновай савецкага арт-рынку, але і рынкавыя структуры не развіліся ў дастатковай ступені;

− невысокі матэрыяльны дастатак насельніцтва, значны працэнт якога можа сабе дазволіць толькі тавары першай неабходнасці;

− недастатковы ўзровень адукаванасці насельніцтва ў сферы мастацтва, неразвітасць культуры спажывання мастацкіх твораў. У імкненні зэканоміць многія купляюць тавар нізкай якасці – рэпрадукцыі ці творы непрафесійных мастакоў.

Варта таксама адзначыць, што ў адрозненне ад Амерыкі ці Заходняй Еўропы, дзе на папулярнасць і камерцыйны поспех творцы можа зрабіць значны ўплыў рэцэнзія прафесійнага мастацтвазнаўцы, у Беларусі крытыкі практычна не ўплываюць на мастацкі працэс. У цэлым, у грамадстве адчуваецца істотны разрыў паміж уяўленнямі прафесіяналаў пра сімвалічную каштоўнасць твора і яго рэальным рыначным коштам [3]. Найбольшай папулярнасцю карыстаюцца творы з выразным дэкаратыўным пачаткам і кічавымі рысамі (мал. 1, 2). Пакупнікі арыентуюцца не на водгук крытыка (які, канешне, таксама можа быць неаб'ектыўным), а пераважна на ўласны густ, сфарміраваны яшчэ ў савецкую эпоху шматлікімі рэпрадукцыямі карцін перасоўнікаў ці прадстаўнікоў сацрэалізму. Ключавым фактарам пры выбары твора з'яўляецца таксама невысокі кошт.

Тым не менш у апошнія гады назіраюцца пэўныя зрухі ў працэсе фарміравання беларускага арт-рынку. Адкрылася некалькі прыватных галерэй, такіх, як «Дом карцін», ці галерэя «ДК», «Ў», «Імёны», «Арыстакрат», што істотна ажывіла мастацкае жыццё Мінска. Значным крокам

Мал. 2. Экспазіцыя твораў на кірмашы «Мінскі вернісаж», 2013 г. Фота аўтара

Fig. 2. Artwork Exposition at the Minsk Vernissage Fair, 2013. Author's Photo

Мал. 3. Н. Сафронаў. Арлекіна гісторыі. Палатно (алей, 50×40 см), 1998 г. Фота са старонкі: http:// www.nikas-s.ru/web/

Fig. 3. N. Safronov. The Harlequiness of History, 1998. Oil on canvas (50×40 cm). Photo from http:// www. nikas-s.ru/web/

Мал. 4. А. Смаляк. Падарожжа на ўбываючы месяц (партрэт Філіпа Кіркорава). Палатно (алей, 110×120 см), 2008 г. Фота са старонкі: https:// www. facebook.com/profile.php?id=100002007827254

Fig. 4. A. Smalyak. A Journey to the Waning Moon (A Portrait of Philipp Kirkorov), 2008. Oil on canvas (110×120 cm). Photo from https://www. facebook.com/ profile.php?id=100002007827254

стаў праект «Восеньскі салон з Белгазпрамбанкам», які пачаў сваю дзейнасць у 2015 г. Пры сур'ёзнай фінансавай і інфармацыйнай падтрымцы з боку банка ў Палацы мастацтва арганізоўваецца штогадовая выстава-продаж твораў маладых беларускіх мастакоў, асноўную мэту якой арганізатары, паводле слоў В. Бабарыкі, старшыні праўлення Белгазпрамбанка, бачаць у пошуку балансу для мастака паміж творчым самавыяўленнем і неабходнасцю прадаваць свае творы [12].

Негатыўныя рысы сучаснага арт-рынку. Відавочна, што здаровае функцыянаванне ўсёй мастацкай сістэмы краіны і павышэнне прэстыжу прафесіі мастака немагчыма без развіцця мясцовага арт-рынку. Пры гэтым нельга не адзначыць, што дадзены феномен – вельмі складаны і неадназначны. Гэта звязана, у першую чаргу, з яго інтэграванай прыродай, якая знаходзіцца на скрыжаванні духоўна-мастацкай і эканамічнай сфер [13]. Таму спецыфікай арт-рынку, асабліва сучаснага, з'яўляецца выразная апазіцыя камерцыйнасці і духоўнасці [14].

З таго часу, калі мастацкі твор пачаў успрымацца таварам, у значнай ступені адбылася страта сувязі паміж сімвалічнай каштоўнасцю і рыначным коштам, падмена мастацкай вартасці твораў іх рыначным коштам. За гэты час еўрапейскае мастацтва трансфармавала свае прыярытэты ад стаўлення з пагардай да матэрыяльных каштоўнасцей да амаль поўнага падначалення эстэтычных прынцыпаў спекуляцыйным, выключна камерцыйным мэтам [10].

Асноўнай сілай, якая рухае наперад цывілізацыю, паводле А. Канчалоўскага, на сучасным этапе з'яўляецца маркетынг (у папярэднія эпохі гэта магла быць рэлігія ці дзяржаўная ідэалогія). Адна са спецыфічных рыс нашага часу заключаецца ў тым, што якасць тавару мае меншую значнасць, чым якасць яго рэкламы [10]. Імя мастака становіцца своеасаблівым брэндам, і для раскруткі гэтага брэнда выкарыстоўваюцца традыцыйныя маркетынгавыя метады (напрыклад, стварэнне скандальнай сітуацыі вакол імя творцы, фотаздымкі з вядомымі асобамі і да т. п.), а мастацкі складнік адыходзіць на другі, калі не на трэці план. Напэўна, у гэтым кантэксце найбольш яскравым прыкладам з'яўляецца дзейнасць расійскага мастака Н. Сафронава (мал. 3), творамі якога відавочна натхняюцца некаторыя беларускія мастакі (напрыклад, А. Смаляк (мал. 4)).

Адзін з механізмаў раскруткі свайго імя, якім карыстаюцца сучасныя мастакі, падрабязна апісаны В. Чапаерам. Так, на першым этапе па фотаздымку з часопіса, газеты ці інтэрнэту мастак піша партрэты вядомых людзей (брытанскай каралевы, артыстаў ці знакамітых палітыкаў).

Партрэты рассылаюцца па адрасах пражывання партрэтуемых, якіх, як правіла, знайсці не вельмі складана (тым больш, гэта можа быць Букінгемскі палац ці Белы дом). Ад некаторых з іх мастаку могуць прыйсці адказы, у якіх партрэтуемыя (ці, найбольш верагодна, яго памочнікі) у сціслай форме выказваюць мастаку ўдзячнасць за падарунак. Наступным этапам самапіяру з'яўляецца выданне каталога ўласных твораў з адпаведнымі подпісамі, накшталт: «Партрэт англійскай каралевы Елізаветы II. Захоўваецца ў прыватнай калекцыі каралевы. Аздабляе партрэтную залу Букінгемскага палаца». Пасля гэтага застаецца з адпаведнымі каментарыямі паказаць дадзены альбом і лісты падзякі патэнцыяльным заказчыкам, якія, натуральна, павінны думаць, што англійская каралева ці амерыканскі прэзідэнт, якія ні разу не сустракаліся з мастаком, гадзінамі пазіравалі яму для партрэта і заплацілі адпаведны ганарар. Натуральна, што гэта значна павышае як статус мастака ў вачах абывацеля, так і цэннік на яго творы [15].

Яшчэ адным распаўсюджаным піяр-ходам з'яўляецца факусіроўка мастака на трагічных этапах свайго жыцця (клінічная смерць, перыяды алкагалізму ці наркаманіі), несправядлівасць з боку ўладаў ці кіраўнікоў (адлічэнне з інстытута), містычны вопыт і г. д. Прытым любая, нават самая дробная ці негатыўная падзея можа стаць інфармацыйнай нагодай. Так, калі даволі няпэўны ў эстэтычным плане партрэт Янкі Купалы аўтарства А. Смаляка не прайшоў адбор на выставу, прысвечаную 125-годдзю паэта, у прэсе з'явіўся шэраг артыкулаў пра тое, як аргкамітэт выставы не зразумеў новае, трагічнае прачытанне вобраза паэта. Каб надаць каштоўнасць свайму твору, А. Смаляк тлумачыць, што Янка Купала прыйшоў да мастака ў сне і папрасіў напісаць яго партрэт, бо да гэтага часу ніхто з мастакоў не стварыў рэалістычны вобраз [16].

Мастак А. Арлоў пачаў пісаць карціны пасля таго, як пражыў клінічную смерць, а А. Кузьміч на працягу пэўнага часу прасоўваў ідэю, што яго творы лечаць і, паводле ўласнага прызнання, сумесна з ветэранскімі арганізацыямі, праводзіў адпаведныя сеансы ў сваёй майстэрні [17]. З часам мастак перастаў ладзіць такія сустрэчы: «Тыя, хто верыць у лячэбную сілу маіх карцін, прыходзяць на выставы. Хтосьці іх цалуе, хтосьці становіцца на калені, моліцца» [17].

Варта адзначыць праявы кічавага характару і ў альтэрнатыўным арт-асяроддзі, якое пазіцыянуецца як канцэптуальнае, актуальнае і падае сябе, так сказаць, арт-апазіцыяй традыцыйным мастацкім формам.

Як прыклад дэманстрацыйнага самапіяру аўтара, не абцяжаранага ніякімі маральнымі абмежаваннямі, дарэчы будзе згадаць выставу мастака АРЧ (М. Сянькова) «Як у страшнай казцы», якая прайшла ў 2011 г. у галерэі «Ў» і была прысвечана серыйнаму забойцу А. Чыкацілу. Апроч няпэўнага этычнага боку дадзенай канцэпцыі, варта адзначыць, што прафесійныя характарыстыкі палотнаў (кампазіцыйная пабудова твора, танальна-каларыстычнае напаўненне прасторы, не падмацаваная прафесійнымі вартасцямі мадэліроўка формы, урэшце, падкрэсленая смакаванне пачварнага і агіднага) дазваляюць аднесці гэты цыкл да праяў кічу.

Нават калі лічыць гэтыя творы свядомай арт-правакацыяй, гэта не адмяняе кічавай формы і камерцыйнай скіраванасці (працы М. Сянькова ў пэўных колах карыстаюцца значнай папулярнасцю: яны захоўваюцца ў прыватных калекцыях розных краін, у 2011 г. у серыі «Калекцыя пАРТызана» быў выдадены каталог яго твораў).

Часам кічавыя праявы можна заўважыць у творах М. Гуліна, А. Слабодчыкавай, А. Кудрашова – аўтараў, якія пазіцыянуюць сябе прадстаўнікамі альтэрнатыўных мастацкіх напрамкаў. Гэта сведчыць пра тое, што кіч здатны ахапіць усе, нават супрацьлеглыя, сегменты мастацкай прасторы, і эканамічны фактар адыгрывае не апошнюю ролю ў гэтым працэсе.

З поглядам на мастацкія творы з прагматычных пазіцый звязана такая праблемная рыса сучаснага мастацкага рынку, як успрыманне твораў выключна ў якасці аб'ектаў інвестыцый (натуральна, што гэта больш характэрна для краін з развітым мастацкім рынкам, але пэўныя тэндэнцыі пачынаюць назірацца і ў Беларусі). У такім выпадку, зноў жа, пакупніка цікавяць не эстэтычныя якасці твора, а тое, наколькі кошты на дадзеную працу могуць з цягам часу павялічыцца, наколькі раскручаным брэндам з'яўляецца імя мастака (у такім выпадку пакупнік можа сам прымаць удзел у раскручванні імя аўтара набытых твораў).

Варта прызнаць, што ва ўмовах пастаяннай нестабільнасці курсаў валют мастацкія творы могуць з'яўляцца даволі выгадным доўгатэрміновым капіталаўкладаннем. Нават калі мастак застаецца невядомым шырокай публіцы, праз 50–100 гадоў кошты на яго працы павялічваюцца, як на антыкварыят.

Для таго, каб яшчэ больш панізіць рызыку, звязаную з няўдалай пакупкай, з'явіліся і набылі значную папулярнасць так званыя бейларт-здзелкі. Іх сутнасць заключаецца ў наступным: кліент бярэ пад залог мастацкі твор ці іншы прадмет калекцыянавання. Сума закладу прывязваецца да цвёрдай валюты (звычайна да долара), але кліент выплачвае яе кампаніі-гаранту ў беларускіх рублях. Праз пэўны тэрмін, які прапісваецца ў дагаворы, кліент можа вярнуць карціну і атрымаць свае грошы (таксама ў беларускіх рулях, але па новым курсе). Такая схема набывае значную актуальнасць у перыяды перабояў на валютным рынку.

Наколькі мастацкія вартасці твора адыходзяць на другі план, яскрава ілюструе сітуацыя, калі ў рамках бейларт-здзелкі прыватнай асобай за 10000 $ была куплена пустата ў раме [18]. Натуральна, што здзелка была раўназначна пакупцы цвёрдай валюты і з мастацтвам звязана вельмі ўскосна.

Такім чынам, з аднаго боку, для Беларусі з'яўляецца сур'ёзнай праблемай неразвітасць арт-рынку – дзяржаўная падтрымка звялася да нешматлікіх і вельмі эпізадычных музейных закупак, а кола прыватных пакупнікоў сур'ёзных мастацкіх твораў яшчэ не сфарміравалася ў дастатковай ступені. Хаця паступова з'яўляюцца такія суб'екты мастацкага рынку, як Белгазпрамбанк, які збірае карпаратыўную калекцыю мастацкіх твораў і адначасова выступае ў ролі пасрэдніка паміж мастаком і патэнцыяльным пакупніком, арганізоўваючы выставы накшталт «Восеньскага салона», істотнага ўплыву на мастацкі рынак яны пакуль не робяць. Стабільны даход мастак можа забяспечыць толькі ствараючы разлічаную на масавага пакупніка прадукцыю, якую ў большай ці меншай ступені можна аднесці да кічу: партрэты і шаржы па фотаздымках, краявіды ў залатых рамах, нацюрморты з кветкамі ці сентыментальныя карцінкі з мілымі кацянятамі ці гламурнымі прыгажунямі.

Хаця відавочна, што інтэграцыя ў сусветную сістэму мастацкага рынку палепшыла б эка намічны стан беларускіх мастакоў і пашырыла б патэнцыяльнае кола іх пакупнікоў, даволі наіўна лічыць, што яна вырашыла б усе праблемныя пытанні ў мастацкай галіне. Сучасны арт-рынак, для якога характэрна ўспрыманне мастацкага твора выключна як тавару, патэнцыяльнага аб'екта інвестыцый, дэманструе вельмі супярэчлівае спалучэнне эканамічных, палітычных, этычных і эстэтычных фактараў пры ацэнцы мастацкіх твораў. Утварэнне коштаў у большай ступені залежыць ад самапрэзентацыі мастака ці ад таго, наколькі салідная галерэя прадстаўляе яго інтарэсы. Эстэтычны складнік твораў набывае тут другаснае значэнне.

Калі ў краінах з развітым арт-рынкам даволі важнае значэнне маюць рэцэнзіі арт-крытыкаў, то ў Беларусі і іншых постсавецкіх краінах квітнее грубы да непрыстойнасці самапіяр: дэманстрацыя сумесных здымкаў з зоркамі эстрады (гэты ход актыўна ўжываюць А. Смаляк і мастакі Ю. і Т. Рудэнкі), расповеды пра містычны вопыт аўтара (А. Кузьміч, А. Арлоў) ці, наадварот, падкрэсленае смакаванне пачварнага і агіднага (М. Сянькоў) – любыя сродкі, якія могуць прыцягнуць да мастака ўвагу публікі.

Пры гэтым імкненне да камерцыйнага поспеху часта суправаджаецца выразнай кан'юнктурнасцю і значным паніжэннем эстэтычных вартасцей твора, а жаданне спадабацца шырокай публіцы спрыяе пашырэнню кічавых рыс у творчасці мастакоў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Пилюк, А. В. Арт-рынок и средства массовой информации в России: проблемы взаимодействия: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / А. В. Пилюк ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 2005. – 21 с.

2. Horkheimer, M. Dialektik der Aufklarung. Philosophiche Fragmente / M. Horkheimer, T. W. Adorno. – Frankfurt a. M. : Mdrz, 1990. – X. − 275 s.

3. Барабанов, Е. Искусство на рынке или рынок искусства? / Е. Барабанов // Художественный журнал. – 2002. – № 46. – С. 8–24.

4. Фатеева, Н. А. Особенности становления арт-рынка в современных условиях: социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.06 / Н. А. Фатеева ; ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». – Екатеринбург, 2008. – 19 с.

5. Адорно, Т. В. Эстетическая теория / Т. В Адорно; пер. с нем. А. В. Дранова. – М.: Республика, 2001. – 527 с.

6. Грав, И. Высокая цена. Искусство между рынком и культурой знаменитости / И. Грав. – М. : Ад Маргинем, 2016. – 288 с.

7. Bourdieu, P. The Market for Symbolic Goods / P. Bourdieu // The Rules of Art. Genesis and Structure of the Literary Field. – Stanford : Stanford University, 1995. – P. 141–175.

8. Фатеева, Н. А. Арт-рынок как социокультурное явление / Н. А. Фатеева // Омский научный вестник. – 2008. – № 5(72). – С. 85–86.

9. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.

10. Кончаловский, А. От чёрного квадрата – к чёрной дыре [Электронный ресурс] / А. Кончаловский // BBC русская служба. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/blogs/2014/12/141208_blog_konchalovsky_art_market_article. – Дата доступа: 12.11.2016.

11. Ашкеров, А. Ю. Экономическая и антропологическая интерпретация социального обмена / А. Ю. Ашкеров // Социологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 71–87.

12. «Осенний салон» способствует формированию арт-рынка в Беларуси [Электронный ресурс] // Белта. – Режим доступа: http://www.belta.by/culture/view/osennij-salon-sposobstvuet-formirovaniju-art-rynka-v-belarusi-217152–2016/. – Дата доступа: 23.12.2016.

13. Боканева, А. В. Арт-рынок Республики Беларусь: особенности формирования и перспективы развития / А. В. Боканева // Сучасны культурны працэс: праблемы, перспектывы, метады даследавання : даклады, прачытаныя на XXXVII выніковай навук. канф. студэнтаў і магістрантаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў (18–19 красавіка 2012 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. – Мінск : БДУКМ, 2012. – С. 97–102.

14. Грачёв, В. И. Коммуникативное пространство современного арт-рынка / В. И. Грачёв // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 56. – С. 198–203.

15. Чапаер, В. Геройчики нашего времени [Электронный ресурс] / В. Чапаер // АПН: агентство политических новостей. – Режим доступа: http://www.apn.ru/publications/article25028.htm. – Дата доступа: 26.12.2016.

16. Улевич, О. Портрет Купалы художника Смоляка развернули с выставки [Электронный ресурс] / О. Улевич // Tut. by. – Режим доступа: https://news.tut.by/culture/98800.html. – Дата доступа: 26.12.2016.

17. Куклов, В. «Храм Мадонны» Алексея Кузьмича [Электронный ресурс] / В. Куклов // СБ Беларусь сегодня. – Режим доступа: http://tv.sb.by/kultura-5/article/-khram-madonny-alekseya-kuzmicha-stolichnyy-dvorets-iskusstv-na-dve-nedeli-prevratitsya-v-khram-madonny-.html. – Дата доступа: 23.12.2016.

18. В Беларуси была продана пустота [Электронный ресурс] // Naviny. by: белорусские новости. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2011/05/24/ic_articles_116_173742. – Дата доступа: 19.11.2016.

References

1. Piliuk A. V. Art market and mass media in Russia: problems of interaction, Abstract of Ph.D. dissertation, journalism, Ros. state. humanitarian. un-t (RSUH). Moscow, 2005. 21 p. (in Russian)

2. Horkheimer M. *Dialektik der Aufklarung. Philosophiche Fragmente*. Frankfurt a. M., März Publ., 1990, X. 275 p.

3. Barabanov E. Art in the market or the art market? *Khudozhestvennyi zhurnal* [Art magazine], 2002, no. 46, pp. 12–18. (in Russian)

4. Fateeva N. A. Features of the formation of the art market in modern conditions: a sociological analysis, Abstract of Ph. D. dissertation, SEI of HPE «Russian State Professional and Pedagogical University». Ekaterinburg, 2008. 19 p. (in Russian)

5. Adorno T. V. *Aesthetic theory.* Moscow, Respublika Publ., 2001. 527 p. (in Russian)

6. Grav I. *High price. The art between the market and the culture of a celebrity.* Moscow, Ad Marginem Publ., 2016. 288 p. (in Russian)

7. Bourdieu, P. The Market for Symbolic Goods. *The Rules of Art. Genesis and Structure of the Literary Field.* Stanford: Stanford University Publ., 1995, pp. 141–176.

8. Fateeva N. A. Art market as a sociocultural phenomenon. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2008, no. 5(72), pp. 85–86. (in Russian)

9. Bodriiiar Zh. *Symbolic exchange and death*. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000, 387 p. (in Russian)

10. Konchalovskii A. From a black square to a black hole. *BBC russkaia sluzhba* [BBC Russian Service]. Available at: http://www.bbc.com/russian/blogs/2014/12/141208_blog_konchalovsky_art_market_article, (Accessed12.11.2016). (in Russian)

11. Ashkerov A. Iu. Economic and anthropological interpretation of social exchange. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2001, no. 3, pp. 71–87. (in Russian)

12. «Autumn Salon» contributes to the formation of the art market in Belarus. BELTA [BELTA]. Available at: http://www.belta.by/culture/view/osennij-salon-sposobstvuet-formirovaniju-art-rynka-v-belarusi-217152–2016/, (Accessed23.12.2016). (in Russian)

13. Bokaneva A. V. Art market of the Republic of Belarus: features of formation and prospects of development. *Suchasny kul'turny pratses: prablemy, perspektyvy, metady dasledavannia: daklady, prachytanyia na XXXVII vynikovai navuk. kanf.*

studentaŭ i magistrantaŭ Belaruskaga dziarzhaŭnaga ŭniversiteta kul'tury i mastatstvaŭ (18–19 krasavika 2012 g.) [Modern cultural process: problems, perspectives, research methods: reports read at the XXXVII final Sciences. Conf. undergraduate and graduate students of the Belarusian State University of Culture and Arts (18–19 April 2012)], Minsk, BDUKM Publ., 2012, pp. 97–102. (in Russian)

14. Grachev V.I. Communicative space of the modern art market. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen], 2008, no. 56, pp. 198–203. (in Russian)

15. Chapaer V. Heroes of our time. *APN: agentstvo politicheskikh novostei* [APN: political news agency]. Available at: http://www.apn.ru/publications/article25028.htm, (Accessed26.12.2016). (in Russian)

16. Ulevich O. Portrait of Kupala painter Smolyak unfolded from the exhibition. *Tut.by.* Available at: https://news.tut.by/culture/98800.html, (Accessed26.12.2016). (in Russian)

17. Kuklov V. «The Temple of the Madonna» by Alexei Kuzmich. SB Belarus' segodnia [SB Belarus today]. Available at: http://tv.sb.by/kultura-5/article/-khram-madonny-alekseya-kuzmicha-stolichnyy-dvorets-iskusstv-na-dve-nedeli-prevratitsya-v-khram-madonny-.html, (Accessed23.12.2016). (in Russian)

18. In Belarus, the emptiness was sold. *Naviny.by: belorusskie novosti* [Naviny.by: Belarusian news]. Available at: http://naviny.by/rubrics/society/2011/05/24/ic_articles_116_173742, (Accessed19.11.2016). (in Russian)

Информация об авторе

Бунеева Дарья Юрьевна – магистр искусствоведения, младший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: d.buneeva@gmail.com

Information about the author

Darya Yu. Buneyeva – MA (Art Crit.), Junior Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: d.buneeva@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09-3
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-221-227

Паступіў у рэдакцыю 24.01.2017
Received 24.01.2017

А. І. Белая

Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, Баранавічы, Беларусь

МАСТАЦКАЯ АНТРАПАЛОГІЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XX СТАГОДДЗЯ: ВОБРАЗЫ І ПАНЯЦЦІ

Аннотация. Рассматриваются образы-персонажи, имеющие национальную специфику и созданные на основе творческого развития таких традиционных художественных типов, как «маленький человек», «лишний человек», «человек в футляре»; очерчиваются их психологические и ментальные доминанты, особенности идеи и поэтики; акцентируется та сущность типа, которая сближает персонажей разных эпох, различного облика, темперамента, статуса. Выявлен ряд метафорических авторских номинаций человеческих типов/литературных личностей, определена их роль в типологии характеров, эстетическая значимость. Отмечена тенденция литературы переходных эпох к социальной типизации. Обозначено направление трансформации типа-«рефрена» хозяина и авторской концепции собирательных образов в условиях изменившегося мира. Уточняются критерии оценки персонажа как образа и как характера. Исследовано влияние классической и национальной традиций, конкретной социокультурной ситуации на индивидуально-авторское видение человека, что придаёт своеобразие художественной антропологии белорусской прозы первой трети XX века и делает её значительным эстетическим явлением, перспективным для научного исследования.

Ключевые слова: образ-персонаж, образ-характер, типический характер, номинация типа, собирательные образы

Для цитирования. Белая, А. І. Мастацкая антрапалогія ў беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя: вобразы і паняцці / А. І. Белая // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 221–227. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-221-227

A. I. Belaya

Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

ARTISTIC ANTHROPOLOGY IN BELARUSIAN PROSE OF THE FIRST THIRD OF 20th CENTURY: IMAGES AND NOTIONS

Abstract. The article deals with the national features of personages created on the basis of such traditionally typified characters as “a small man”, “a superfluous man”, “a man in the case”. The paper considers their psychological and mental dominants, peculiarities of the ideas and poetics. It centers on the feature of type that brings together characters of different times, appearances, temperaments and status. Authors’ metaphorical nominations of human types / literary persons are singled out and their role in the typology of characters and aesthetic value are described. From the perspective of the modified world the type-“refrain” of the owner and the authors’ concepts of the collective images are presented. The analysis of literary process during transitional periods shows its tendency to social typification. The criteria for the evaluation of personage as an image and personage as a character are outlined. It is concluded that the influence of classical and national literary traditions in combination with the specific socio-cultural situation on the individual author’s vision of a man makes it possible to regard the artistic anthropology of Belarusian prose of the first third of the twentieth century not only as the distinctive aesthetic phenomenon but perspective for scientific research.

Keywords: image as personage, image as individualized character, typified character, nomination of type, collective image

For citation. Belaya A. I. Artistic Anthropology in Belarusian Prose of the First Third of 20th Century: Images and Notions. *Vestsi Natsyianal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 221–227 (in Belarusian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-221-227

© Белая А. І., 2018

Уводзіны. Найбольш важным ідэйна-эстэтычным складнікам канцэпцыі асобы з'яўляецца сістэма мастацкіх вобразаў-характараў, праз якую актыўна рэпрэзентуецца нацыянальнае ўзнаўленне свету і яго асабовае ўспрыманне. Тыпалогія літаратурных персанажаў – гэта групоўка іх у тыпы на аснове пэўнага падабенства характараў. Істотна, што ёй падпарадкуюцца розныя вобразы-тыпы: і па-мастацку дасканалыя, і ўзоры нарматыўнай эстэтыкі, і «васковыя фігуры» (А. Шапенгаўэр). Найбольш прадукцыйным і адпаведным традыцыі ўяўляецца разуменне тыпу як агульных рыс, або дамінанты індывідуалізаваных характараў персанажаў, або інварыянта, які прасочваецца ў варыяцыях. Рухомасць тыпалогіі персанажаў у пэўнай меры адлюстроўвае змену грамадскіх ідэалаў, каштоўнасных установак, рэпрэзентуе канкрэтна-гістарычны змест асобных эстэтычных катэгорый.

Мэта даследавання – удакладненне статусу традыцыйных, класічных, і нацыянальна адметных намінацый літаратурных тыпаў у пераходную эпоху.

Метады. Выкарыстаны комплексны падыход з выкарыстаннем супастаўляльнага, гісторыка-культурнага, структурна-семіятычнага метадаў, метадаў рэцэпцыі, інтэрпрэтацыі.

Асноўная частка. Пісьменнікі заўсёды ўзводзілі да тыпу нейкае мноства асоб сярод патэнцыяльных прататыпаў у жыцці і літаратуры. К. Чорны, філосаф і псіхолаг, у рамане «Сястра» называе гэта вывучэннем у канкрэтнай асобе «чалавечага тыпу… патрэбнага для якога-небудзь твора, які калі-небудзь, магчыма, будзе напісаны» [1, с. 83]. У іншым фрагменце рамана Казімер Ірмалевіч і Абрам Ватасон «ёмка прышпілілі і вымералі» [1, с. 152] чалавечы тып Ваці Браніслаўца. У рамане ёсць выраз К. Чорнага, які можна разглядаць як кантэкстуальна-сінанімічны да паняцця «тыпалогія» – «катэгорыі людскога падзялення» [1, с. 151]. У літаратуразнаўстве 1930–1950-х гг. панаваў пункт погляду на тыповае, які склаўся пад уплывам вульгарна-сацыялагічнага разумення сутнасці мастацкай творчасці. Тыповае павінна было выяўляць сутнасць сацыяльнага асяроддзя і ў сувязі з гэтым – палітычную пазіцыю пісьменніка. З другой паловы 1950-х гг. пачала сцвярджацца думка, што сутнасць тыповага характару ў літаратуры, як і характару чалавека ў рэальным жыцці, складае агульначалавечы змест, а канкрэтную форму яго выяўлення ўтварае спалучэнне сацыяльна-класавага і індывідуальна непаўторнага.

Характары, асабліва ў творчасці аднаго аўтара, часта выступаюць менавіта як варыяцыі, вынік творчага развіцця аднаго тыпа: вяртаючыся да яго, пісьменнікі знаходзяць у ім новыя грані, дабіваюцца эстэтычнай бездакорнасці адлюстравання. Такім тыпам у беларускай прозе «эпохі рубяжа» з'яўляецца тып селяніна.

Паказчыкам фарміравання тыпу персанажа звычайна выступае яго ўстойлівая намінацыя. Часцей за ўсё яе ўводзіў аўтар, свой унёсак рабілі і крытыкі. Устойлівасць намінацый некаторых беларускіх тыпаў абумоўлена іх фальклорнай прыродай. Сказанае вышэй мае адносіны да тыпу «маленькага чалавека». Я. Колас напісаў пра сваіх герояў: «Мае знаёмыя няўзрачны, / Нічым не слаўны і не значны, / Усё людзі простыя, малыя…» [2, с. 443]. Аднак вялікую распаўсюджанасць у беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя мае і намінацыя «сярэдні» чалавек, што экзістэнцыйна можна ўзвесці да адметнасці ментальнай сферы беларусаў як людзей паміж Усходам і Захадам. «Тое, як трансфармуецца той ці іншы персанаж, калі пераводзіцца на мову чужых уяўленняў, характарызуе і носьбіта мовы, і таго, аб кім ён апавядае», – пісаў Ю. Лотман [3]. Нацыянальна адметны тып – «людзі ў сярэднім пер'і». Часцей ён вылучаецца паводле матэрыяльнага ўзроўню герояў. Такія Боханы ў аповесці Л. Калюгі «Утрапенне»: «Роскашы яны не зналі, але й гора не бачылі» [4, с. 507]. Гаспадарлівасць, ашчаднасць, здольнасць да вядзення складаных практычных спраў – асаблівыя дамінанты людзей у «сярэднім пер'і». Агей і Наталля Рагавыя («Камароўская хроніка») жылі не так ужо і багата, але без хлеба ніколі не сядзелі, займаліся рамяством. «Мусіць, яно і рабіла іх спакойнымі і ўпэўненымі». Мала хто ў вёсцы меў столькі «чалавечай годнасці ў выразе твару», як Агеева жонка [7, с. 287–288]. Важную тыпалагічную ролю адыгрываюць і ментальна-псіхалагічныя характарыстыкі герояў. «Гаравы» Змітра з аповесці Л. Калюгі «Ні госць ні гаспадар», таксама ў «сярэднім пер'і чалавек», усяго сабе шукае сярэдняга, памяркоўнага: «як святочнага дня, так добрага суседа» [4, с. 265]. Не будзь горкім, а то праплююць, не будзь салодкім, а то праглынуць, – крэда «сярэдняга» чалавека. «Леў Талстой», піша З. Бядуля ў рамане «Язэп Крушынскі», шэсцьдзясят год «ківаўся… між шчырасцю і фальшам. Быў не

халодным і не гарачым, а нейкім цеплаватым» [2, с. 57]. Людзі з «супрацьлеглых лагераў» лічылі яго сваім чалавекам. У «эпоху рубяжа» гэтая намінацыя змястоўна ўзбагачаецца праз спалучэнне традыцыйнага, нацыянальна-прэцэдэнтнага, з канкрэтна-гістарычным. «Малы чалавек» паступова робіцца «чалавекам "пасярэдзіне", г. зн. на перасячэнні розных поглядаў, ацэнак, звернутых да яго запытаў; чалавекам, які стаіць перад неабходнасцю выбару і пакідае за сабой права не толькі на гэты выбар, але і на выхад у экзістэнцыйную, не дэтэрмінаваную ніякімі знешнімі абставінамі сферу» [5].

Са зменай культурна-гістарычнай парадыгмы адны персанажы зусім знікаюць, іншыя трансфармуюцца: робяцца «героямі часу», дэманізуюцца або ператвараюцца ў стэрэатыпы ці аб'ект пародый. Гэтыя працэсы ўплываюць і на асэнсаванне асноўных эстэтычных катэгорый: гераічнае, трагічнае, камічнае, рамантычнае і інш. У межах даследаванага намі хранатопу заўважна трансфармацыя ўяўленняў пра такі тып персанажа, намінаваны І. С. Тургеневым, як «лішні чалавек», – адзін з вядучых тыпаў у творчасці пісьменніка, прадстаўлены цэлай галерэяй вобразаў-характараў. У традыцыйным разуменні гэта горды адзінокі індывідуаліст. «Лішнія людзі» ў рускай класіцы выступаюць пераважна аб'ектам псіхалагічнага паказу. Іх яднае адчужэнне ад асяроддзя і ў той жа час глыбокая незадаволенасць сабой, «разлад слова і справы» [6, с. 204]. У беларускай прозе першай трэці XX стагоддзя псіхалагізм у паказе «лішняй» гераіні выявіла А. Пашкевіч. Фарміраванне асобы залежыць ад характару яе жыццядзейнасці, што дае аб'ектыўныя падставы для сацыяльнай тыпізацыі (а героі пераходных эпох часцей прадстаўлены ў іх сацыяльных ролях). З сялянскага пункту погляду, выказанага ў рамане П. Галавача «Праз гады», тады ты лішні чалавек на зямлі, калі не маеш на ёй свайго ўласнага месца ці «калі вузак твой шнур на ёй. Зямля таго любіць, хто цвёрда на ёй стаіць, хто шырокім крокам мерае на ёй сваю часціну» [7, с. 143]. Аднак ва ўмовах «эпохі рубяжа» пагроза стаць «лішнімі» павісае якраз над тымі героямі, якіх любіць зямля-ніва. Гэта ўцекачы-выгнанцы часоў Першай сусветнай і, пазней, – моцныя гаспадары. Вінцэнты палохае Лявона Бушмара, што хутка пазганяюць з месцаў хутаранцаў: не будзе «ні хаткі, ні градкі». А Лявон не хоча апынуцца ў нейкай няпэўнай якасці ў калгасе, «за адным [агульным] катлом…» [8, с. 27].

У часы калектывізацыі да тыпу «лішніх» далучаецца шэраг сацыяльных падтыпаў: «нехацімцы», «выхадзімцы» («найболей хісткія людзі…» [9, с. 174], «адступнікі» [9, с. 205]). Урэшце ўзнікае такая сацыяльна-прававая катэгорыя савецкіх грамадзян, як «лішэнцы». Юрку Чыкілевіча (аповесць Я. Коласа «Адшчапенец») «вычысцілі» з ветэрынарнай школы як сына кулака-лішэнца, і «нічога пэўнага не было ў Юркі» [9, с. 213]. Меўся паехаць на лесараспрацоўкі, але бацькі не хацелі адпускаць так далёка і на такую цяжкую работу. Толяк Сегенецкі («Ідзі, ідзі» К. Чорнага) пакутліва, але марна шукае магчымасці ўпісацца ў новую рэчаіснасць, не разбураючы пры гэтым ні свайго свету, ні звыклага ўяўлення пра яго, «не ломячы сябе» [8, с. 219]. Такім выйсцем яму бачыцца паветраны флот, і ён пачынае апантана марыць аб «вольнай дарозе», якая прывядзе яго туды, дзе ўсё ідзе гэтак, як ён прывык змалку. Але думкі Толяка хутка цверазеюць, бо «яму самому ходу няма. І чырвоны генерал, і выдатны лётчык, і ўсё, усё – толькі мары. Трэба нічым не адзначацца ад усіх гэтых навакольных сельсаветчыкаў, камітэтчыкаў, лапцявозаў…» [8, с. 221].

Лішнім чалавекам адчуў сябе пасля рэвалюцыі прафесар Галынскі («Праз гады»), у якога ў жыцці ўжо «не было свайго месца, трэба было шукаць яго» [7, с. 271]. Прычынай адчужэння асобы ад асяроддзя маглі служыць у новым часе і яе каштоўнасна-ідэалагічныя арыенціры. Чырвонаармеец («На варце» З. Бядулі), які, паводле самахарактарыстыкі, такі ж самы чалавек, як і хутаранцы на памежжы: «са шчырасцю цягнецца да людскога шчасця, са шчырасцю спачувае чалавечаму гору…», – усё ж разумее, што ён, бязбожнік, тут «лішні чалавек» [10, с. 126]. Лішнімі ў прагматычна арыентаваным асяроддзі, асабліва ў часы змагання «за інтарэсы жывата» (Я. Колас), рабіліся «неграмадскія людзі», асобы «сацыяльна неаформленых» прафесій – творцы і філосафы, прыхільнікі адзіноты. Гэта ўбачыў у сваім сыне бацька Я. Коласа. Не жадаючы сыну пісарскай долі, ён бачыў, што «гаспадара з хлопца таксама не будзе. Хоць ён і рупны, і старанны, а пра сваё думае, усё цікуе, каб аднаму застацца» [11, с. 59]. Грэе надзею, што сын усё ж прыахвоціцца да гаспадаркі, Ігналя Чвардоўскі («Ні госць ні гаспадар»). Але гэты шлях не для творчай асобы. Мы ўключылі ў тыпалогію дзіцячых вобразаў такі персанаж,

як «запячкоўскае дзіця» [4, с. 243]. З яго фарміруецца «лішні чалавек» тыпу Сымона-музыкі. У кожным асобным выпадку гэта вобраз-характар, які не ўзыходзіць да абагульненага тыпу «запечны народ» (такі мастацкі адменнік паняцця «непасіянарны» выкарыстаў К. Чорны – «Толькі слава тая, што народ» [1, с. 348]). А. Бабарэка ў нататках часоў выгнання ставіць знак роўнасці паміж намінацыямі «лішні чалавек» і «ні госць ні гаспадар». Апошняя прад'яўлена назвай аповесці Л. Калюгі, а таксама сустракаецца ў творах К. Чорнага і Л. Родзевіча. (Адзначым, што згаданая намінацыя ў творах метафарызуецца не заўсёды. Герой рамана К. Чорнага «Зямля» заўважае: мужчына без бабы «ў хаце ні госць ні гаспадар…» [1, с. 420].)

Адчужэнне ад традыцыйнага асяроддзя і яго каштоўнасцей у рознай форме перажываюць маладыя героі Л. Калюгі. Часта яны самі выводзяць сябе за межы традыцыі. «Сялянскія інтарэсы былі даўно чужыя Корабачу» [4, с. 147], на разрыў з жыццёвымі і маральнымі прыярытэтамі сваёй сям'і ідзе Бладзік Мотуз. Аднак Л. Калюга вылучае тып «ні госць ні гаспадар» не толькі паводле псіхалагічных ці сацыяльных дамінант. Гэта сродак рэалізацыі ідэй і каштоўнасцей, значных для аўтара. У творы закладзена глыбокая думка пра асабовую недапраяўленасць герояў і абазначаны вектары іх непазбежнай дынамікі ў бок Дабра або Зла. Паўтаральны тып асобы адносна ўласнасці мае назву «рэфрэн». Беларускай прозе ў цэлым уласцівы «рэфрэн» гаспадара. Ён выяўляе ідэал асабістых паводзін і іх вынік («Няма лепшага панства, чым гаспадарства…»). Але ў працэсе карэнных змен форм уласнасці ідэя і паэтыка гэтага вобраза адчуваюць шэраг трансфармацый. «Ні гаспадары, ні парабкі» [12, с. 173] – гэта сям'я Загонаў на няўдзячнай ніве ў рамане Ц. Гартнага «Сокі цаліны». Калюгаў Арсей Анцішэўчык да пачатку калектывізацыі яшчэ «сам сабе гаспадар» [4, с. 173]. Чыкілевіч у Я. Коласа («Адшчапенец») – «абароцісты, смякалісты чалавек, спрытны гаспадар, жыве наводшыбе». Як вынік – «індывідуальна абложаны… і лічыць, што з ім паступілі несправядліва» [9, с. 117]. Тып-«рэфрэн» гаспадара, зрабіўшыся анамальным у сістэме сацыяльна-эканамічных адносін, рабіўся заганным у эстэтыцы, а ў рэчаіснасці падлягаў вынішчэнню. Нездарма ў рамане З. Бядулі паказана, што гаспадарчыя поспехі Крушынскага абумоўлены ў асноўным асабістымі здольнасцямі, а не пакліканнем часу. Праўда, З. Бядуля ўрэшце вымушаны быў скіраваць гэтыя здольнасці і адносіны ў некампліментарны для героя кантэкст. І Чыкілевіч у аповесці Я. Коласа таксама робіцца «сам сабе больш не гаспадар» [9, с. 213].

Чалавек – важнейшы аб'ект мастацкага адлюстравання. Адносна яго правамоцныя толькі два віды ацэнкі: фактурная (добры або злы, сквапны ці шчодры, разумны ці дурны…) і крытэрыяльная (Саюзнік, Вораг, Свой, Чужы, Іншаземец, Прыхадзень…). Гэта ацэнкі-эталоны, устойлівыя, архетыпавай прыроды, вобразы. У аснове «класавага падыходу» ляжыць «дысбаланс ацэнак з перавагай крытэрыяльнай ацэнкі над фактурнай» [13, с. 39]. У рамане М. Зарэцкага «Вязьмо» ёсць калізія, дзе фактурная ацэнка з цяжкасцю саступае крытэрыяльнай: Вера Засуліч гвалтам вымушае сябе глядзець на Гвардыяніху як на класавага ворага.

Згаданая калізія нясе таксама ідэю супраціўлення «футлярнасці» як «адназначнасці формы» (І. Канчэўскі). Ключавое слова «футляр» у А. Чэхава ўпершыню з'яўляецца пры апісанні знешнасці героя, дакладней, яго касцюма. Былы настаўнік «савслуж» Высаковіч у рамане Л. Калюгі «Пустадомкі» апрануты ў фрэнч. Гэтая дэталь адзення набывае, як і «футляр», уласцівую сімвалу мнагазначнасць. Думкамі і паводзінамі «чалавека ў фрэнчы» таксама кіруюць шаблон, цыркуляр, інструкцыя, але ўжо значна больш пагрозлівыя. Думка, скаваная догмай («формай»), а таксама навязванне, мякка ці гвалтоўна, сваёй мадэлі паводзін іншым складаюць сутнасць «футлярнага» [14, с. 25] тыпу, якая збліжае персанажаў, розных па характары, тэмпераменце, сацыяльным становішчы, прафесіі, сведчыць пра нераз'яднанасць, «роднаснасць» рабства і дэспатызму. Пры гэтым важная менавіта ўзаемасувязь гэтых якасцей, устойлівы псіхалагічны комплекс, а не асобна ўзятая рыса. І. Мележ некалькімі трапнымі штрыхамі акрэсліў падобную сутнасць Башлыкова. Аднак пераклічка асобных матываў і дэталяў не азначае аднатыпнасці герояў. На першы погляд, «футлярную» сутнасць маюць Самсон Самасуй у «Запісках…» А. Мрыя і Лявон Пісака ў апавяданні Л. Родзевіча «Марксісцкі аршын». Але абодва аўтары проціпастаўляюць ёй здаровы сэнс, «сыры», «земляны» мужыцкі розум. Ціск «формы» паслабляецца камічным пафасам.

Героі розных эпох, якія адрознымі шляхамі ідуць да свабоднага самавыяўлення і свабоднага ўзаемадзеяння са светам, выяўляюцца героямі трагічнымі. Паміж імі ўзнікае нечаканая, але, па сутнасці, заканамерная пераклічка. Шапавалаў-Мятлоў («Язэп Крушынскі») трапляе ў сітуацыю трагічнага героя (Эдыпа), які спачатку ўпэўнены: можна пазбегнуць лёсу – трэба толькі сысці з гэтых мясцін, з горада, дзе жывуць людзі, перад якімі ён мае віну. Герой нібыта бярэ свой лёс у свае рукі, робіць яго прадметам асабістай энергічнай дзейнасці, волі. Быццё суб'ектывуецца, убіраецца ў чалавека і адсюль узнаўляецца. Але тым самым рэальныя быццёвыя цяжкасці і праблемы, якія здаваліся спачатку існуючымі па-за чалавекам, па-за «я» і лёгкапераадольнымі, калі пачаць жыць «з сябе», свядома, – раптам усплываюць ужо знутры, як уласныя цяжкасці асобы і яе думкі. Прыходзіць час, калі герой, паводле выразу Г. Гачава, «спыняе рух і пачынае даследаваць сам матор» [15, с. 48].

Чалавечыя характары ў мастацкай творчасці выступаюць не толькі як прадмет пазнання, а і як прадмет, праз які мастак уступае ў канкрэтна-пачуццёвыя зносіны са светам у цэлым, ажыццяўляючы яго мастацкае асваенне. Для гэтага мастаку неабходна выявіць усеагульнае значэнне характэрнага, што магчыма толькі дзякуючы тыпізацыі. Расійскія даследчыкі адзначаюць, што пісьменнікі XIX стагоддзя «мыслілі тыпамі» [14, с. 24]. Гэтую традыцыю ў пэўнай меры ўспрынялі беларускія празаікі ў першай трэці XX стагоддзя. Намінацыямі літаратурнага тыпу часта робяцца трапныя метафары. Асобныя з іх адсылаюць да творчасці пісьменнікаў, якія неаднаразова вярталіся да прывабнага для іх тыпу. Сёмка Загон у Ц. Гартнага – «палявы чалавек»; Павел Зыкаў-Росяк у Я. Нёманскага – «няпэўны чалавек», Самсон Самасуй у А. Мрыя – «паветраны чалавек» і інш. Цэлы шэраг адметных намінацый увёў у айчынную прозу Л. Калюга: «краўцы і чаляднікі»; «штучны чалавек»; «капераціўскі сабака», «пустадомкі». У люстэрку трапных намінацый адбіваецца рухомая тыпалогія персанажаў. «Пустадомкі», асобы без прытулку, зямлі і рамяства, у К. Чорнага пазнаюцца пад іншай намінацыяй: «Калі гэта ўсё нясталыя людзі! За плячыма павінна што-небудзь у чалавека быць, каб заўсёды прыперціся да чаго льга было» [1, с. 389]. Канкрэтная асоба, Мікалай Жыгунец, у рамане «Зямля» характарызуецца трапна-знішчальна: «Гэта не чалавек, а валацуга, пасвісцёл нейкі, бізун, брадзяга» [1, с. 389].

Прыметай стылю многіх твораў, звязаных з часамі грамадскіх трансфармацый, з'яўляюцца збіральныя вобразы. Іх існаванне выяўляе цікавасць пісьменнікаў да агульнага ў розных абліччах. Гэты ракурс паказу чалавека абумоўлены з XIX стагоддзя цікавасцю да праблем народнасці, сацыяльнай псіхалогіі. У ранняй савецкай літаратуры збіральныя вобразы часцей адыгрывалі ідэалагічна-кан'юнктурную, а не эстэтычную ролю, выступаючы прыёмам «сакралізацыі» тэмы народа. Вобразы-карціны натоўпу, мітынгу, сходу і іншыя масавыя сцэны ствараліся на аснове мастацкага сінтэзу рысаў ці рэплік многіх, часта безыменных, асоб, паказаных у сацыяльна-гістарычным аспекце. Асобныя з іх ужо згадваліся намі (камітэтчыкі, актывісты, «нехацімцы», «выхадзімцы» і да т. п.). Персанаж як характар, з аднаго боку, і як вобраз – з другога, маюць розныя крытэрыі ацэнкі. У адрозненне ад характараў, якія падлягаюць ацэнцы ў святле тых або іншых этычных ідэалаў, вобразы ацэньваюцца перш за ўсё з эстэтычнага пункта погляду, г. зн. у залежнасці ад таго, наколькі яскрава, поўна ў іх выяўлена творчая канцэпцыя. Месца абагульненага вобраза-тыпу «добрых людзей» у беларускай прозе можна вызначыць на памежжы этыкі і эстэтыкі. У празаічных творах сустракаюцца розныя варыянты пытання: «Дзе яны ёсць, тыя добрыя людзі?» [4, с. 141]. Пётру Хвалісінаму («Ні госць ні гаспадар») абрыдла матчына казань пра «добрых» ды «чужых» людзей: «Многа гаворкі пра іх. Толькі ні разачку бачыць іх на свае вочы не траплялася» [3, с. 104]. Не менш горкай іроніі ў развагах старога Ярэмчыка («Язэп Крушынскі»). Кароўку Падласую за добрыя якасці яе натуры «можна было параўнаць да вельмі добрага чалавека, якіх Цыпрук у жыцці мала бачыў» [16, с. 413]. Шмат іх, аднак, сярод калюгаўскіх баркаўчан, вобразы якіх выклікаюць і эстэтычныя пачуцці. Гэта людзі «разумныя і змыслыя»; «крыху дзіўныя»; «гаваркія і язычлівыя» – няма людзей лепшых, як баркаўчане! Яны ж і «…людзі трывалыя: што ім жаласнае ні гавары, будуць слухаць, падцмокваць, памогуць бяду бедаваць, а слязы з вока не ўпусцяць» [4, с. 62]. А здарыцца каму без нагляду сахор ці сякеру пакінуць, то нават «самы лепшы, павяроны чалавек» так іх у сябе дома прыхавае, што хоць спалі таго чалавека, то і на папялішчы сваёй рэчы не знойдзеш. Таму падзел паміж

«добрымі» людзьмі, «так сабе» людзьмі і людзьмі-злодзеямі досыць умоўны… М. Лынькоў у рамане «На чырвоных лядах» дае адчуць розніцу паміж «добрымі» людзьмі і добрым чалавекам. Сяргей выклікае асуджэнне «моцных» гаспадароў за тое, што нават у касавіцу цягаецца з вудзільнам, і атрымлівае прысуд: «Нялюдскі ён». Але калі рыбак вылавіў цела забітага панскім лесніком Лявона Ражка, то аднавяскоўцы ўсе «ціхенька-ціхенька ды падаліся хто куды, па сваіх справах», пакінуўшы яго ў вялікім абурэнні: «Ну й народ, ну й людзі. Вот табе, беднаму чалавеку, і памры, дык і пабягуць усе, у вочы табе зірнуць пабаяцца, вочы твае прыплюшчыць…» [17, с. 405]. Надзвычай катэгарычны ў ацэнцы «добрых» людзей Т. Шаўчэнка: «Не так тыя ворагі, / Як добрыя людзі – / І абкрадуць, шкадуючы, / Плачучы, асудзяць, / І запросяць цябе ў хату, / І будуць вітацца, / І распытваць цябе будуць, / Каб потым смяяцца…» [18, с. 170]. Радзівон Цівунчык («Сястра») называе Вацю Браніслаўца «л*ю*дскі чалавек» [1, с. 255]. Гэтую намінацыю нельга выкарыстаць адносна множнасці асоб, у форме «л*ю*дскія людзі». За ёй бачыцца ўнікальнасць, адзінкавасць, індывідуальнасць, не правіла, а выключэнне ў людской грамадзе. І калі спалучэнне «добрыя людзі» гучыць у большасці выпадкаў з іроніяй, то назоў «л*ю*дскі чалавек» яе не дапускае ў прынцыпе.

Толькі аўтарская канцэпцыя пераўтварае ў сістэму характараў сукупнасць персанажаў мастацкага твора. Яе разуменне непазбежна змяшчае элемент суб'ектыўнасці. Але ўсе інтэрпрэтацыі – і адэкватныя канцэпцыі аўтара, і палемічныя адносна яе – павінны ажыццяўляць падыход да «літаратурных асоб» у святле сэнсавага адзінства твора.

Заключэнне. Персанажную сферу беларускай прозы першай трэці XX стагоддзя перш за ўсё і галоўным чынам складаюць сацыяльна-гістарычныя тыпы, але выключна сваёй тыповасцю яны не вычэрпваюцца. Знакам тыпу персанажа выступае яго ўстойлівая намінацыя, у якой адлюстроўваецца дамінанта індывідуалізаваных характараў. На статус намінацыі тыпу прэтэндуюць многія назвы твораў беларускай прозы першай трэці XX стагоддзя, а паказчыкам доўгажыцця тыпаў у літаратуры з'яўляецца частотнасць адпаведных намінацый у розных кантэкстах. Яна, у сваю чаргу, вызначаецца мерай агульначалавечага ў змесце вобраза, што не выключае яго нацыянальнай адметнасці. Беларускі «малы» чалавек – часцей за ўсё герой «у сярэднім пер'і». Адметную асабовую сутнасць у пераходную эпоху адлюстроўвае дэфініцыя «ні госць ні гаспадар» (Л. Калюга, К. Чорны, Л. Родзевіч). Апошняя ступень дэструкцыі асоб гэтага тыпу – «пустадомкі». Абагульнены тып «добрых людзей» прад'яўляецца пераважна ў іранічным дыскурсе (М. Лынькоў, Л. Калюга, К. Чорны, Т. Шаўчэнка). У пераломны час размываецца статус традыцыйных намінацый, у характары героя акцэнтуецца сацыяльны складнік («лішні чалавек»). «Чалавек у фрэнчы» выяўляецца варыянтам «футлярнага» персанажа (Л. Калюга, І. Мележ). Адметнасць экзістэнцыі літаратурных герояў гэтага часу збліжае іх з трагічнымі героямі сусветнай класікі (З. Бядуля). Традыцыйныя вобразы і іх мастацкія варыянты выяўляюць дыялектыку асабовага, аўтарскага ўспрымання свету і адметнасці нацыянальнага светабачання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Чорны, К. Збор твораў: у 8 т. / К. Чорны. – Мінск: Маст. літ., 1973. – Т. 3: Раманы. – 544 с.

2. Колас, Я. Вершы. Паэмы. Апавяданні. Аповесці. Трылогія "На ростанях" / Я. Колас; прадм. М. Мушынскага. – Мінск, 2007. – 1168 с.

3. Лотман, Ю. Структура художественного текста / Ю. Лотман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/lotman_yuriy/struktura_hudogestvennogo_teksta.html. – Дата доступа: 10. 08.2016.

4. Калюга, Л. Творы: раман, аповесці, апавяданні, лісты / уклад., прадм. Я. Лецкі; камент. Н. В. Гаўрош, Т. М. Трыпуцінай /Л. Калюга. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 607 с.

5. Ребель, Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / Г. М. Ребель. – Ижевск, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.rsl.ru/ru/record/01003158320. – Дата доступа: 17. 05. 2010.

6. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. Энцикл., 1987. – 752 с.

7. Галавач, П. Праз гады / П. Галавач. – Мінск: Маст. літ., 1984. – 368 с.

8. Чорны, К. Збор твораў: у 8 т. / К. Чорны. – Т. 4: Аповесці і раманы. – Мінск: Маст. літ., 1973. – 496 с.

9. Колас, Я. Адшчапенец / Я. Колас // Збор твораў: у 20 т. Т. 12: Аповесці; рэд. тома Т. С. Голуб, М. І. Мушынскі; падрыхт. тэкстаў і камент. Т. Р. Строевай; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 518 с.

10. Бядуля, З. Апавяданні / З. Бядуля; уступ. арт.: І. Кудраўцаў. – Мінск: Нар. асвета, 1973. – 160 с.

11. Лужанін, М. Колас расказвае пра сябе / М. Лужанін // Выбраныя творы: у 2 т. – Мінск: Маст. літ., 1993. – Т. 2. – 526 с.

12. Гартны, Ц. Сокі цаліны: Раман у чатырох квадрах / Ц. Гартны. – Т. 1. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1957. – 479 с.

13. Бондырева, С. К. Толерантность (введение в проблему) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Изд-во Моск. соц.-психол. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО "МОДЭК", 2003. – 240 с.

14. Чернец, Л. В. Человек в футляре: литературный тип и его вариации / Л. В. Чернец // Русская словесность. – 2014. – № 2 – С. 24–31.

15. Гачев, Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр / Г. Д. Гачев. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Флинта», 2008. – 288 с.

16. Бядуля, З. Язэп Крушынскі: Раман. Кн. 2 / З. Бядуля // Збор твораў: у 5 т. Т. 5. – Мінск: Маст. літ., 1989. – С. 5–249.

17. Лынькоў, М. Над Бугам: Апавяданні, аповесці, урыўкі з рамана / М. Лынькоў; уклад. З. Пазняк. – Мінск: Маст. літ., 2002. – 446 с.

18. Шаўчэнка, Т. Р. І мёртвым, і жывым, і ненароджаным…: вершы, паэмы, балады / Т. Шаўчэнка; прадм., падрыхт. тэкстаў, уклад., камент. Т. Кабржыцкай, В. Рагойшы. – Мінск: Маст. літ., 2014. – 656 с.

References

1. Chorny K. *Works. Vol. 3. Novels*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1973. 544 p. (in Belarusian).

2. Kolas Ya. *Verses. Poems. Stories. Tales. The trilogy "At the Crossroads"*. Minsk, Kharvest Publ., 2007. 1168 p. (in Belarusian).

3. Lotman Yu. *The structure of the literary text*. Available at: http://royallib.com/book/lotman_yuriy/struktura_hudogestvennogo_teksta.html (Accessed 10 august 2016) (in Russian).

4. Kalyuga L. *Works: novel, novels, short stories, letters.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1998. 607 p. (in Belarusian).

5. Rebel G. M. *Heroes and genre forms in Turgenev's and Dostoevsky's novels (The typological features of Russian literature of the XIX century)*. Izhevsk, 2007. 45 p. (in Russian).

6. Kozhevnikov V. M., Nikolayev P. A. (eds.) *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow, Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 752 p. (in Russian).

7. Galavach P. *Years later*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1984. 368 p. (in Belarusian).

8. Chorny K. *Collected Works. Vol.4. Stories and novels*. Mastatskaya litaratura Publ., Minsk, 1973. 496 p. (in Belarusian).

9. Kolas Ya. *Collected Works. Vol. 12: Tale.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2010. 518 p. (in Belarusian).

10. Byadulya Z. *Stories*. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1973. 160p. (in Belarusian).

11. Luzhanin M. *Selected Works. Vol. 2: Kolas tells about himself.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1993. 526 p. (in Belarusian).

12. Gartny Ts. *Juices of virgin land : a novel in Four squadra. Vol. 1.* Minsk, State Publishing House of the Byelorussian SSR, 1957. 479 p. (in Belarusian).

13. Bondyreva S. K., Kolesov D. V.*Tolerance (introduction to the problem).* Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Psychology and social; Voronezh: MODEK Publ., 2003. 240 p. (in Russian).

14. Chernets L. V. Man in a Case: literary type and its variations. *Russkaya slovesnost* [Russian Literature], 2014, no. 2, pp. 24–31 (in Russian).

15. Gachev G. D. *Richness of artistic forms. Epoch Times. Lyrics. Theater*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University, 2008. 288 p. (in Russian).

16. Byadulya Z. *Collected Works. Vol. 5 :Yazep Krushinsky. Novel.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1989. 249 p. (in Belarusian).

17. Lyn'kou M. *Above Bug :stories, excerpts from the novel*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2002. 446 p. (in Belarusian).

18. Shaŭchenka, T. R. *And the dead and the living, and the unborn ... : poems, ballads,* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2014. 656 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Белая Елена Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры филологии. Барановичский государственный университет (ул. Войкова, 21, 225404, Барановичи, Республика Беларусь). E-mail: alba.57@mail.ru

Information about the author

Elena I. Belaya – Ph. D. (Pedagog.), Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Baranovichi State University (21 Voikov Str., Baranovichi 225404, Belarus). E-mail: alba.57@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 821.161.3.091
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-228-233

Паступіў у рэдакцыю 17.05.2017
Received 17.05.2017

М. У. Мікуліч

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

НОВЫ НАПРАМАК У БЕЛАРУСКІМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ

Аннотация. Обосновывается перспективность исследования белорусской литературы в ее связях и взаимодействии с другими национальными литературами Европы. Отмечается, что, изучая художественные произведения на основе их сопоставительно-познавательного анализа, компаративистика как никакая иная дисциплина, с одной стороны, прослеживает общие тренды развития словесного искусства, а с другой – выявляет самобытные, специфические черты и характеристики историко-литературного процесса. Автор раскрывает характерные особенности сложного научного проекта «Белорусско-европейские литературные взаимосвязи и имагология: мифы, стереотипы, реальность», который выполняется в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (2016–2020). Подчеркивается новаторский характер научно-исследовательских поисков сотрудников отдела взаимосвязей литератур Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. В рамках проекта впервые в литературоведении осуществляется изучение специфики формирования и эволюции образов Испании и испанцев, воплощенных в творчестве белорусских писателей, ведется анализ присутствия в белорусской литературе XX в. идейно-тематических и художественно-образных компонентов, связанных с украинскими национально-культурными реалиями, исследуются образы исторических личностей в восточнославянской прозе начала XXI в., анализируется феномен русских и белорусских этностереотипов, выявленных в творчестве современных русскоязычных поэтов Беларуси. Исследование также предполагает изучение компонентов “своего” и “чужого” в современной белорусской и английской поэзии, анализ эволюции перевода классической и современной польской поэзии на белорусский язык, выявление этапов развития версификационных преференций переводчиков в польских поэтических произведениях, которые имеют белорусскоязычные переводы и др.

Ключевые слова: сравнительно-типологический, имагология, творческая индивидуальность, влияние, национальное сознание, менталитет, специфика, литературный процесс

Для цитирования. Мікуліч, М. У. Новы напрамак у беларускім літаратуразнаўстве / М. У. Мікуліч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 228–233. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-228-233

M. U. Mikulich

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

NEW DIRECTION IN BELARUSIAN LITERARY CRITICISM

Abstract. The prospects of literature research in its connections and interaction with other national literatures are substantiated. The comparative studies, which investigate the art works on the basis of their comparative and cognitive analysis, like no other discipline, on the one hand, trace the general trends in the development of the verbal art, and on the other, reveal the distinctive, specific features and characteristics of the historical literary process. The author reveals the characteristic features of the complex scientific project “Belarusian-European Literary Interrelations and Imagology: Myths, Stereotypes, Reality”, which is carried out within the State Program of Scientific Research “Economy and Humanitarian Development of the Belarusian Society” (2016–2020). The innovative character of the researchers of the Department of Literature Interrelations of the Center for Belarusian Culture, Language and Literature Studies of the National Academy of Sciences of Belarus is underlined. Within the project, for the first time in literary studies, the specific features of the formation and evolution of the images of Spain and the Spaniards, embodied in the works of Belarusian writers, are being studied. The analysis of the presence of the ideological, thematic, artistic and figurative components associated with Ukrainian national and cultural realities in the Belarusian literature of the 20th century, is being conducted. The images of historical personalities in the Eastern Slavonic prose of the beginning of the 21st century as well as the phenomenon of Russian and Belarusian ethnostereotypes, which are revealed in the works of the contemporary Russian-speaking poets of Belarus, are being analyzed. The work also involves the investigation of the components of “one’s own” and “another’s” in the contemporary Belarusian and English poetry, the analysis of the evolution of classical and modern Polish poetry translation into the Belarusian language, revealing the stages in the development of translators’ preferences in the Belarusian-language variants, etc.

Keywords: comparative, typological, Imagology, creative individuality, influence, national consciousness, mentality, specificity, literary process

For citation. Mikulich M. U. New direction in Belarusian literary criticism. *Vestsi Natsyianal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 228–233 (in Belarusian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-228-233

© Мікуліч М. У., 2018

Адным з самых актуальных і прадукцыйных напрамкаў развіцця сучаснага літаратуразнаўства з'яўляецца вывучэнне літаратуры ў яе сувязях і ўзаемадзеянні з іншымі нацыянальнымі літаратурамі. Яно дыктуецца комплексам як уласна гісторыка-культурных фактараў, так і сацыяльна-эканамічных, а таксама ідэйна-палітычных абставін і акалічнасцей. Вывучэнне міжлітаратурных сувязей і міжлітаратурнага ўзаемадзеяння грунтуецца на параўнанні, выяўленні падабенстваў і адрозненняў літаратурных з'яў і працэсаў, а гэта значыць – на ўстанаўленні і апісанні іх сапраўднага зместу, індывідуальнай сутнасці, своеадметнасці і непаўторнасці. Падобнае даследаванне сёння знаходзіцца ў рэчышчы актыўных інтэграцыйных працэсаў, якія адбываюцца ў Еўропе і свеце. «У сучасных умовах, – адзначаюць Т. Кабржыцкая і М. Хмяльніцкі, – актуалізуецца палілог паміж рознымі культурамі, назіраецца ўстойлівая неабходнасць ведання сацыякультурных каштоўнасцей мастацтва, традыцый і свайго, і іншых народаў. Працэсы самапазнання спрыяюць фарміраванню адпаведных супастаўляльна-пазнавальных вектараў успрымання, якія выступаюць у ролі пасрэднікаў у міжкультурнай камунікацыі» [2, с. 5].

Вывучаючы мастацкія творы на аснове іх супастаўляльна-пазнавальнага аналізу, параўнальнае літаратуразнаўства або кампаратывістыка (ад лац. comparativus – параўнальны), як ніякая іншая дысцыпліна, прасочвае, з аднаго боку, агульныя трэнды развіцця літаратурных з'яў і рэчаў, а з другога − выяўляе самабытныя, спецыфічныя рысы і характарыстыкі гісторыка-літаратурнага працэсу і яго чыннікаў. Многія сучасныя еўрапейскія вучоныя лічаць літаратурную кампаратывістыку своеасаблівай «метанавукай», якая, па словах украінскага даследчыка Д. Налівайкі, «займае і сінтэзуе розныя галіны літаратуразнаўства на парадыгмальным узроўні» 3, с. 127]. Вядомы прадстаўнік Амерыканскай асацыяцыі параўнальнага літаратуразнаўства Ч. Бернгеймер перакананы, што параўнанне будзе асноўным стрыжнем усіх далейшых літаратуразнаўчых распрацовак [1, s. 145].

У 2016 годзе гуманітарыі Беларусі пачалі працу над выкананнем Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства», разлічанай на пяць гадоў (2016–2020 гг.). У рамках праграмы намаганнямі супрацоўнікаў аддзела ўзаемасувязей літаратур Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі выконваецца складаны праект «Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія: міфы, стэрэатыпы, рэальнасць».

Імагалогія – гэта найноўшы напрамак у сучаснай гуманітарыстыцы і культуры, які базіруецца на даследаванні ўстойлівых стэрэатыпных вобразаў «іншых», «чужых» этнасаў, народаў, культур, краін – іншародных для суб'екта ўспрымання. Маючы міждысцыплінарны характар, яна развіваецца на глебе сінтэзаванага выкарыстання багатага і шматстайнага матэрыялу этналогіі, гісторыі, культуралогіі, фальклору, мовы, літаратуры, мастацтва і іншых крыніц і звернута да выпрацоўкі агульнай стратэгіі рэцэпцыі этнастэрэатыпаў «іншых», «чужых» у прасторы пэўнай нацыянальнай свядомасці.

Літаратура як від мастацтва надзвычай глыбока і ўсебакова адлюстроўвае чалавечыя характары, асаблівасці мовы, паводзін і ўчынкаў герояў, стэрэатыпы будзённай свядомасці, якія сфарміраваліся ў пэўным нацыянальным ці сацыяльным асяроддзі, ярка і паўнакроўна выяўляе прыроду людскіх стасункаў і ўзаемадачыненняў і ў цэлым нацыянальны тып ментальнасці. Вобразы пэўных нацыянальных супольнасцей (імагатыпы) у творах мастацкай літаратуры выступаюць у асабліва ўстойлівай і характарыстычнай якасці. «Іменна літаратуры, − лічыў адзін з вядучых усходнеславянскіх літаратуразнаўцаў-імаголагаў В. Хораў, − па прычыне яе эмацыянальнага ўздзеяння і асаблівасцей мовы выпадае пераважная роля ў замацаванні тых ці іншых форм грамадскай свядомасці і псіхалогіі» [4, с. 156].

У калектыўнай працы акадэмічных даследчыкаў упершыню ў літаратуразнаўстве ажыццяўляецца вывучэнне спецыфікі фарміравання і эвалюцыі вобразаў Іспаніі і іспанцаў, увасобленых у творчасці беларускіх пісьменнікаў.

Выканаўца задання «Вобраз Іспаніі і іспанцаў у беларускай літаратуры» старшы навуковы супрацоўнік А. В. Вальчук зыходзіць з таго, што беларуска-іспанскія культурна-літаратурныя ўзаемасувязі маюць даўнюю гісторыю, а таму існуе неабходнасць раскрыць адметнасць уяўленняў пра паўднёваеўрапейскую краіну і яе жыхароў на айчынных абшарах у розныя эпохі.

Паколькі значную ролю ва ўспрыманні «чужога» адыгрывалі стэрэатыпныя ўяўленні, сфарміраваныя ў іншых нацыянальных асяроддзях, то варта вызначыць ступень іх уздзеяння на працэс крышталізацыі згаданага вобраза ў беларусаў.

Матэрыял такіх твораў, як «Хроніка Быхаўца», трактат «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе» А. Волана, «Жыцці святых Старога і Новага Запаветаў» П. Скаргі, «Карціны еўрапейскіх двароў XVII ст.» С. Паца, дзённік Альбрэхта Станіслава Радзівіла і інш., дазволіць прасачыць спецыфіку аўтарскай перцэпцыі чужой краіны і яе этнасу на працягу XVI–XVII стст.

Зварот да «Дыярыуша» Ю. Харкевіча, у якім прысутнічаюць апісанні прыродна-кліматычных умоў, флоры і фаўны, непаўторнасці архітэктурнага стылю не толькі свецкіх, але і культавых збудаванняў, побыту, а таксама культурных традыцый іспанскіх рэгіёнаў, дасць магчымасць вызначыць ступень яго ўплыву на выпрацоўку этнастэрэатыпаў у свядомасці насельніцтва Рэчы Паспалітай XVIII ст. у дачыненні да краіны на Іберыйскай паўвыспе.

Прысутнасць у творчасці А. Міцкевіча матываў, канцэптаў, звязаных з Іспаніяй, дае падставы для асэнсавання адметнасці аўтарскай інтэрпрэтацыі іспанскай тэматыкі, раскрыцця яе ўплыву на станаўленне чытацкага погляду на паўднёваеўрапейскую дзяржаву. Аналіз успамінаў ураджэнцаў беларускіх абшараў, якім у XIX ст. удалося наведаць Іберыйскую паўвыспу (Ф. Булгарын, А. Галынскі), будзе садзейнічаць выяўленню прыкмет трансфармацыі падыходаў да «іншага» ў свядомасці прадстаўнікоў Новага часу.

Паколькі ў 30-я гг. XX ст. фарміраванне ўяўленняў беларусаў пра краіну на поўдні Еўропы і яе народ адбывалася праз прызму палітычных падзей, а менавіта Грамадзянскай вайны 1936–1939 гг., падзеі якой былі адлюстраваны ў творчасці Я. Купалы, В. Таўлая, іншых пісьменнікаў, то варта асэнсаваць ролю гэтых аўтараў у эвалюцыі поглядаў беларусаў на іспанскі свет у адзначаны перыяд. Разгляд перакладаў дазволіць раскрыць спецыфіку ўспрымання і ўвасаблення адрознай ад беларускай карціны свету айчыннымі аўтарамі.

Асэнсаванне розных аспектаў апазіцыі «свой/чужы» ў кантэксце ўзаемадачыненняў з Іспаніяй паглыбіць разуменне сутнасці менталітэту беларусаў, выявіць адметнасць іх пазіцыянавання сябе ў іншанацыянальным асяроддзі, будзе садзейнічаць пашырэнню і інтэнсіфікацыі кантактаў паміж абедзвюма краінамі на сучасным этапе.

Вывучаючы беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі XIX ст. у імагалагічным аспекце, выканаўцы калектыўнага праекта ажыццяўляюць складаны працэс размежавання беларускага і польскага кампанентаў у мастацкіх творах гэтага перыяду з апорай на стэрэатыпы ўзаемаўспрымання прадстаўнікамі этнічных груп былой Рэчы Паспалітай. Так, малодшы навуковы супрацоўнік Н. Л. Бахановіч абгрунтоўвае наватарскую гіпотэзу аб тым, што ў XIX ст. беларускі дыскурс асвятляецца ў літаратуры суседзяў не ў якасці геаграфічнага прыдатку да іх тэрыторыі, а як спецыфічная духоўная прастора, дзе сканцэнтраваны станоўчыя традыцыі многіх пакаленняў. Даследчыца паказвае, што падобная праблематыка не носіць аднабаковы характар: у беларускай нацыянальнай літаратуры прысутнічаюць творы, у якіх прадстаўлены польскі дыскурс. Паколькі заяўленае праблемна-тэматычнае поле ўключае вялікі спектр пытанняў творчых узаемадзеянняў і ўзаемаўплываў, непасрэдных і апасродкаваных кантактаў, феномен літаратуры памежжа, узаемную рэцэпцыю і ўзаемны пераклад, то даследаванне вядзецца з улікам ролі беларускага комплексу ўплываў на польскае мастацтва слова (у прыватнасці, у эстэтычных кірунках пазітывізму і рамантызму), а таксама польскага – на беларускае (увасабленне беларускай ментальнасці моўнымі сродкамі іншага народа і інш.). Праца ажыццяўляецца шляхам адбору ілюстрацыйных мастацкіх тэкстаў для аналізу з мэтай выпрацоўкі крытэрыяў дыферэнцыяцыі айчыннага і польскага дыскурсу ў шматнацыянальным культурным полі. Аналіз ідэйна-мастацкіх структур і сістэмы эстэтычных сродкаў выбраных мастацкіх тэкстаў скіраваны да вобразаў «сябе» і «іншага» ў паэтыцы твораў.

Выяўленне спецыфікі нацыянальнага бачання «саміх сябе» як прадстаўнікоў асобнага этнасу падчас змен на працягу XIX ст., г. зн. у сітуацыі адсутнасці дзяржаўнасці, паглыбіць бачанне сучаснымі беларусамі гісторыі свайго народа. Гэта дазволіць ім атрымаць больш поўнае ўяўленне пра месца сваёй краіны ў еўрапейскай гісторыі і будзе стымуляваць грамадскую су-

польнасць на далейшыя эфектыўныя пошукі шляхоў умацавання сваёй ролі ў навуковай, культурнай і эканамічнай прасторы Еўропы і свету.

У калектыўным даследаванні акадэмічных кампаратывістаў вядзецца вывучэнне прысутнасці ў беларускай літаратуры XX стагоддзя ідэйна-тэматычных і мастацка-вобразных кампанентаў, звязаных з украінскімі нацыянальна-культурнымі рэаліямі. Цікавасць да ўкраінскай тэмы з боку многіх беларускіх пісьменнікаў можна ахарактарызаваць як традыцыйную і знакавую, бо абумоўлена яна не толькі шматвекавым вопытам добрасуседскіх узаемаадносін, але і пэўнымі сацыяльна-культурнымі, а таксама грамадска-гістарычнымі падзеямі. У рамках праекта намаганнямі аднаго з галоўных беларускіх украіністаў, старшага навуковага супрацоўніка Ж. С. Шаладонавай плануецца ажыццявіць выбарку айчыннага мастацкага матэрыялу на прадмет наяўнасці ў ім украінскай тэматыкі, абгрунтаваць прычыны звароту да яе беларускіх аўтараў, абазначыць яго частотнасць, праблемна-тэматычныя прыярытэты, ахарактарызаваць ідэйна-эстэтычныя вартасці твораў і сэнсаўтваральны патэнцыял вобразаў з выхадам да разгорнутых ментальных характарыстык. Як правіла, гэта быў зварот да знакавых у гісторыі і культуры Украіны асоб, сацыяльна-гістарычных фактаў, бытавых з'яў і тапаграфічных элементаў (прыродных і сацыяльна-культурных). Усе яны даносяць да чытача разнастайныя і каларытныя вобразы Украіны, перадаюць асаблівасці індывідуальна-аўтарскага ўспрымання, змяшчаюць ментальную абумоўленасць, магчымую стэрэатыпнасць. У працэсе даследавання плануецца паказаць, якім чынам украінскі дыскурс уплывае на вобразна-тэматычнае поле беларускага прыгожага пісьменства, як ён пашырае абсягі пазнання народаў свету і больш выразна акрэслівае беларускую нацыянальна-культурную прастору.

Адным з раздзелаў гісторыі літаратуры і адначасова важнай сферай кампаратывісцкага дыскурсу з'яўляецца гісторыя рэгіянальных літаратур, што прадстаўлены супольнасцямі, утворанымі ў пэўных прасторавых каардынатах. Усходнеславянская літаратурная супольнасць – беларуская, руская і ўкраінская літаратуры – адна з іх. Унутры гэтай супольнасці існуе адзінства паміж літаратурамі, але выразна заўважныя нацыянальныя адрозненні, якія па-рознаму выяўляюцца ў межах асобнага гісторыка-культурнага кантэксту. На сённяшні час бачыцца асабліва актуальным даследаваць нацыянальныя літаратуры ў агульным для ўсходніх славян сучасным гісторыка-культурным кантэксце – пачатку XXI ст., бо менавіта на гэтым этапе адбываецца закладка і станаўленне новых літаратурных традыцый. Разам з тым станаўленне новых літаратурных традыцый і фарміраванне вобразнай сістэмы літаратуры адбываецца праз асэнсаванне мінулага, сваёй нацыянальнай і іншанацыянальнай гісторыі.

Як вядома, гісторыю ствараюць асобы, а разуменне і мастацкае адлюстраванне іх здзяйсненняў, матывіроўкі пэўных учынкаў, характараў, што паўплывалі на ход гісторыі, ляжаць у аснове асэнсавання гістарычнай мінуўшчыны. Таму надзвычай важнае значэнне з пункту погляду паспяховага выканання калектыўнага даследавання мае раздзел «Вобразы гістарычных асоб ва ўсходнеславянскай прозе пачатку XXI стагоддзя», аўтарам якога з'яўляецца навуковы супрацоўнік Н. В. Якавенка. Ён прадугледжвае параўнальнае вывучэнне мастацкіх вобразаў уласных нацыянальных і чужых (іншанацыянальных) гістарычных асоб у сучасным беларускім, рускім і ўкраінскім эпасе.

Апошнім часам у асяроддзі акадэмічных літаратуразнаўцаў саспела імкненне «ўпісаць» у айчынны навуковы кантэкст практычна не вывучаны пласт літаратуры (і паэзіі, у прыватнасці) на рускай мове, для чаго ў межах калектыўнага праекта ўпершыню ў філалогіі робіцца спроба ахарактарызаваць яе з пункта гледжання прыналежнасці альбо да рускага, альбо да беларускага нацыянальна-культурнага поля. У працы ўпершыню ў навуцы будзе прааналізаваны феномен рускіх і беларускіх этнастэрэатыпаў, выяўленых у творчасці сучасных рускамоўных паэтаў Беларусі. Для гэтага плануецца раскрыць і асэнсаваць спосабы фарміравання і мастацкай рэпрэзентацыі нацыянальнай карціны свету шляхам выяўлення найбольш характэрных, паўтаральных этнічных стэрэатыпаў, а таксама рыс рускага і беларускага менталітэту ў творчасці айчынных паэтаў, якія пішуць на рускай мове. У рамках даследавання рускамоўнай паэзіі Беларусі будзе вызначана ступень яе адчужэння ад «літаратуры метраполіі», а таксама нацыянальна-культурная прыналежнасць творчасці найбольш значных паэтычных асоб у межах беларускай літаратурнай

прасторы. Разуменне асаблівасцей рускага і беларускага этнасаў, якія трансліруюцца праз літаратуру, можа істотна палегчыць з дапамогай усталявання ўзаемаадносін паміж суб'ектамі гэтых этнічных груп праз успрыманне хараства і сілы рускамоўнага паэтычнага слова.

Даследаванне кампаратывістаў таксама прадугледжвае выяўленне канцэптаў «свайго» і «чужога» ў сучаснай беларускай і англійскай паэзіі. Супастаўленне канцэптаў з мэтай раскрыцця філасофска-эстэтычнага напаўнення гэтых паняццяў, тыпалагічных сыходжанняў і разыходжанняў у індывідуальна-аўтарскіх трактоўках – паказальны маркер нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці і ўспрымання беларускага і англійскага народаў праз прызму нацыянальнай ментальнасці. У адпаведным раздзеле працы яго выканаўцам малодшым навуковым супрацоўнікам Т. П. Барысюк ставяцца задачы выявіць ідэйна-эстэтычную спецыфіку архетыпаў «свайго» і «чужога» ў сучаснай беларускай і англійскай паэзіі, раскрыць адметны нацыянальны характар беларусаў і англічан на матэрыяле паэзіі, прасачыць асаблівасці ўспрымання аўтарамі «сваіх» і «чужых» прыроды і культуры, акрэсліць спецыфіку вобраза падарожжа як спосабу азнаямлення лірычнага героя са »сваёй» і «чужой» прыродай і культурай, ахарактарызаваць асаблівасці Мінскага і Лонданскага тэкстаў у сучаснай беларускай і англійскай паэзіі і інш.

Імагалагічны аналіз плануецца ажыццявіць на шырокім матэрыяле англа-беларускіх паэтычных перакладаў, што назапашваўся ў Беларусі на працягу XX – пачатку XXI ст. Яго факталагічная база налічвае больш за дзве тысячы тэкстаў (арыгіналы і пераклады), якія належаць васьмідзесяці шасці англамоўным аўтарам і больш, чым дзевяноста беларускім перакладчыкам. У якасці крытэрыю для адбору і класіфікацыі вобразаў выканаўца задання навуковы супрацоўнік І. П. Бязлепкіна плануе ўзяць такую іх характарыстыку, як архетыповасць, паколькі адной з асноўных уласцівасцей літаратурнага архетыпу з'яўляецца яго высокая ступень абагульнення. Архетыповы вобраз прадугледжвае не толькі наяўнасць універсальнага, агульначалавечага значэння, але і шматварыянтнасць яго выражэння, культурны рэлятывізм, адметную нацыянальную афарбоўку, прадыктаваную міфалогіяй і фальклорам кожнага асобнага народа. З аднаго боку, мы маем універсальнасць архетыповага вобраза як спрыяльную ўмову для максімальна адэкватнай перадачы вобразнай канвы арыгінала. З другога боку, нацыянальна замацаваныя характарыстыкі архетыпу, угрунтаваныя ў фальклорныя традыцыі народа, ствараюць тыя самыя межы перакладальнасці зместу, падчас не дазваляючы пераадолець генетычныя адрозненні моўных і культурных сістэм.

Праца прадугледжвае наступныя практычныя задачы – адлюстраваць тыповыя схемы англа-беларускага перакладу мастацкіх вобразаў, якія дазволяць практыкуючым выкладчыкам замежнай мовы і літаратуры фарміраваць адэкватнае ўяўленне пра тое, якім чынам мастацка-вобразныя рэаліі англійскай літаратуры адлюстроўваюцца ў перакладах культурырэцыпіента. Не меншае значэнне будзе мець распрацоўка першага навукова-каментаванага «Бібліяграфічнага даведніка англа-беларускіх паэтычных перакладаў», якая ажыццяўляецца паралельна.

У рамках даследавання ў святле найноўшых навуковых канцэпцый упершыню ў літаратуразнаўстве аналізуецца эвалюцыя перакладу класічнай і сучаснай польскай паэзіі на беларускую мову, выяўляюцца этапы развіцця версіфікацыйных прэферэнцый перакладчыкаў у польскіх паэтычных творах, якія маюць беларускамоўныя пераклады, т. зв. факты «іншасці» (инаковости – *рус.*; otherness – *англ.*) – супрацьлеглых, супрацьпастаўленых элементаў: *сваё – чужое*, *гэтае – тое*, *я – іншае*, *заходняе – усходняе*, у дадзеным выпадку *польскае – беларускае*, вывучаюцца перакладчыцкія стратэгіі іх асваення. Для гэтага на багатым і шматстайным матэрыяле – у беларускіх перакладах польскай паэзіі ў супастаўленні з арыгіналам – выканаўца задання старшы навуковы супрацоўнік С. Л. Мінскевіч выяўляе ўзоры пераадолення і асваення «іншасці», тыя ўстойлівыя лексічныя адзінкі, якія запатрабавалі ў беларускага перакладчыка дадатковага асэнсавання і паняційна-вобразнага падбору, у адрозненне ад лагічна-даслоўнага перакладу. Гэта дазволіць устанавіць сыходжанні і адрозненні пэўных анталагічных, аксіялагічных, архетыпных з'яў польска-беларускага дыскурсу, а пры іх супастаўленні дасць магчымасць у цэлым акрэсліць пункты судакранання беларускай і польскай, як суседскай, вітальных пазіцый на гістарычным, літаратуразнаўчым і культуралагічным узроўнях.

Такім чынам, у даследаванні акадэмічных кампаратывістаў «Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія: міфы, стэрэатыпы, рэальнасць» выяўляюцца дамінантныя характарыстыкі інтэгральнай асновы духоўна-эстэтычнага свету беларускай і еўрапейскіх літаратур – рускай, украінскай, польскай, англійскай, іспанскай і інш. Несумненна, яно будзе садзейнічаць далейшаму развіццю духоўных і сацыякультурных сувязей паміж народамі Беларусі і Еўропы, умацаванню паміж імі даверу і ўзаемаразумення, дружбы і супрацоўніцтва.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Neiwspółmierność. Perspektywy nowoczesnej komparatystyki: Antologia / pod red. Tomasza Bilczewskiego. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010. – 358 s.

2. Кабржыцкая, Т. В. Актуальнасць гісторыка-параўнальнага вывучэння тэксту / Т. В. Кабржыцкая, М. М. Хмяльніцкі // Гісторыя славянскіх літаратур і праблемы іх параўнальнага вывучэння: тэорыя і практыка: вучэб. дапам. / склад. П.І. Навойчык; пад агул. рэд. Т. В. Кабржыцкай і М. М. Хмяльніцкага. – Мінск: БДУ, 2015. – С. 4–6.

3. Налівайка, Д. С. Літаратурная кампаратывістыка ўчора і сёння / Д. С. Налівайка; пер. з укр. Г. Латушка, Р. Латушка // Гісторыя славянскіх літаратур і праблемы іх параўнальнага вывучэння: тэорыя і практыка: вучэб. дапам. / склад. П.І. Навойчык; пад агул. рэд. Т. В. Кабржыцкай і М. М. Хмяльніцкага. – Мінск: БДУ, 2015. – С. 104–127.

4. Хорев, В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: имагологические очерки / В. А. Хорев. – М.: Индрик, 2005. – 231 с.

References

1. Discrepancy. Perspectives of Modern Comparative Studies: Anthology; edited by Tomasz Bilczewski. Cracow: Jagiellonian University Press, 2010, pp. 358.

2. Kabrzhytskaya T. V., Khmialnitsky M. M. The Relevance of the Historical and Comparative Study of the Text. History of Slavonic Literature and the Problems of their Comparative Study: Theory and Practice: Textbook, comp. by P. I. Navoichyk; under the ed. of T. V. Kabrzhytskaya and M. M. Khmialnitsky. Minsk: BSU, 2015, pp. 4–6 (in Belarusian).

3. Nalivaika D. S. Comparative Literature Yesterday and Today; transl. from the Ukrainian by G. Latushka, R. Latushka. History of Slavonic Literature and the Problems of their Comparative Study: Theory and Practice: Textbook, comp. by P. I. Navoichyk; under the ed. of T. V. Kabrzhytskaya and M. M. Khmialnitsky. Minsk: BSU, 2015, pp. 104–127 (in Belarusian).

4. Horev V. A. Poland and Poles in the Russian Writers' Eyes: Imagological Essays. – Moscow: Indrik, 2005, 231 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Микулич Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом взаимосвязей литератур. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com

Information about the author

Mikalai U. Mikulich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Literature Interrelations, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mikmik43@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 342
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-234-242

Поступила в редакцию 10.01.2018
Received 10.11.2018

И. В. Минникес

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного юридического университета, Иркутск, Россия

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ различий регулирования статуса собственности и права собственности в конституциях ряда стран. Исследование осуществлялось по трем направлениям. Во-первых, проанализировано, как именно собственность представлена в конституционных нормах. Изучение текстов конституций позволило установить, что вопрос о собственности представлен либо как субъективное право гражданина, либо как экономико-правовая категория (форма собственности), либо суммой того и другого. Во-вторых, сравнивается объем конституционного регулирования. В зависимости от этого предлагается выделить краткую, умеренную и детализированную модель конституционного регулирования собственности. В-третьих, установлены различия по характеру (виду) конституционных норм, регулирующих отношения собственности. Они могут быть сформулированы либо как нормы-установления, либо как нормы-гарантии.

Ключевые слова: гражданское законодательство, Конституция, конституционное право, сравнительное гражданское право, право собственности, право собственности в Конституции

Для цитирования. Минникес, И. В. Конституционные гарантии прав собственности в зарубежных странах / И. В. Минникес // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 234–242. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-234-242

I. V. Minnikes

The Irkutsk Institute (affiliation) of the All-Russian State University of Justice, Russia

CONSTITUTIONAL REGULATION OF OWNERSHIP

Abstract. Comparative legal analysis of the differences in the regulation of status of ownership and property right in the constitutions of a number of countries were conducted in the article. The study was executed in three directions. First, it is analyzed how exactly the property is represented in the constitutional norms. The study of the texts of the constitutions made it possible to establish that the question of property is represented either as a subjective right of a citizen, or as an economic and legal category (form of ownership), or as a sum of both. Secondly, the volume of constitutional regulation is compared. Depending on this, it is proposed to outline a brief, medium and detailed model of constitutional property regulation. Thirdly, there are differences in the nature (form) of the constitutional norms governing property relations. They can be formulated either as a norm-setting, or as a guarantee norm.

Keywords: civil legislation, Constitution, constitutional law, comparative civil law, ownership, ownership in the Constitutitution

For citation. Minnikes I. V. Constitutional Regulation of Ownership. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 234–242 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-234-242

Собственность и ее «правовая форма» – право собственности – во все времена были предметом особого внимания экономистов, философов, политологов и, конечно, юристов. Собственность и право на нее – приоритетная правовая ценность: «Человечество не может обходиться без права собственности. Цивилизация на протяжении веков развивала это право. И в настоящее время именно это имущественное право составляет основу функционирования правовой системы всех развитых стран» [3, с. 21].

© Минникес И. В., 2018

История нового и новейшего времени предлагает примеры различного отношения к данному феномену – от абсолютизации до полного отказа, от лозунгов о «священности и неприкосновенности» института до признания «вселенским злом», лежащим в основе всех общественных проблем и социальных катаклизмов. Избегая крайностей, правовые системы современных государств активно развиваются, совершенствуются, синтезируют новые институты и интегрируют элементы, ранее выработанные общемировым опытом. Важным для правильного понимания значения права собственности в общественной, и в особенности правовой, жизни любого государства является отказ от его «одномерной», чрезмерно политизированной и пристрастной оценки. С другой стороны, узкоотраслевой утилитарный подход также неверен. Право собственности нельзя считать сугубо гражданско-правовым институтом, поскольку оно включает нормы различных отраслей и подотраслей права.

Конституционное право, являясь базовой отраслью национального права, не осталось в стороне от регулирования данного вопроса.

Провозглашение Конституции Основным законом государства подразумевает, что нормы, содержащиеся в иных источниках, должны соответствовать ей. Это правило действенно в отношении любого института и отрасли, в том числе и в отношении собственности.

Конституционное регулирование отношений, связанных с правом собственности, может быть весьма разнообразным. В одних конституциях право собственности представляет собой развернутый комплекс статей, а в других – одно-два положения; в одном государстве право собственности занимает одно из первых мест в статьях основного закона, а правотворческие органы других государств не сочли нужным вводить право собственности в число ведущих положений конституции и т. п.

Место и роль собственности в конституционных актах, содержание и формы конституционно-правового регулирования данной сферы отношений неоднократно становились предметом рассмотрения. К этой проблеме обращались как советские, так и современные исследователи: С. Н. Братусь, О. А. Красавчиков, Ю. К. Толстой, Г. Н. Андреева, Л. Ю. Кузнецова, В. Д. Мазаев, А. Н. Самочкин [1; 2; 5–9].

Многообразие конституционно-правового регулирования отношений собственности порождает необходимость упорядочения различных подходов законодателя к конституционному статусу собственности.

Предварительный анализ содержания и форм конституций зарубежных государств позволил выделить как минимум три различных направления, в русле которых находятся самые главные отличия в конституционно-правовом регулировании отношений собственности:

– *направление первое:* различия в подходах к категории собственности. Собственность в конституциях может быть представлена как экономическая основа государства (в этом случае речь идет, прежде всего, о формах собственности), как субъективное право гражданина и в сочетании тех и других норм;

– *направление второе:* различия в объеме регулирования отношений собственности. Собственность в статьях конституций может присутствовать в кратком, умеренном и детализированном изложении;

– *направление третье:* различия по характеру (виду) конституционных норм, регулирующих отношения собственности. В конституциях зарубежных государств применяются нормы-установления и нормы-гарантии.

Рассмотрим тексты конституций зарубежных государств в контексте выделенных направлений.

1. Направление первое: различия в подходах к категории собственности.

Первое направление компаративистского исследования решает вопрос, как именно собственность представлена в конституционных нормах: как право гражданина или как экономико-правовая категория, чаще всего отраженная в понятии форм собственности.

Применительно к частной собственности Ю. Н. Хлуднева видит именно эти два подхода, правда, называя их «аспектами»: «частная собственность в конституциях зарубежных стран закрепляется, как правило, в двух аспектах: как элемент общественного строя и многоукладной экономики государства… и как основное экономическое право человека и гражданина» [10, с. 49].

Представляется, что в конституционных нормах собственность может регламентироваться как экономическая основа государства, как субъективное право гражданина и как комплекс того и другого.

Как субъективное право собственность рассматривается, в частности, в Конституции США, Дании, Испании, Швеции, Таиланда и др.

Так, ст. 33 *Конституции Испании* содержит следующие положения:

«1. Признается право на частную собственность ее наследования.

2. Социальная функция этих прав ограничивает их содержание в соответствии с законами.

3. Никто не может быть лишен собственности и прав на нее кроме как по причине, оправданной публичной пользой социальными интересами при условии соответствующего возмещения на основе положений закона»[1].

Наиболее интересен в этом аспекте подход французского законодателя: Ст. 17 Конституции Франции объявляет: «Так как собственность является неприкосновенным и священным правом, то никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливости и предварительного возмещения».

Конституция Королевства Бутан содержит особую главу «Основные права», в которой в ст. 9 провозглашено: «Гражданин Бутана имеет право на владение частной собственностью, однако не имеет права продавать либо передавать земли или любое недвижимое имущество лицу, которое не является гражданином Бутана, иначе, как в соответствии с законами, изданными Парламентом»; а ст. 14 указывает, что «Особа не может быть лишена собственности путем присвоения либо по истребованию иначе, как в общественных целях и при условии выплаты справедливой компенсации в соответствии с положениями закона».

Второй вариант регламентации вопроса о собственности в Конституциях – это обозначение различных форм собственности, их правового статуса и роли в обществе. В. П. Грибанов в свое время отметил, что право собственности – коренной институт советского гражданского права. Его ведущее значение определяется тем, что нормы права собственности закрепляют экономическую основу советского строя – социалистическую собственность на средства производства [4, с. 358].

Например, в *Конституции Бангладеш* данному вопросу посвящена особая статья 13, которая называется «Принципы частной собственности». В ней сказано, что «народ распоряжается или контролирует инструменты и средства производства и реализации собственности; в соответствии с этим существуют следующие формы собственности:

1) государственная собственность – это собственность, которой распоряжается государство от лица всего народа, посредством создания эффективного и динамического государственного сектора, включающего основные сектора экономики;

2) кооперативная собственность – это собственность, которой распоряжаются кооперативы от лица состоящих в них членов, в рамках, установленных законом;

3) частная собственность – это собственность частных лиц, которые распоряжаются ею в рамках, установленных законом».

Наиболее ярко этот вариант правового регулирования собственности в контексте ее форм отражен в *Конституции КНДР*.

Согласно ст. 20, в КНДР средства производства принадлежат только государству и кооперативным организациям. При этом, как объявлено в ст. 21, «государственная собственность является собственностью всего народа. Право государства на собственность не ограничивается». В государственной собственности, по указанию той же статьи, находятся «все природные богатства страны, ведущие заводы и фабрики, порты и гавани, банки, транспорт и средства связи». В соответствии со ст. 22 кооперативная собственность является коллективной собственностью трудящихся, состоящих в кооперативных хозяйствах. Кооперативные организации «могут иметь в своей собственности землю, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, рыболовные суда, постройки, а также средние и мелкие заводы и фабрики». Ст. 24 признает факт существования еще одной формы – личной

[1] Здесь и далее тексты Конституций приведены по: The World Law Guide. Lexadin. The Legal site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lexadin.nl/wlg/legis/nofr/legis.php. – Дата доступа: 15.03.2017 г.

собственности трудящихся. Личная собственность, по словам законодателя, является собственностью для личных и потребительских целей трудящихся. Она образуется из доли социалистического распределения по труду, а также из дополнительных льгот за счет государства и общества.

Особый интерес конституция КНДР представляет еще и потому, что законодатель не только констатировал факты и перечислил объекты и источники разных форм собственности, но и обозначил политику государства в отношении роли каждой формы собственности в жизни государства и перспектив ее развития.

Так, совершенно недвусмысленно указано на приоритет государственной собственности и намерение в дальнейшем направлять усилия именно на развитие этой формы: «Государство охраняет и увеличивает преимущественно государственную собственность, играющую ведущую роль в развитии экономики страны» (ст. 21). В отношении кооперативной и личной собственности цели законодателя гораздо скромнее: «Государство охраняет кооперативную собственность», «Государство охраняет личную собственность трудящихся и законом обеспечивает право ее наследования» (ст. 22, 24).

Интересно содержание ст. 23, иллюстрирующей взаимоотношения государственной и кооперативной форм собственности: «Государство повышает сознание крестьян, их технический и культурный уровень, органически сочетает две формы собственности в направлении усиления ведущей роли общенародной собственности по отношению к кооперативной, улучшает руководство и управление кооперативным хозяйством и тем самым укрепляет и развивает социалистическую систему кооперативного хозяйства и постепенно превращает кооперативную собственность в общенародную…».

Признавая право на существование за любым из двух вариантов конституционного регулирования вопросов о собственности, нам представляется наиболее удачным сочетание в Конституции комплекса норм. На наш взгляд, в Конституции необходимо отразить и право собственности в субъективном смысле, и основы собственности в экономическом аспекте с учетом допускаемых государством форм собственности.

Примером такого комплексного регулирования могут являться Конституции Российской Федерации, Республики Беларусь, Монголии, Афганистана, Германии и др.

Так, п. 2 ст. 9 *Конституции Российской Федерации* предусматривает, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Ст. 35–36 Конституции Российской Федерации посвящены вопросу о частной собственности, ее объектах, формах, правомочиях собственника и охране. В этих статьях предусмотрено, что право частной собственности охраняется законом; что никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Интересно отметить, что п. 2 ст. 35 даже содержит понятие права собственности как комплекса правомочий субъекта: «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами».

Комплексный характер правового регулирования (отражающего и формы собственности, и субъективное право) прослеживается и в Основных законах других государств.

Например, ст. 13 *Конституции Республики Беларусь* объясняет, что «собственность может быть государственной и частной». При этом, как предусмотрено той же статьей, недра, воды и леса составляют исключительную собственность государства. Кроме того, в собственности государства находятся земли сельскохозяйственного назначения. Законодатель отмечает, что законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность. Таким образом, основное внимание в этой статье уделено формам собственности и объектам, составляющим, реально или потенциально, государственную собственность.

Однако формами собственности конституционное регулирование не ограничивается. Ст. 44 Конституции посвящена праву собственности и его гарантиям. Интересно отметить, что статья построена таким образом, что именно гарантированность права собственности предваряет изложение остальных вопросов субъективного права: «Государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению.

Собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. Неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом.

Собственность, приобретенная законным способом, защищается государством…».

В *Конституции Афганистана* вопрос о формах собственности рассредоточен по разным статьям. Так, в ст. 9 решены проблемы принадлежности природных ресурсов: «Рудники и подземные ресурсы являются собственностью государства», а ст. 40 регламентирует статус частной собственности. При этом вопрос о форме собственности в данной статье тесно переплетен с вопросом о субъективном праве на частную собственность и с охраной этого права. Как указано в статье, ни одному человеку не запрещено приобретать или использовать собственность в рамках закона; частная собственность защищена от посягательства. Провозглашение права частной собственности в ст. 40 сопровождается оговоркой ст. 41, где сказано, что иностранные граждане не имеют права приобретать недвижимое имущество Афганистана.

Нестандартно располагаются положения о собственности в *Конституции Германии*. В этой конституции статьи о субъективном праве предшествуют статьям о формах собственности. Так, п. 1 ст. 14 объявляет, что собственность и право наследования гарантируются, а их содержание и пределы определяются законами, п. 3 той же статьи посвящен вопросу об отчуждении собственности. В следующей ст. 15 рассматривается возможность передачи земли и недр, природных ресурсов и средств производства в общественную собственность или в «иные формы общественного хозяйства».

По итогам анализа конституционных норм можно заключить, что собственность регламентируется, во-первых, как субъективное право, во-вторых, с позиции форм собственности, в-третьих, как наиболее удачный вариант – в комплексе и субъективного права, и форм собственности.

2. Направление второе: различия в объеме регулирования отношений собственности.

Сравнение текстов Конституций ряда государств позволяет предположить, что законодатели по-разному оценивают значимость отношений собственности в сфере конституционно-правового регулирования.

Если законодатель не считает нужным акцентировать внимание на этом вопросе, то текст Конституции вообще не упоминает об этой категории либо ограничивается одной-двумя фразами, оставляя, по-видимому, все на откуп гражданскому праву.

Одно из самых коротких, скорее схематических изложений вопроса о собственности дает *Конституция Вьетнама*. Она ограничилась одной статьей – ст. 78, в которой сказано, что граждане обязаны беречь и сохранять государственное имущество и общественные интересы.

Другой пример столь же незначительного внимания к отношениям собственности дает *Конституция США*, причем даже не сама Конституция, а Поправки 5 и 14, сделанные в 1791 и 1868 гг. В данных статьях собственность упоминается как защищаемый государством институт, наряду с жизнью и свободой лица.

Ограниченным (в рамках одной-двух статей) можно назвать и конституционное регулирование собственности в Основных законах Малайзии, Финляндии, Бутана и др.

Более детальное изложение вопросов о собственности представлено в Конституции Монголии, Португалии, Российской Федерации, Республики Беларусь, Афганистана, Италии и др.

Так, *Конституция Монголии* предусматривает:

«Статья 6.

1. Земля, ее недра, леса, воды, животные, растительные и другие богатства природы Монголии принадлежат только народу и находятся под защитой государства.

2. Вся земля, не переданная в частную собственность граждан Монголии, недра земли, их богатства, леса, воды, животный и растительный мир являются государственной собственностью.

Статья 7.

1. Памятники истории и культуры, научные, интеллектуальные и духовные богатства монгольского народа находятся под защитой государства.

2. Произведения литературы, искусства граждан являются собственностью создателей, а также национальным достоянием Монголии».

В *Конституции Российской Федерации* положения, регулирующие вопросы собственности, содержатся в трех статьях (ст. 9, 35, 36), разделенных на пункты.

Наиболее подробно отношения собственности урегулированы в Конституции Португалии (ст. 62, 82–86), КНР (ст. 6–13), КНДР (ст. 20–24) и Греции (ст. 17–18).

Ст. 62 *Конституции Португалии* названа «Право на частную собственность» и включает всего два положения: во-первых, всем гарантируется в рамках Конституции право на частную собственность и ее передачу при жизни и после смерти; во-вторых, предусмотрено, что реквизиция и экспроприация в общественных интересах могут быть осуществлены только на основании закона и при условии справедливого вознаграждения.

Гораздо больше внимания вопросам собственности уделено в статьях 82–86 Конституции. В ст. 82 вводится термин «сектора собственности» на средства производства. Как определил законодатель, существует три сектора, основанных на различных формах собственности на средства производства – государственный, частный, кооперативный и общественный. Государственный сектор составляют средства производства, которые находятся в собственности и под управлением государства или других государственных учреждений. На долю частного сектора приходятся средства производства, которые находятся в собственности или под управлением физических или частных юридических лиц. Кооперативный и общественный сектор охватывает средства производства, которые находятся в собственности и под управлением кооперативов; коммунальные средства производства, которые находятся в собственности и под управлением местных сообществ; и, наконец, средства производства, которые находятся в собственности и под управлением юридических лиц, не преследующих цели извлечения прибыли, ставящих в качестве основной своей цели общественную солидарность, в частности, организацию взаимопомощи.

Помимо форм собственности и секторов собственности Конституция содержит понятие «общественного владения» (ст. 84). Важным в контексте данного исследования является перечень объектов общественного владения. Это территориальные воды и дно под ними, континентальный шельф, а также озера, иные естественные водоемы, проточные судоходные и сплавные воды и их дно, залежи полезных ископаемых, источники минеральных лечебных вод, дороги и т. п. Какие из перечисленных объектов могут относится к общественному владению государства, какие – к общественному владению автономных областей и к общественному владению местных органов власти, определяется законом.

В *Конституции Греции* вопросам права собственности отведены две статьи (ст. 17–18). Но, хотя статьи всего две, объем регулирования очень значителен, поскольку статья 17 состоит из 7 самостоятельных положений, а статья 18 – из 8.

Наиболее важные положения содержатся, как правило, в первых пунктах статей. Так, п. 1 ст. 17 указывает, что «собственность находится под защитой государства, однако вытекающие из нее права не могут осуществляться в ущерб всеобщим интересам», в п. 2 провозглашается, что никто не может быть лишен своей собственности, кроме как в общественных интересах, подтвержденных должным образом, тогда и так, когда и как это определено законом и при условии предварительной полной компенсации… Остальные пункты ст. 17 относятся к порядку и условиям отчуждения собственности и компенсациям. В статье 18 основное внимание законодатель уделяет законодательству о собственности и объектам собственности, имеющим особое значение и статус. В частности, в Конституции предусмотрено, что особыми законами урегулированы вопросы собственности и распределения рудников, карьеров, пещер, археологических зон и находок, минеральных, проточных и подземных вод, а также богатств недр вообще; право собственности, эксплуатации и управления морскими лагунами и крупными озерами. Особые законы регулируют вопросы реквизиций собственности для нужд вооруженных сил в случае войны или мобилизации и ряд других проблем.

Особый интерес представляет заключительный п. 8 ст. 18, в котором наложен запрет на отчуждение сельскохозяйственных угодий и имуществ «Патриарших монастырей Святой Анастасии Фармаколитрии на полуострове Халкидики, Влатадес в Салониках и Иоанна Евангелиста Теолога на острове Патмос», а также «Патриархатов Александрии, Антиохии и Иерусалима, равно как и Святого монастыря горы Синай».

Компаративистский анализ конституционных статей, посвященных собственности, дает основание заключить, что конституционное регулирование имеет, как правило, ограниченный характер. В зависимости от количества и полноты норм его можно обозначать либо как краткое, либо как умеренное. «Утяжеление» Конституции за счет регламентации частных вопросов, связанных с собственностью (детализированное регулирование), является редким и не всегда обоснованным.

С другой стороны, полное пренебрежение конституций отношениями собственности также нежелательно. С нашей точки зрения, наиболее удачным является умеренное регулирование, отражающее наиболее важные вопросы касательно собственности.

3. Направление третье: различия по характеру (виду) конституционных норм, регулирующих отношения собственности.

Необходимо выделить различия по характеру (виду) конституционных норм, регулирующих отношения собственности. Если обратить внимание на формулировки, с помощью которых законодатель регулирует проблему форм собственности и субъективное право собственности, можно выделить два типа норм:

– нормы-установления;

– нормы-гарантии.

Нормы-установления содержат правила позитивного характера.

Примером нормы-установления о собственности может служить ст. 42 Конституции Италии. В ней, в частности, утверждается, что собственность может быть государственной или частной. Экономические блага принадлежат государству, обществам или частным лицам. Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех.

Аналогичным образом зафиксированы исследуемые отношения Конституцией Монголии. В п. 2 ст. 7 указано, что произведения литературы, искусства граждан являются собственностью создателей, а также национальным достоянием Монголии.

Следует отметить, что регламентация отношений собственности только с помощью конституционных норм-установлений – редкая разновидность правового регулирования.

Примером этой разновидности является ст. 13 «Принципы частной собственности» Конституции Бангладеш. В ней предусмотрены формы собственности (государственная, кооперативная и частная) и основной принцип существования собственности – то, что «народ распоряжается или контролирует инструменты и средства производства и реализации собственности…».

Намного чаще в конституциях правовое регулирование вопросов о собственности осуществляется с помощью норм-гарантий.

Нормами-гарантиями в контексте данной статьи обозначаются такие положения законов, которые акцентируют внимание не на самом праве собственности или его формах, а на защите этого права.

Так, ст. 62 Конституции Португалии названа «Право на частную собственность», но тем не менее предпочитает не нормы-установления, а нормы-гарантии:

«1. Всем гарантируется в рамках Конституции право на частную собственность и ее передачу при жизни и после смерти.

2. Реквизиция и экспроприация в общественных интересах могут быть осуществлены только на основании закона и при условии справедливого вознаграждения».

Аналогичным образом сформулированы статьи Конституции Финляндии. Следует отметить, что в отличие от рассмотренного выше португальского акта сам раздел (§ 15), который посвящен собственности, назван соответственно характеру входящих в него предписаний – «Защита собственности». В нем предусмотрено, что собственность каждого человека подлежит защите, а национализация собственности для общественных нужд за полную компенсацию регулируется законом.

Практически сходное содержание имеют нормы-гарантии ст. 13 Конституции Малайзии: «1. Никто не может быть лишен собственности иначе, как в соответствии с законом. 2. Ни один закон не может предусматривать принудительное изъятие и использование имущества без адекватного возмещения».

Регулирование вопросов собственности и права собственности нормами-гарантиями имеет давние исторические корни. В частности, Поправка 5 к Конституции США, принятая в 1791 г., указала, что «никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; частная собственность не должна изыматься для общественного пользования без справедливого возмещения».

Аналогичным образом была сформулирована и Поправка 14, сделанная в 1868 г. В ней право собственности вновь представлено в контексте гарантии: «…Ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона».

Конституцией Швейцарии сходным образом урегулированы исследуемые в данной работе отношения. В этом случае даже сама статья (ст. 26) имеет соответствующий заголовок: «Гарантия собственности». В ней объявлено, что собственность гарантируется, а лишение собственности и ограничение собственности, равнозначное ее лишению, возмещаются полностью.

В приведенных выше Конституциях нормы-гарантии закладывают основы защиты права собственности.

В других конституционных актах нормы-гарантии могут быть более пространны и разнородны.

Так, в Конституции Швеции в § 18 предусмотрено, что собственность каждого гражданина «защищается таким образом, чтобы никто не мог быть принужден к отказу от нее вследствие общей или какой-либо индивидуальной экспроприации или любого иного распоряжения; никто не должен быть ограничен в пользовании землей или строением, кроме случаев, когда это ограничение требуется для обеспечения важного общественного интереса. Лицо, лишившееся своей собственности вследствие экспроприации либо иного подобного отчуждения его собственности, должно получить компенсацию за ущерб.

Таким образом, можно выделить две разновидности однородного правового регулирования отношений собственности в конституциях: с помощью норм-установлений либо с помощью норм-гарантий.

Третью разновидность правового регулирования можно назвать неоднородной или комплексной. Она сочетает в себе одновременно и нормы-установления и нормы-гарантии.

Примером этой разновидности могут служить Конституции Российской Федерации, Республики Беларусь, Германии, Испании, Афганистана и др.

Ст. 33 Конституции Испании начинается с нормы-установления: «Признается право на частную собственность ее наследования». Но далее в той же статье законодатель избирает уже иной тип – норму-гарантию: «Никто не может быть лишен собственности и прав на нее кроме как по причине, оправданной публичной пользой социальными интересами при условии соответствующего возмещения на основе положений закона».

Еще более сложный комплекс норм-установлений и норм-гарантий представлен в Конституции Германии в ст. 14 и ст. 15. Согласно п. 1 ст. 14, собственность и право наследования гарантируются. Их содержание и пределы определяются законами. Совершенно очевидно, что в данном случае наличествует норма-установление. Но вот дальнейший текст этой же статьи не вписывается в характеристику нормы-установления: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу…». Столь же неоднородны и положения ст. 15 Конституции.

Сходную комплексную природу имеют статьи, посвященные собственности, в Конституции Республики Беларусь. Так, ст. 44 начинается с нормы-гарантии, объявляющей, что государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению. Продолжение же статьи – собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами – можно с полным правом отнести к норме-установлению. После этого законодатель вновь возвращается к гарантиям: «Собственность, приобретенная законным способом, защищается государством. Государство поощряет и охраняет сбережения граждан, создает гарантии возврата вкладов…».

Как представляется, именно этот комплексный вариант заслуживает наибольших преференций, поскольку он отражает не только само право собственности, но и вопросы его ограничения и защиты государством.

Таким образом, оптимальным конституционным регулированием отношений собственности является такое, при котором нормы-установления Конституции должны в обязательном порядке соседствовать с нормами-гарантиями.

Предложенные и проанализированные в данной работе направления изучения конституционного регулирования вопросов собственности, безусловно, не исчерпывают обозначенную проблему. Компаративистские исследования иных аспектов собственности в конституциях возможны по многим другим направлениям. Однако не следует упускать из виду то, что все они должны быть нацелены в первую очередь на выявление роли собственности в жизни общества, ее воздействия в направлении совершенствования правовой составляющей государственной политики, оценки ее влияния и перспектив дальнейшего развития как в правовой, так и политико-социальной плоскости.

Список использованных источников

1. Андреева, Г. Н. Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации / Г. Н. Андреева. – М.: Норма, 2009. – 366 с.

2. Братусь, С. Н. Формы собственности по Конституции СССР / С. Н. Братусь. – М.: РИО ВЮА, 1949. – 20 с.

3. Власова, М. В. Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития / М. В. Власова. – М.: Эксмо, 2007. – 192 с.

4. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – 2-е изд. – М.: Статут, 2001. – 411 с.

5. Красавчиков, О. А. Конституция развитого социализма о видах и формах собственности в СССР / О. А. Красавчиков // Гражданское право, экономика и стандартизация: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 64. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. – С. 5–19.

6. Кузнецова, Л. Ю. Экономический строй современной России: конституционные основы / Л. Ю. Кузнецова. – М.: РАП, 2009. – 224 с.

7. Мазаев, В. Д. Конституция и формы собственности / В. Д. Мазаев // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Спец. вып. № 4 (45). – М.: Ин-т права и публичной политики, 2003. – С. 185–190.

8. Самочкин, А. Н. Собственность и право собственности в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации / А. Н. Самочкин // Право и политика. – 2004. – № 8. – С. 14–20.

9. Толстой, Ю. К. Конституция СССР и право собственности / Ю. К. Толстой // Сов. государство и право. – 1978. – № 7. – С. 13–20.

10. Хлуднева, Ю. Н. К вопросу о конституционном регулировании частной собственности в конституциях зарубежных государств / Ю. Н. Хлуднева // Вопр. совр. юриспруденции: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011. С. 49–54.

References

1. Andreeva G. N. *The institution of property in foreign countries and the Constitution of the Russian Federation Constitution*. Moscow, Norma Publ., 2009. 366 p. (in Russian).

2. Bratus S. N. *The form of ownership under the Constitution of the USSR.* Moscow, Editorial and publishing department of the military-legal academy, 1949. 20 p. (in Russian)

3. Vlasova M. V. *Ownership in Russia: origin, legal content, ways of development.* Moscow, Eksmo Publ., 2007, 192 p. (in Russian).

4. Gribanov V. P. *Implementation and protection of civil rights*. Moscow, Statut Publ., 2001. 411 p. (in Russian).

5. Krasavchikov O. A. (ed) The Constitution of Developed Socialism on the Types and Forms of Ownership in the USSR. *Grazhdanskoe pravo, ekonomika i standartizacija mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Civil Law, Economics and Standardization: Interuniversity Collection of Scientific Proceedings]. Sverdlovsk, Publishing house of the Ural University, 1978, iss. 64, pp. 5–19 (in Russian).

6. Kuznetsova L. Yu. *The economic system of modern Russia: the Constitutional bases*. Moscow, Russian Academy of Justice, 2009. 224 p. (in Russian).

7. Mazaev V. D. The Constitution and the ownership. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie* [Constitutional Law: Eastern European Review]. 2003, special issue no 4 (45), pp. 185–190 (in Russian).

8. Samochkin A. N Ownership and ownership in the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation. *Pravo i politika = Law and Policy*, 2004, no. 8, pp. 14–20 (in Russian).

9. Tolstoj Ju. K. The Constitution of the USSR and the right of ownership. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and the Right], 1978, no. 7, pp. 13–20 (in Russian).

10. Hludneva Yu. N. On the question of the constitutional regulation of private property in the Constitution of foreign countries. *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Questions of modern jurisprudence: materials of IV International. Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2011, no. 4., pp. 49–54 (in Russian).

Информация об авторе

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного юридического университета (ул. Некрасова, 4, 664011, Иркутск, Российская Федерация). E-mail: ivminnikes@mail.ru

Information about the author

Irina V. Minnikes – D. Sc. (Law), Head of the Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Institute (affiliation) of the All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov Str., Irkutsk 664011, Russia). E-mail: ivminnikes@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 336(476)+339.72(476)
DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-243-249

Поступила в редакцию 28.06.2017
Received 28.06.2017

А. С. Попкова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Исследуются методологические принципы построения платежного баланса в условиях региональной интеграции. Определены основные каналы влияния интеграционных процессов на платежный баланс Беларуси. Проведен анализ статей платежного баланса Беларуси и России как основного торгового партнера Беларуси. Сделаны предложения по совершенствованию внешнеэкономических связей стран-партнеров по Евразийскому экономическому союзу.

Ключевые слова: платежный баланс, региональная интеграция, инвестиции, Евразийский экономический союз, экспорт, импорт, двусторонний платежный баланс, сводный платежный баланс

Для цитирования. Попкова, А. С. Влияние интеграционных процессов на платежный баланс Республики Беларусь / А. С. Попкова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 2. – С. 243–249. DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-243-249

A. S. Popkova

Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

REGIONAL INTEGRATION AND EVALUATION OF ITS' INFLUENCE ON THE BALANCE OF PAYMENTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article examines the methodological principles of the balance of payments under the regional integration. The main channels of the influence of regional integration on the balance of payments of Belarus are identified. The analysis of the articles of the Balance of payments of Belarus and Russia as the main trading partner of Belarus are conducted. Recommendations on improvement of foreign economic relations of the partner countries of the Eurasian Economic Union are made.

Keywords: balance of payments, regional integration, investment, Eurasian Economic Union, export, import, the bilateral balance of payments, consolidated balance of payments

For citation. Popkova A. S. Regional Integration and Evaluation of its' Influence on the Balance of Payments of the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2018, vol. 63, no. 2, pp. 243–249 (in Russian). DOI: 10.29235/2524-2369-2018-63-2-243-249

Введение. Развитие региональной интеграции оказывает большое влияние на построение платежного баланса Республики Беларусь, так как происходящие процессы в странах-участницах ЕАЭС находят свое отражение в статистике внешнего сектора. От активности реализации механизмов интеграции зависят поступления от внешней торговли, потоки трансграничного капитала, платежи от трудовой миграции, объемы текущих трансфертов и др. Эффективное трансграничное взаимодействие государств позволяет увеличить финансовые потоки, способствует пополнению бюджета и золотовалютных резервов, создает возможности для осуществления капиталоемких инвестиционных проектов.

Теория платежного баланса анализируется в трудах отечественных и зарубежных ученых: Р. Манделла, П. Кругмана, А. Маршалла, М. Фридмана, А. Харбергера, М. Флеминга, С. М. Борисова, Л. И. Абалкина, Л. Н. Красавиной, А. М. Гарбуза и др. При составлении платежных балан-

© Попкова А. С., 2018

сов в региональном объединении агрегируются данные всех его членов. Выделяются отдельные балансы со странами-участницами экономического союза и с третьими странами. Государства должны при составлении платежных балансов основываться на международных стандартах классификации операций и предоставлять описание используемой методологии во избежание разночтений и несогласованных позиций.

Основная часть. Сводный платежный баланс Республики Беларусь и страны-партнера по ЕАЭС (СПЕ) представляет собой статистический отчет, в котором отражаются все внешнеэкономические операции, которые осуществлялись в течение одного года между резидентами Республики Беларусь и СПЕ, с одной стороны, и нерезидентами – с другой. Платежные балансы Беларуси и СПЕ составляются специализированными отделами Центробанков (в Беларуси – Главное управление платежного баланса и банковской статистики Национального банка) на основе единой методологии в соответствии с законодательной базой своих государств. Каждая страна имеет независимость при составлении платежного баланса на всех стадиях его формирования.

Двусторонний платежный баланс Республики Беларусь и страны СПЕ отражает внешнеэкономические операции между резидентами страны СПЕ и Беларуси и включает в себя информативные и согласованные между двумя сторонами данные. Возможны ситуации, когда регистрация и включение в баланс международных отчетов операций производятся на основании сделки резидента одной из двух стран с резидентом третьей страны. Согласование показателей осуществляется рабочей группой, сформированной из представителей центральных банков стран-участниц регионального союза, на основе консенсуса. Данная рабочая группа формирует статьи платежного баланса в соответствии с 6-м вариантом Руководства по составлению платежного баланса и международной инвестиционной позиции [1].

Спецификой двустороннего платежного баланса является включение статьи «Многосторонние расчеты». Отдельные операции, имевшие место между резидентами двух стран, могут приводить к изменению их активов (обязательств) по отношению к резидентам третьих стран. Например, Республика Беларусь может осуществлять платежи в пользу Российской Федерации с зачислением средств на счета резидентов России в банке третьей страны. В то же время Россия может финансировать импорт товаров и услуг из Республики Беларусь за счет наличных долларов США. Операции такого рода находят отражение в двустороннем балансе по статье «Многосторонние расчеты». В сводном балансе эти статьи, будучи сальдированными, дают нулевой результат [2].

Значимую роль при оценке регионального объединения имеет именно сводный платежный баланс, так как он позволяет охарактеризовать роль объединения в мировых экономических процессах. Интересно, что совокупный эффект влияния платежного баланса нескольких стран может кардинально отличаться от влияния отдельных платежных балансов государств и зависит от степени преобладания той или иной страны в системе внешнеэкономических связей.

В процессе исследования были выявлены основные каналы влияния интеграционных процессов на платежный баланс (рисунок).

1. *Торговый канал.* Влияние интеграционных процессов на объем экспорта будет зависеть от возможностей наращивания внутреннего производства, спроса на экспортную продукцию, условий поставки экспортных товаров, стимулов для производства и продаж продукции и др. Согласованная торговая политика, снятие торговых барьеров, гармонизация транспортных тарифов, отмена политики протекционизма и квотирования, снижение таможенных барьеров, унификация таможенных пошлин, беспошлинный провоз товаров и другие факторы в совокупности могут оказать позитивное влияние на сальдо товарами и услугами. В частности, санкции против России могут способствовать увеличению потоков продовольствия из Беларуси в соседнюю страну. Влияние эффекта интеграции в торговой сфере будет зависеть от эффективности гармонизации торговой политики в странах союза.

Особое внимание следует уделить взаимным потокам промежуточных товаров. Возможность получать энергоносители и материалы по льготным ценам оказывает позитивное влияние на состояние экономик стран ЕАЭС и на состояние их платежных балансов.

Основные каналы влияния экономических процессов на сводные и двусторонние платежные балансы стран ЕАЭС (*источник:* разработка автора)

The main channels of the impact of economic processes on aggregate and bilateral balances of payments of the countries of the EEU (*source:* development of the author)

2. *Канал доходов.* В данной сфере большое значение имеют миграционные потоки. Так, доходы от трудовой миграции белорусских граждан в России всегда были значимым источником поступления валюты в Беларусь. Снятие всевозможных барьеров при приеме граждан на работу и их трудоустройстве позволит усилить степень влияния данного интеграционного эффекта по этой статье платежного баланса.

Следует учесть также доходы от инвестиций как поступления и платежи по финансовым активам и обязательствам. Поскольку Россия является основным кредитором Беларуси, то уплата причитающихся процентов по внешнему долгу может стать причиной оттока капитала по данной статье. Положительное влияние интеграции может сказаться в части реструктуризации и рефинансирования задолженности, применения различных схем конвертации долговых обязательств. То же самое касается и выплат по активам. Однако здесь существует вероятность оттока капитала при репатриации прибылей и дивидендов по инвестициям. С другой стороны, величина этих потоков зависит от прибыльности инвестиций, в увеличении которой заинтересованы все страны.

3. *Канал текущих трансфертов.* Изменения по этой статье в значительной степени зависят от политического решения стран, поэтому воздействие интеграционного объединения в рамках этого канала очень сильное. В то же время такие поступления менее предсказуемые и сложно прогнозируемые. Потоки капитала по статье «текущие трансферты», связанные с переводом средств в связи с уплатой таможенных платежей, оказали значимое влияние на состояние текущего счета платежного баланса Республики Беларусь.

4. *Канал инвестиций.* Взаимные инвестиционные потоки могут увеличиться по мере снижения взаимных барьеров в сфере инвестиций и улучшения инвестиционного климата в странах Евразийского экономического союза. Значение канала прямого инвестирования в рамках союза возрастает для страны в случае, если доступ к международным рынкам капитала ограничен в виду каких-либо причин или условий.

Следует отметить, что крупномасштабные потоки капитала также могут создать трудности при осуществлении национальной инвестиционной политики. При отсутствии ограничений на доступ капитала в какие-либо отрасли, могут возникнуть риски захвата наиболее прибыльных сфер. Это будет осложнять проведение макроэкономической политики и потребует применения протекционистских мер и усиления государственного контроля.

5. *Долговой канал.* Часть потоков, которые отражаются по счету операций с капиталом и финансовых операций, формирует внешний долг. При этом могут использоваться различные долговые инструменты: долгосрочные и краткосрочные ссуды, облигации, торговые кредиты и др.

При этом следует учесть, что суммы долга могут корректироваться в зависимости от изменения курсов валют, из-за капитализации процентов и применения различных схем погашения долговой задолженности.

Страны могут оказывать друг другу кредитную поддержку по мере потребности в финансировании и своих ресурсных возможностей. С одной стороны, такая поддержка позволяет устранить разрывы финансирования, с другой – усиливает зависимость страны-заемщика от страны-кредитора. Кредиты позволяют также пополнить золотовалютные резервы, которые в будущем могут быть использованы для корректировки платежного баланса. Влияние эффекта интеграции может сказаться на предоставлении более благоприятных условий кредитования и более длительных сроков предоставления ресурсов.

По мере роста взаимной интеграции могут увеличиваться сроки взаимного торгового кредитования и различные схемы торгового финансирования, что также найдет отражение в финансовом счете платежного баланса.

Значительные притоки капитала могут оказать и негативное воздействие на экономику страны-реципиента. Так, приток капитала может вызывать увеличение денежной массы и рост инфляции в стране в случае интервенции, проводимой органами денежно-кредитного регулирования на валютном рынке для покупки избыточной валютной массы. При отсутствии интервенции приток капитала может привести к повышению обменного курса национальной валюты. Приток капитала может идти на финансирование временного роста потребления, что в конечном итоге приведет к снижению совокупного спроса в целях обслуживания накопившегося долга [3].

При оценке влияния интеграционных процессов на платежный баланс Республики Беларусь следует учитывать следующие положения:

1) операции внешнего сектора формируются под влиянием процессов, происходящих в мировой экономике, поэтому при прогнозировании параметров отдельных статей платежного баланса необходимо учитывать не только изменения в странах-торговых партнерах, но и перспективы развития всей мировой экономики. Данное положение касается как сводного, так и двустороннего платежного баланса;

2) степень точности сбора и учета данных может отличаться в каждой стране, поэтому необходима согласованная политика по взаимному учету показателей платежного баланса и выбору метода оценки влияния факторов на платежный баланс. Необходимо своевременное выявление разночтений и устранение возможных расчетных и оценочных ошибок;

3) целесообразно осуществлять анализ чувствительности изменения основных переменных (сальдо текущего счета, финансового счета, уровня международных резервов и т. д.) в зависимости от волатильности спроса, цен на товары, процентных ставок и других динамических взаимосвязей. Важно отслеживать изменения денежно-кредитной, бюджетно-налоговой, инвестиционной и другой политики в странах-участницах ЕАЭС с точки зрения отклика на них основных параметров платежного баланса;

4) при формировании прогнозных параметров необходимо учитывать согласованность данных платежного баланса с другими макроэкономическими счетами. Для этого нужно объективно оценивать уровень производства, объем привлекаемых ресурсов, кредитные программы и другие индикаторы экономической политики стран-участниц ЕАЭС, которые могут оказать влияние на формирование статей платежного баланса.

Составление платежных балансов стран интеграционного объединения позволяет выявить проблемы, которые существуют в экономике стран, а также каналы эффективного или недостаточного действенного взаимодействия в рамках союза. На основании данных платежного баланса можно оценить, какой эффект получают страны от участия в региональном объединении, а также наметить пути дальнейшего совершенствования экономического и финансового сотрудничествами между государствами в рамках ЕАЭС. Активное взаимодействие стран экономического союза во внешней торговле, в инвестиционной сфере, в области денежно-кредитного и бюджетно-налогового регулирования позволит улучшить состояние платежных балансов государств, усилит конкурентоспособность национальных экономик, создаст возможности для усиления влияния регионального блока ЕАЭС в мировой экономической системе.

Россия является основным торговым партнером Беларуси, и баланс с Россией является определяющим для формирования общего платежного баланса страны. С Россией Беларусь имеет традиционно дефицит текущего счета, который обусловлен отрицательным внешнеторговым сальдо, первичных и вторичных доходов (таблица).

Данные платежного баланса Беларуси и России в 2011 – 2016 гг., млн долл. США
Balance of Payments of the Republic of Belarus and Russia, 2011 – 2016, bln US dollars

Статьи платежного баланса	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Счет текущих операций	**–13 102,3**	**–13 546,6**	**–9 093,0**	**–9 425,6**	**–7 155,9**	**–4 813,9**
Товары	–10 950,8	–11 099,1	–6 174,0	–7 094,4	–6 883,8	–4 588,4
Услуги	599,1	843,9	586,0	730,6	470,2	541,4
Первичные доходы	–245,8	–80,2	–778,5	–521,1	–921,9	–948,0
Вторичные доходы	–2 504,8	–3 211,2	–2 726,5	–2 526,5	179,6	181,1
Финансовый счет	**–2 580,4**	**883,0**	**–4 233,6**	**–1 327,6**	**–2 600,1**	**–209,2**
Прямые инвестиции	–2 700,2	–359,6	–643,5	–549,3	–704,2	–450,1
Портфельные инвестиции	–198,6	424,3	111,8	15,0	62,8	–581,3
Производные финансовые инструменты	0,0	–2,0	–1,7	34,3	25,3	0,0
Другие инвестиции	318,4	820,3	–3 700,2	–1 276,7	–1 536,5	822,2
Статистические расхождения	10 517,8	14 427,5	4 853,7	8 095,5	4 554,8	4 603,8

Источник: составлено автором на основе данных платежного баланса Республики Беларусь и России.

Проблемы дефицита счета текущих операций Республики Беларусь были вызваны дисбалансами, обусловленными внешними и внутренними факторами. Основным из внешних негативных факторов явилось сжатие платежеспособного спроса на продукцию белорусских экспортеров. В 2015 году внешнеторговый оборот товарами с Россией сократился на 25,8%. Экспорт сократился на 31,4%, импорт на 22,1%. В 2016 году ситуация улучшилась. Экспорт товаров вырос на 4,5%, импорт снизился на 10,9 %.

Наибольшее положительное сальдо Беларуси сложилось по продовольственным товарам и сельскохозяйственному сырью. В объеме экспорта данные позиции занимают 33,9%. В 2015 году значительно упали объемы экспортной реализации машин и оборудования (на 32,8%), транспортных средств (на 36,3%) и др. Сокращение объемов внешней торговли было вызвано, в том числе, общим снижением платежеспособного спроса. В 2016 году стоимость поставок машин и оборудования выросла на 13,4 %, транспортных средств – на 19,2 %. Основные доли в импорте товаров из России занимают: нефть (25,9%), газ (17,2%), легковые автомобили (3,9%). На снижение стоимостных объемов экспорта в 2015 году повлияла также девальвация российского рубля. Подорожание поставок российской нефти может способствовать ухудшению энергобаланса, что негативно отразится на состоянии внешнеторгового сальдо.

Основную долю в экспорте услуг занимают транспортные услуги (26%), поездки (20,2%), строительство (17,4%), телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги (10,1%). В импорте услуг также основную долю занимают строительные услуги (21,1%), транспортные услуги (19,5%), поездки (15,9%).

Россия является основным инвестором Беларуси. По итогам 2016 года экономика Республики Беларусь явилась чистым заемщиком финансовых средств у резидентов Российской Федерации. Заимствование осуществлялось преимущественно за счет чистого притока прямых инвестиций (главным образом за счет реинвестирования доходов российскими собственниками), роста внешних обязательств центрального банка по долговым ценным бумагам, а также накопления внешних обязательств сектора государственного управления перед российскими резидентами по кредитам и займам [4].

Положительным эффектом интеграции является договоренность между странами об оставлении в распоряжении Беларуси с 1 января 2015 года таможенных пошлин при экспорте нефтепродуктов, произведенных из российской нефти. Это обеспечило основу профицита по вторич-

ным доходам в 2015 году в объеме 179,6 млн долл. США, в 2016 году – 181,1 млн долл. США. Также важным решением для платежного баланса явилось получение траншей кредита Евразийского фонда стабилизации и развития. В 2017 году Беларусь также получила транши кредита Евразийского фонда стабилизации и развития в размере 700 млн долларов. Условия займа являются комфортными для Беларуси.

Платежный баланс – это концентрированное отражение всех существующих проблем экономического развития любой страны, следовательно, комплекс мер по снижению дефицита текущего счета может охватывать все сектора экономики. Важным аспектом является выбор перспективных «точек роста» экономики и государственной поддержки с целью достижения максимально возможного эффекта в относительно сжатые сроки. Приоритетное внимание следует уделить расширению финансирования инновационных проектов малого и среднего бизнеса.

Для усиления региональной интеграции и улучшения состояния платежных балансов стран ЕАЭС предлагаются следующие меры:

1) развитие сектора несырьевой торговли, что позволит нарастить экспортно–импортные потоки;

2) расширение транспортных коридоров и создание совместных транспортно-логистических центров для наращивания транспортного потенциала стран-участниц ЕАЭС;

3) формирование совместных инновационных фондов и коммерциализация инновационных проектов для увеличения поступлений роялти и лицензионных отчислений в платежном балансе;

4) создание совместного туристического сайта стран ЕАЭС, популяризация культуры и отдыха на пространстве ЕАЭС с целью увеличения поступлений по статье «поездки»;

5) активизация совместных строительных проектов для увеличения сальдо строительных услуг;

6) реализация совместных проектов в сфере медицинских услуг. Особое внимание следует уделить развитию высокотехнологичных капиталоемких услуг;

7) создание общего финансового центра на пространстве ЕАЭС и реализация мероприятий по продвижению данной институциональной структуры в рейтинге мировых финансовых центров;

8) внедрение единых стандартов банковского регулирования, единых регуляторных и надзорных требований;

9) формирование общей для стран ЕАЭС платежной системы и выпуск общих для ЕАЭС платежных карт, что будет способствовать развитию финансового рынка и росту поступлений от финансовых услуг;

10) устранение конкуренции национальных налоговых режимов;

11) развитие международного сотрудничества государств-членов ЕАЭС с другими странами и интеграционными объединениями;

12) сопряжение ЕАЭС и китайского «Шелкового пути»;

13) образование зон свободной торговли ЕАЭС с другими странами и интеграционными объединениями;

14) формирование единого энергорынка и обеспечение доступа к инфраструктуре стран;

15) организация совместных электронных площадок для развития внешней торговли;

16) реализация совместных инвестиционных проектов на территории стран ЕАЭС, что позволит увеличить совместные потоки инвестиций;

17) формирование эффективной системы хеджирования рисков для минимизации потерь на пространстве ЕАЭС;

18) создание общей страховой зоны и увеличение объема страховых услуг на территории стран ЕАЭС.

Заключение. Составление платежных балансов стран интеграционного объединения позволяет выявить проблемы, которые существуют в экономике стран, а также каналы эффективного или недостаточного результативного взаимодействия в рамках союза. На основании данных платежного баланса можно оценить, какой эффект получают страны от участия в региональном

объединении, а также наметить пути дальнейшего совершенствования экономического и финансового сотрудничества между государствами в рамках ЕАЭС. Активное взаимодействие стран экономического союза во внешней торговле, в инвестиционной сфере, в области денежно-кредитного и бюджетно-налогового регулирования позволит улучшить состояние платежных балансов государств, усилит конкурентоспособность национальных экономик, создаст возможности для усиления влияния регионального блока ЕврАзЭС в мировой экономической системе.

Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16–081 от 20.05.2016 г.

Список использованных источников

1. Balance of payments and international investment position manual. – Washington, D. C.: International Monetary Fund, 2009. – 371 p.

2. Навой, А. В. Подходы к определению количественных параметров региональной валютно-финансовой интеграции / А. В. Навой // Деньги и кредит. – 2015. – № 11. – С. 8–19.

3. Guillermo Calvo, Leiderman, Reinhart "The Capital Flows Problem: Concept and Issues". – Washington: International Monetary Fund, 1993.

4. Платежный баланс Республики Беларусь с Российской Федерацией // Бюллетень Национального банка Республики Беларусь за 2016 год. – Минск, 2017. – 36 с.

References

1. *Balance of payments and international investment position manual*. Washington, D. C., International Monetary Fund, 2009. 371 p.

2. Navoy A. V. Methods to Establish Quantitative Parameters of Monetary and Financial Integration at Regional Level. *Den'gi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*, 2015, no. 11, pp. 8–19 (in Russian).

3. Calvo A. G., Leiderman L., Reinhart M. C. The Capital Flows Problem: Concept and Issues. *Contemporary Economic Policy,* 1994, pp. 54–66. Doi: 10.1111/j.1465–7287.1994.tb00434.x

4. The balance of payments of the Republic of Belarus with the Russian Federation. *National bank of the Republic of Belarus. Statistics bulletin.* Minsk, National bank of the Republic of Belarus, 2017. 36 p. (in Russian).

Информация об авторе

Попкова Анна Станиславовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором денежно-кредитной политики отдела макроэкономической и финансовой политики. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: LevsAnn@tyt.by

Information about the author

Anna S. Popkova – Ph. D. (Econ.), Assistant Professor, Head of the Monetary policy department. Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: LevsAnn@tyt.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

РЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

Поступила в редакцию 31.10.2017
Received 31.10.2017

Е. В. Кодин

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

РИЖСКИЙ МИР В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Прошло почти три года, как Институт истории Национальной академии наук Беларуси издал фундаментальный двухтомный труд о Рижском договоре весны 1921 г. и его значении для Беларуси (Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2014. – Кн. 1. 592 с.; Кн. 2. 335 с.: ил.). Очевидны и бесспорны фундаментальность и научность издания (хотя сами авторы дали ему в аннотации очень скромное и явно не соответствующее глубокому содержанию название – «историко-документальный очерк»). Издание адресовано профессиональным историкам, студентам и всем, кто интересуется историей Беларуси. Конечно, академическому изданию с тиражом всего в 500 экземпляров трудно дойти до обычного читателя, которому, к примеру, на ту же тему предлагается продукция известного популистского издательства «Харвест»[1], где оценки событий подстраиваются под меняющиеся настроения масс и политическую конъюнктуру.

Главное, чем отличаются два рецензируемых тома от многих предыдущих научных публикаций[2] по событиям эпохи гражданской войны, – это удачным соединением взвешенной, неэмоциональной повествовательной аналитики с документальными приложениями по каждому из разделов. Это не создает видимость, а реально делает издание объективным, т. е. по-настоящему историческим. Большим достоинством издания можно считать и многочисленные качественные фотографии в каждом разделе.

Остановимся на отдельных, как нам показалось, наиболее знаковых моментах белорусской истории, изложенных на страницах 2-томника.

«Что определяло раньше и также продолжает определять сегодня историческую судьбу Беларуси?» − задаются вопросом авторы. И отвечают: «Постоянно «давление с Запада и Востока» (с. 5). Все более чем 900 страниц издания посвящены именно этому: Беларусь между Польшей и Россией, Беларусь между Германией и СССР.

В первой книге освещены вопросы польско-советской войны, социально-экономического, общественно-политического и духовно-культурного положения в западно-белорусских регионах, оккупированных Польшей. «Оккупация» − ключевое понятие в оценке польской политики в Беларуси. Именно «оккупанты» вводили польский язык, закрывали белорусские и русские

[1] См., например: Грицкевич, А.П. Западный фронт РСФСР 1918−1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию ; науч. ред. А.Е. Тараса. − Минск: Харвест, 2010.

[2] Например: Какурин, Н. Гражданская война в России: Война с белополяками / Н. Какурин, В. Меликов. − М., 2002; Матвеев, Г. Ф. Начало / Г. Ф. Матвеев // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. − М., 2010; Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918−1939 гг. / М. И. Мельтюхов. − М., 2001; и др.

© Кодин Е. В., 2018

школы, вытесняли православие и др. Причем делалось это как до, так и после заключения Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., который оценивается авторами как «антибелорусский по сути» (с. 8). Договор позволил Польше проводить «последовательную, наступательную и бескомпромиссную ассимиляторскую политику», политику «полонизации белорусского населения», «ополячивания белорусов».

Во второй книге, охватывающей период с 1939 по 1953 г., рассматриваются процессы, которые, по мнению авторов, являются следствием Рижского мирного договора: воссоединение Западной Белоруссии с БССР, положение в западных областях БССР в годы Великой Отечественной войны, борьба с польскими антисоветскими организациями и отрядами, вплоть до 1953 г. В этой части особенно необычно для современной историографии звучит тезис о неприемлемости априори только негативной оценки пакта Риббентропа-Молотова. Но обо всем по порядку.

В самом начале читателя знакомят с предысторией польско-советской войны. В августе 1918 г. молодое советское правительство специальным декретом предоставило Польше «неотъемлемое право на самостоятельность и единство». Однако «единство» Польша поняла по-своему и уже в ноябре того же года началась интенсивная подготовка к захвату белорусских, литовских и украинских земель, когда-то принадлежавших Польше в границах 1772 г. (до разделов Речи Посполитой). И сразу же получила огромную поддержку в этом вопросе со стороны США (оружия на 60 млн долл. и продуктов питания на 51,6 млн долл.) и Франции. Такая помощь позволила Польше за короткий срок создать армию численностью в 545 тыс. человек (с. 107). В ноябре 1918 г. польские войска уже начали занимать белорусские земли, откуда выводились германские войска. В ответ на агрессивные действия Польши движение на Запад начала и Красная Армия. 10 декабря красноармейцы вошли в Минск, 5 января 1919 г. вошли в Вильно.

1 января 1919 г. в Смоленске было провозглашено о создании БССР, Временное правительство которой 8 января переехало в Минск. Территориально БССР состояла из двух губерний: Минской и Гродненской. Остальные восточные губернии вошли в состав РСФСР.

Возрожденное польское государство не могло допустить установления советской власти в Беларуси. В начале февраля 1919 г. польские войска начали продвижение на восток и вскоре столкнулись с частями Красной Армии. Первое сражение произошло 14 февраля 1919 г. возле Березы-Картузской: «Так началась Польско-советская война, на два года охватившая большую часть Беларуси» (с. 109). В это время Западный фронт являлся для советской России второстепенным; основные силы Красной Армии противостояли армиям Колчака и Деникина. 8 августа 1919 г. советские войска покинули Минск. Большая часть белорусских земель оказались «под польской оккупацией» (с. 116).

18–19 сентября Ю. Пилсудский посетил Минск, где выступил с речью на белорусском языке, обещая решить «белорусский вопрос». В итоге первоначально многие руководители Белорусской Народной Республики пошли на сотрудничество с поляками (с. 117).

В декабре 1919 г. советская сторона предложила начать мирные переговоры, но Польша отклонила их. Страна активно готовилась к серьезной войне с Россией. И получала для этого хорошую поддержку со стороны стран Антанты и США. В издании приводятся следующие архивные данные. Только в первой половине 1920 г. США передали Польше 20 тыс. пулеметов, свыше 200 танков и бронемашин, более 300 самолетов, 3 млн комплектов солдатского обмундирования, оборудование для полевых телеграфов и телефонной связи. Англия предоставила 58 тыс. винтовок и около 60 млн патронов. Основную заботу о подготовке и обучении польских войск взяла на себя Франция. В 1919 г. в Польшу была переброшена созданная на территории Франции 70-тысячная польская армия под командованием генерала Ю. Галера. Франция послала в Польшу своих инструкторов. Только в период с 1 января по 1 июля 1920 г. из Франции в Польшу прибыло 84 поезда с военным имуществом (с. 122).

К апрелю 1920 г. Польские Вооруженные Силы насчитывали 738 тыс. солдат и офицеров. 25 апреля польские армии перешли в наступление на широком фронте и 6 мая заняли Киев. Начался второй этап польско-советской войны. К этому времени в России завершились военные кампании против Колчака и Деникина. Войска Красной Армии перешли в контрнаступление и 11 июля освободили Минск, 19 июля – Гродно. К августу 1920 г. была освобождена вся Беларусь. 11 августа началась битва за Варшаву.

Далее подробно представлено начавшееся 16 августа контрнаступление польских войск вплоть до прекращения военных действий 18 октября 1920 г. Начались мирные переговоры.

Авторы не уходят от «болевых точек» российско-белорусских отношений и показывают весь механизм недопущения к переговорному процессу белорусской стороны в лице руководства БНР. Приводится красноречивый текст телеграммы Г. Чичерина члену реввоенсовета Западного фронта И. Смилге в Минск от 14 сентября 1920 г.: «Так называемое правительство Ластовского в Риге зашевелилось, посылает ноты, требует участия в переговорах. Поэтому ускорьте приезд представителей Белорусского Советского ревкома. Это крайне важно, надо противопоставить Советскую Белоруссию поползновениям Ластовского» (с. 161). Руководство БНР советское правительство считало агентами, «подкупленными поляками» (с. 164). Российская дипломатия не была заинтересована в присутствии Беларуси на мирных переговорах по той причине, что это «ослабляло бы ее переговорные позиции и лишало маневра» (с. 188).

Авторы издания крайне негативно оценивают неучастие Беларуси в Рижских переговорах, называя будущие закулисные решения по Беларуси не иначе как «открытым, циничным разделом» Беларуси между Польшей и РСФСР (с. 162), хотя одновременно и отмечают, что 16 сентября 1920 г. на заседании ВРК БССР был дан мандат А. Червякову на ведение переговоров в Риге, уполномочивший его быть единственным белорусским представителем с полномочиями заключать с польской мирной делегацией любые договоры по заключению мира, установления границ и торговых отношений между БССР и Польшей (с. 164). Однако польская сторона выступила против допущения представителей советской Беларуси к мирным переговорам, не признала легитимности белорусского советского государства, а также и мандат Червякова. Польша согласилась на самостоятельное участие в переговорах УССР, но БССР в этом праве отказала (с. 166). Не считали Червякова законным представителем Беларуси и лидеры БНР во главе с Ластовским.

18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. По договору Польше отходили белорусские земли площадью 98 815 кв. км с населением 3 171 627 человек. За БССР оставалось только 6 поветов Минской губернии (Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий) с территорией 52,4 тыс. кв. км и населением в 1544 тыс. человек. Республика занимала только шестую часть этнической территории Беларуси. В начале 1920-х гг. белорусские земли входили в состав всех пяти соседних с БССР государств: РСФСР, Польши, Литвы, Латвии и Украины. Границы, пишут авторы, цитируя белорусского географа А. Смолича, были проведены «по живому телу Беларуси» (с. 186).

В преамбуле договора отмечалось, что правительство РСФСР подписывает договор «за себя и по уполномочию Белорусской Советской Социалистической Республики». Ст. 2 договора гласила, что стороны признают независимость Украины и Беларуси. Следовательно, они признавались де-юре. Согласно ст. 7 договора, Польша обязывалась предоставить русским, белорусам и украинцам, которые находились на ее территории, на основе равноправия национальностей, все права для свободного развития культуры, языка и осуществления религиозных обрядов (с. 186).

Как следует из названий четвертого и пятого разделов первого тома, началась эпоха польской оккупации Западной Беларуси, вопреки принятой в Польше 17 марта 1921 г. одной из самых демократических конституций в мире, содержавшей гарантии прав национальных меньшинств и их свободное развитие. На практике все оказалось иначе. За межвоеннный период «была фактически ликвидирована школа на белорусском языке, а власти взяли курс на полонизацию белорусского населения» (с. 335). После майского 1926 г. военного переворота в Польше политика «санации» добавила с 1930 г. еще и политические репрессии. На территории Западной Беларуси прошли 456 коллективных политических процессов (с. 340).

Уже по новой конституции 1935 г. Министерство внутренних дел Польши подготовило проект ускоренной национальной ассимиляции белорусов. В соответствии с ним в 1936 г. началась ликвидация всех белорусских организаций. Позиция польских властей по отношению к белорусскому населению хорошо иллюстрируется заявлением белостокского воеводы Г. Осташевского в июне 1939 г.: «Мы желаем одного и настойчиво требуем, чтобы это национальное меньшинство думало по-польски. Ничего взамен не давать и ничего не делать в другом направлении. Теперь

еще можно белорусов ассимилировать в единое русло польской культуры… Рано или поздно белорусское население будет полонизировано» (с. 360).

Вторая книга начинается характеристикой международных отношений накануне Второй мировой войны. Здесь особо следует остановиться на оценках пакта Риббентропа-Молотова 1939 г. Приведем цитату: «Германо-советский договор стал значительным дипломатическим и политическим актом, который завершал фазу предвоенного кризиса, причем являлся результатом кризиса, а не его причиной. Он не представлял собой ничего экстраординарного с точки зрения политической практики и морали того времени, особенно если его сравнить с Мюнхенским пактом 1938 г.» (с. 7).

Согласие на подписание пакта Риббентропа-Молотова стало, в оценке авторов, «вынужденным шагом И. Сталина, стремившегося переиграть А. Гитлера в условиях, когда Франция и Великобритания открыто тянули с заключением антигитлеровского соглашения с Советским Союзом, одновременно поощряя восточноевропейские аппетиты А. Гитлера» (с. 8).

«На наш взгляд, – читаем в издании, – нельзя концентрировать внимание только на отрицательных моментах германо-советского договора. Реализация этого договора позволила не только осуществить воссоединение белорусского народа, укрепить территориальную целостность БССР, но и восстановить историческую справедливость, ликвидировать национальное унижение белорусов» (с. 8).

Наступление советских войск 17 сентября 1939 г. авторы называют «освободительным походом Красной Армии в западную часть Беларуси» (с. 9), а большинство белорусского населения края воспринимало тогдашние события «как акт исторической справедливости, встречая Красную Армию как избавительницу от национального гнета, цветами и хлебом-солью» (с. 15).

В ноябре 1939 г. западные земли Беларуси вошли в состав СССР: 100 тысяч квадратных километров с населением 4,7 млн человек (с. 29). И этот исторический акт «соответствовал интересам большинства населения края, предотвратил угрозу полонизации и ассимиляции белорусов, способствовал консолидации белорусской нации» (с. 46).

Вопрос о восточных границах Польши решила Ялтинская конференция, которая состоялась 4−11 февраля 1945 г. (с. 244). Договор о границе между СССР и Польшей был подписан 16 августа 1945 г. Но не всех поляков это устроило. Развернулось польское антисоветское бандподполье, ликвидация которого была завершена лишь в 1953 г., что в итоге также «способствовало стабилизации внутриполитической ситуации и укреплению белорусской советской государственности» (с. 303).

Такой подход и такие оценки событий и последствий польско-советской войны и Рижского мирного договора 1921 г., детально представленные в солидном академическом издании, подготовленном на основе комплексного анализа большого массива архивных документов и материалов, в корне разрушают активно пропагандируемый сегодня в Беларуси миф благоденствия под польским господством и устоявшуюся в зарубежной историографии трактовку указанных событий как «советский захват польской Западной Украины и Западной Беларуси»[3].

Информация об авторе

Кодин Евгений Владимирович − доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Смоленский государственный университет (ул. Пржевальского, 4, 214000, Смоленск, Российская Федерация). E-mail: EVKodin@yandex.ru

Information about the author

Yevgeniy V. Kodin − D. Sc. (Hist.), Professor, Chair of the Russian History Faculty, Smolensk State University (4 Przhevalskiy Str., Smolensk 214000, Russia). E-mail: EVKodin@yandex.ru

[3] См., например: Gross, J. T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia / J. T. Gross. − Princeton University Press, 1988.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN SCIENTISTS

Паступіў у рэдакцыю 09.02.2018
Received 09.02.2018

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ГУСАКОВ
(К 65-летию со дня рождения)

12 февраля 2018 г. исполнилось 65 лет со дня рождения широко известного белорусского ученого-экономиста, Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси, академика Национальной академии наук Беларуси, доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Владимира Григорьевича Гусакова.

Владимир Григорьевич – авторитетный ученый в области экономики. Им лично и под его руководством разработаны концепции, программы, механизмы, модели и методики эффективного и устойчивого функционирования АПК. В. Г. Гусаков руководил подготовкой практически всех реализованных и действующих государственных программ, касающихся развития отечественного АПК, в которых определены объемы и параметры национального агропромышленного производства и критерии стабилизации продовольственной независимости и безопасности республики, разработаны механизмы интеграции и кооперации в АПК, создания специализированных продуктовых объединений субъектов хозяйствования, выхода производства в республике на уровень развитых европейских стран и укрепления его конкурентоспособности, обеспечения условий для устойчивого ведения сельскохозяйственного производства, повышения благосостояния сельского населения.

Под непосредственным руководством В. Г. Гусакова и при его личном участии разработаны Республиканская программа повышения эффективности АПК на 2000–2005 гг., концепция и программа продовольственной безопасности Республики Беларусь, концепция внешнеэкономической деятельности АПК Республики Беларусь, программа совершенствования АПК Республики Беларусь на 2001–2005 гг., концепция формирования Общего аграрного рынка СНГ, прогноз социально-экономического развития АПК до 2015 г., Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг., Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 гг., ряд экономических механизмов и рекомендаций по реформированию крупных сельхозпредприятий в структуры рыночного типа. В 2011–2015 гг. он выступил научным руководителем Государственной программы научных исследований «Инновационные технологии в АПК», Государственных научно-технических программ «Агропромкомплекс – устойчивое развитие», «Энергетика и энергоэффективность», «Материалы и технологии», «Информационные и космические технологии», «Медицина, фармация и биотехнологии», трех проектов Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь. В настоящее время под его научным руководством выполняются ГПНИ «Качество и эффективность агропромышленного производства» на 2016–2020 гг., ГНТП «Агропромкомплекс-2020», а также Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг.

В. Г. Гусаков выступил инициатором и разработчиком важнейших стратегических документов, определяющих долгосрочные перспективы инновационного развития национальной экономики. В их числе Программа совершенствования научной сферы на 2013–2015 гг. и на период до 2020 г., концепция «Беларусь 2020: наука и экономика», Научный прогноз экономического развития Республики Беларусь до 2030 г., стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» и многие другие.

За годы профессиональной деятельности Владимир Григорьевич внес значительный вклад в развитие национальной экономической науки, зарекомендовав себя не только выдающимся ученым, но и талантливым организатором и руководителем крупных исследовательских коллективов.

Обладая признанными мировым научным сообществом достижениями в области аграрной экономики, Владимир Григорьевич продолжает развивать отечественную науку на посту Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси. При его активном участии в Национальной академии наук созданы Научно-практический центр НАН Беларуси по земледелию, Научно-практический центр НАН Беларуси по животноводству, Научно-практический центр НАН Беларуси механизации сельского хозяйства, Научно-практический центр НАН Беларуси по картофелеводству и плодоовощеводству, Научно-практический центр НАН Беларуси по продовольствию, которые успешно интегрировались в международную систему аграрных исследований. В настоящее время по инициативе академика В. Г. Гусакова реализуются масштабные проекты по созданию таких фундаментальных объектов, как научно-технологический парк «БелБиоград», «Академтехноград», Белорусская антарктическая станция.

Результаты целенаправленной и кропотливой работы Владимира Григорьевича находят отражение в его многочисленных практических достижениях. В ходе многолетних научных исследований проблем экономики им сформулирован ряд экономических закономерностей, механизмов и принципов трансформации административно управляемой системы в саморегулируемую рыночную, преобразования крупных неэффективных предприятий в гибкие структуры рыночного типа, становления основ конкуренции и коммерции, создания интегрированных национальных и транснациональных компаний и корпораций, ускоренного развития бизнеса и предпринимательства.

В. Г. Гусаков опубликовал более 1500 научных работ, в том числе свыше 30 монографий. Разработки ученого получили широкое международное признание.

Владимир Григорьевич внес значительный вклад в подготовку кадров высшей научной квалификации. Созданная им в 1994 г. научная школа «Инновационное развитие АПК и сельских территорий» в настоящее время выросла в крупный многопрофильный междисциплинарный комплекс, объединяющий научные исследования проблем организации и эффективного функционирования рыночного хозяйственного механизма в АПК, реформирования сельского хозяйства, становления конкурентоспособного производства рыночного характера, формирования эффективной стратегии и аграрной политики, обеспечения продовольственной безопасности и независимости, кооперативно-интеграционных отношений, развития внешнеэкономических отношений и интеграции национального АПК в мировое рыночное хозяйство.

За последние годы в рамках функционирования научной школы были разработаны концептуальные основы обеспечения продовольственной безопасности на международном, национальном и региональном уровнях; методология и алгоритм мониторинга национальной продовольственной безопасности; механизм выявления, оценки и упреждения угроз продовольственной безопасности; создан информационный ресурс «База данных научно-технической информации в сфере обеспечения продовольственной безопасности», подготовлен проект Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г.

В настоящее время кадровый потенциал научной школы академика В. Г. Гусакова формируют более 45 ученых, в их числе 2 академика НАН Беларуси, 3 члена-корреспондента НАН Беларуси, 16 докторов и 23 кандидата экономических наук.

Под научным руководством В. Г. Гусакова подготовлено более 20 докторов и 13 кандидатов экономических наук, среди них 4 члена-корреспондента НАН Беларуси. Его ученики успешно продолжают традиции преемственности в науке, активно развивают собственные ветви научной школы, готовят кандидатов наук.

Владимир Григорьевич возглавляет совет по защите диссертаций Д 01.48.01, функционирующий при Институте системных исследований в агропромышленном комплексе Национальной академии наук Беларуси. За годы существования школы в данном совете защищены 93 диссертации, из них на соискание ученой степени доктора экономических наук – 18, кандидата экономических наук – 75.

Владимир Григорьевич выступает инициатором активного привлечения научных организаций Национальной академии наук Беларуси к решению актуальных общегосударственных задач в интересах развития национальной экономики. Его системная деятельность по внедрению научных разработок и повышению востребованности научных результатов реальным сектором является весомым личным вкладом в обеспечение инновационного развития государства. Вклад Владимира Григорьевича в развитие науки и экономики Беларуси неоднократно отмечен высокими государственными наградами и международными премиями.

Международное научное сообщество знает Владимира Григорьевича как выдающегося ученого, талантливого организатора и видного государственного деятеля, который внес значительный вклад в развитие белорусской научной сферы. Весь его жизненный путь – это наглядный пример того, как глубокие академические знания, высокий профессионализм и исключительная работоспособность могут сочетаться с интеллигентностью, скромностью и доброжелательностью.

Владимира Григорьевича всегда отличали патриотизм, преданность делу и высокая ответственность. Каждый день, решая комплекс взаимосвязанных задач по развитию белорусской науки, В. Г. Гусаков неизменно сочетает многолетний опыт руководящей работы с высокими моральными принципами и верностью долгу. Стремление ставить перед собой амбициозные цели и умение их своевременно достигать является неизменным предметом восхищения коллег и подчиненных академика В. Г. Гусакова.

Поздравляем Владимира Григорьевича с юбилеем, желаем крепкого здоровья, благополучия, новых талантливых учеников и научных достижений. Уверены, высокий профессионализм, богатый жизненный опыт и умение обеспечить эффективную работу крупных научных коллективов будут способствовать дальнейшему стабильному и устойчивому развитию научной сферы на благо нашей страны.

Бюро Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси